

уральский

следопыт

№5 **** 1981

Земля и небо

Александра Дзюбы

*Очерк А. Махлина о десанниках читайте на стр. 66
Фото автора*

В номере:

В. Еловских СОЛДАТ И МАЛЬЧИК. Рассказ	2
С. Зигуненко ЭЛЕКТРОННЫЕ МАГИ	10
Л. Славолубова ВТОРАЯ МАГНИТКА	13
Е. Новоселов АЛАПАЕВСКАЯ РЕСПУБЛИКА	16
А. Шеметило ЗОЛОТО РЕВОЛЮЦИИ	18
Н. Домовитов, Л. Сорокин, М. Найдич, А. Комлев ГОРИЗОНТ ОТКРЫТИЙ ДОГОНЯЯ... Стихи	20
С. Черных ДРУГ АБАЯ	23
С. Попов У ЛУКОМОРЬЯ...	26
Ю. Леонов СЛАБЫЙ ЗАПАХ ГЕРАНИ. Рассказ	27
А. Нагибин МИЛЛИОН МЕТРОВ В ГЛУБЬ ЗЕМЛИ	32
Л. Гаряев СОЗВЕЗДИЕ «ЛИРЫ»	33
Э. Пензин АВТОГРАФ КОМАНДОРА	35
А. Кухтурский ДЕСЯТИНА, ЧЕТЬ, ГЕКТАР...	36
Г. Браиловский ЭТО ВЧЕРАШНЕЕ СЕГОДНЯ	38
Н. Дьяченко ДОРОГА ПЕРВЫХ	40
Ю. Шумайлов ГЕРОЙ ИЗ ВЕРХНЕЙ СИНЯЧИХИ	42
Л. Фокин ПЕРЕД ЯРКИМ ЦВЕТКОМ...	44
И. Росоховатский БЕЛЫЕ ЗВЕРИ. Рассказ	49
КАЛЕЙДОСКОП. МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА	60
Р. Лынев УДИВЛЕНИЕ	62
Ю. Липатников НЕТ ЛЕСА БЕЗ ОГНЯ!	65
А. Махлин ЗЕМЛЯ И НЕБО АЛЕКСАНДРА ДЗЮБЫ	66
В. Карпов КОРАБЛИК	68
Ю. Рязанов УСЛЫШАТЬ ЗВУКИ МАРАКАСА...	71
В. Могильницкий СПУТНИК АРСЕНЬЕВА	73
В. Карелин СЛЕВА — АЗИЯ, ЕВРОПА — СПРАВА	75
МИР НА ЛАДОНИ	77

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219,
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 27.01.81.
НС 11056.
Подписано к печати 19.03.81.
Бумага 84×108^{1/16}.
Бумажных листов 2,62.
Печатных листов 8,8.
Учетно-издательских листов 10,5.
Тираж 254 000.
Заказ 502.
Цена 35 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49

На 1 стр. обложки — рисунок
З. БАЖЕНОВОЙ.

© «Уральский следопыт», 1981 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

№5 * 1981

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

СОЛДАТ

**Василий
ЕЛОВСКИХ**

*Рисунки
Н. Мооса*

1

Он лежал на травянистом пологом берегу речушки, боясь пошевелиться, когда боль в раненом плече становилась нестерпимой и чувствуя, что слабеет с каждой минутой; кружило голову, шумело в ушах и все время хотелось пить. Мокрая гимнастерка прилипала к телу. Он часто с присвистом дышал, ему не хватало воздуха.

Еще вчера утром зарядил дождь, сыпал весь день, всю ночь, все сегодняшнее утро, частый, бесшумный и мелкий, как пыль. Иван и раньше не терпел таких дождей, они нагнетали на него тоску, портили ему настроение. А сейчас дождь и неподвижные, будто уснувшие в тихой мокроте сосны, ели, кустарники были просто невыносимы; казалось Ивану, что он весь опутывается водяной сеткой, она мягка, неслышна, но страшна своей бесконечностью, и нестерпимо хотелось, чтобы все это кончилось, чтобы проглянуло солнце, подул ветер, зашумели сосны, застучали дятлы, запели птицы или уж пошел бы настоящий дождь, крупный и шумный.

Василий Иванович Еловских родился в 1919 году в г. Первоуральске. Там же, на старогрубном заводе, начал работать токарем. Участник Великой Отечественной войны, командир стрелкового взвода. Первый рассказ был опубликован в альманахе «Уральский современник» в 1940 году.

В. Еловских — член Союза писателей. В центральных и местных издательствах издано более двадцати его книг.

И МАЛЬЧИК

Рассказ

Он второй день в лесу. Вчера очень хотелось есть; он пожевал мелкой и какой-то кисловатой малины, которая попалась по пути, съел несколько совсем уж невкусных сыроежек. Возле ручья в траве увидел лягушку и вспомнил, как красноармеец их взвода, на гражданке работавший учителем, рассказывал, будто французы всю уплетают задние ноги (почему только задние?) каких-то зеленых лягушек, считая это лакомством. Лягушку можно поджарить на костре под елкой. Он подумал об этом и сплюнул от омерзения... Сегодня есть уже не хотелось. Хотелось пить. И он долго, жадно пил из тихой речушки, громко причмокивая, а потом лежал на траве, то и дело погружаясь в глубокий сон.

Позавчера вечером был бой, первый бой, в котором участвовал красноармеец срочной службы Иван Киселев. Впрочем, какая уж тут срочная, война все перемешала. Иван впервые видел в туманной сини вечера слегка согнутые, какие-то крадущиеся фигуры вражеских солдат и не мог понять, почему они кажутся такими черными. Он стрелял в них. А потом был страшный удар, землю будто разорвало на части, и Киселев полетел куда-то в холодную глубину далекого неба, в бесконечный мрак, и потерял сознание. Ночью пришел в себя. Странно тихо. И совсем темно. Невыносимая ноющая боль в плече; у плеча, на груди, на животе тепло и липко — кровь. Он лежал один живой среди множества убитых. Впрочем,

Иван не знает, множества ли; когда он, прижавшись, покачиваясь и постанывая, зашагал в глубину леса, ему попали под ноги двое убитых красноармейцев. И немцы, и наши были уже где-то далеко отсюда.

На рассвете он прошел мимо безлюдной деревушки из нескольких домов, точнее, не домов даже, дома были сожжены, а печей и труб, нелепо торчавших среди головешек и золы.

Вчера Киселев еще шагал понемножку, одолев километра два, может, три, а сегодня к утру до того обессилел, что не мог подняться, лежал, задыхаясь, постанывая. Он все время старался убедить себя в том, что скоро увидит своих солдат или кого-то из советских людей, хотя где-то в глубинах мозга давно сидела колкая пугающая мысль, что все эти надежды напрасны, фронт, видимо, уже откатился далеко на восток.

Третьего дня, еще до ранения, ему всю ночь снились неприятные сны, будто очутился он под землей, в пещере, один, бегаешь, бегаешь там по бесконечным узким галереям, пытаешься выбраться наружу, к свету, и не можешь, кругом тьма, и земля нависла над ним, вот-вот обрушится. Он потерял пальто, ботинки, кепку...

Иван пролежал на мокрой траве весь остаток дня, тупо глядя на пухлое мутное небо, пролежал весь вечер, всю ночь, до утра. Дождь постепенно утих и стало почему-то холоднее. Ивану казалось, что в лесу душно, как в обку-

ренной конуре, он быстро, жадно хватал сырой воздух раскрытым ртом. Попытался встать, опираясь о сосенку; голову обкружило, все поплыло куда-то вправо — сосны, речушка, трава, небо, и Киселев рухнул на землю.

Он подумал, что может скоро умереть, и удивился тому, что подумал об этом без страха. Потом мелькнула мысль, что умрет он не где-нибудь, а здесь вот, возле речушки, в лесу, вдали от людей, тело его растерзают звери и птицы, и от этой мысли ему стало не по себе. Умрет и некому, совсем некому будет вспомнить о нем: единственный его друг погиб в первые минуты того боя, а бывшие детдомовцы разбежались кто куда.

И Киселев, наверное, в тот же день умер, если бы...

Впрочем, всему свое время. Давайте перенесемся пока в маленький поселок, до которого было километров пятнадцать.

2

Погреб глубокий, дно погреба неровное: одна половина ниже, другая выше. В той, которая ниже, была вязкая жижа. А на высокой половине лежала старая доска, узкая, мокрая и какая-то противно скользкая. Сережка и Петька сидели на доске, прижавшись друг к другу, подогнув босые ноги и опираясь о земляную стену, тоже мокрую и скользкую. Мерзли ноги, руки, лицо. Сидели и дивились: в погребе мокро, не застыло, а такая холодина, хуже, чем зимой. Сидеть неудобно, ни сядешь хорошо, ни ляжешь — то поясницу ломит, то ноги немеют.

Где-то далеко наверху глухо разрываются снаряды. Один раз разорвалось совсем рядом, и в погребе посыпалась земля.

Час назад за поселком начался бой, и Сережка с Петькой выскочили на улицу. Сережкина мать приказала ребятам бежать в амбар и лезть в погреб, а сама зачем-то побежала к подружке. Сережка надел большой дырявый пиджак, оставшийся от отца, а Петьке дал свое пальтишко.

И вот они тут... Прошло, по-видимому, уже много часов, а Сережкиной матери все нет и нет. Больше им ждать некого. Петькина мать умерла еще до войны. Отцы — в армии...

Тьме и глухим взрывам, кажется, не было конца. Что-то тяжело ударило в крышку. Петька испуганно захныкал. Потом стало тише, и мальчишки забылись в тревожном сне, пожевываясь, тесно прижимаясь друг к другу и к стенке. Когда Сережка, вздрогнув, проснулся, в щель крышки проникал слабый колеблющийся свет. Прошло еще сколько-то времени, колеблющийся свет постепенно сменился силь-

ным и ровным; светлая полоса падала на лестницу, которая вела к крышке, на жижу и земляные стены. Было тихо. Сережка попытался откинуть крышку. Но она не подавалась.

— Откройте!

Никто не отозвался.

Тогда они, почти по-мужски кряхтя, стали толкать крышку вдвоем. Она приподнялась, но Петька устало опустил руки, и тяжелые доски ударили Сережку по голове.

Они все же вылезли наружу. Вылезли, и у обоих захолонуло сердце. За ночь сотворилось страшное: не стало дома, где жил Сережка, бани и ворот, на их месте лежали черные головешки, от которых кое-где поднимался дымок. Среди головешек стояла нетронутой печь с трубой. Труба показалась слишком длинной. Вроде бы и не своя она, печь, а чья-то чужая, какая-то слишком грязная. А печурка с надбитым кирпичом своя. Еще весной Сережка, балуясь, отбил кусочек кирпича у печурки, и мать тогда сильно ругалась. Одна из каменных стен амбара разрушилась. Крышу и потолок истопили еще в прошлую зиму. Уцелел маленький кривобокий тополь. Его листья поблескивали и трепыхались на ветру.

Возле тополя валялась кисть руки, обыкновенной человеческой руки. Темная, почти черная под белым пухлым небом, с чуть согнутыми пальцами.

— Мама! — крикнул Сережка. — Мама! Мама!!

Петька плакал и издавал какие-то странные звуки, будто захлебывался. Никто не отвечал им, на улице ни одного человека.

Сережка с Петькой шли, не зная куда. Дошли до кирпичного двухэтажного дома, половина которого была развалена, будто обрублена чем-то, повернули за угол и увидели площадку. На конце площадки у сваленного прясла лежала женщина с запрокинутой головой. Вместо подбородка и рта у нее было кровавое месиво, к которому прицепилась маленькая белая щепка.

Из соседнего переулка доносился неясный, тревожный шум и грубые мужские голоса:

— Шнэлер!¹

— Байзайтэ ниht трэтен!²

Стало слышно, как стонут, тяжело вздыхают люди и множество сапог шаркает о землю. Через площадку шли русские военнопленные. Они шли рядами по четыре человека, с понурыми головами, небритые, в грязных измятых гимнастерках. Головы и руки у некоторых перевязаны тряпками, из которых сочилась кровь. Молоденький красноармеец со страдальческим лицом тяжело волочил левую ногу и стонал.

¹ Быстрее! (нем.)

² В сторону не отходить! (нем.)

Двух раненых в центре колонны тащили под руки. Возле колонны шли немецкие автоматчики и покрикивали грубыми охрипшими голосами:

— Шнэлер! Шнэлер!

Военнопленные ушли, а Сережка и Петька еще долго молча и тупо смотрели на дорогу. Сейчас им можно было дать лет по пять, не больше, хотя Сережке исполнилось десять, а Петьке — восемь.

Повернули в переулочек и услышали повелительный голос:

— Алло, мальшик, ити сюта!

На скамье возле уцелевшего деревянного домика сидели два немецких солдата в расстегнутых кителях, один длинноногий и длинноносый, другой толстый, широкомордый. Разные вроде бы и в то же время чем-то неуловимо похожи. Спины полусогнуты, точь-в-точь как у баб, когда они вечерами на завалинках отдыхают. В домике играли на аккордеоне что-то веселое.

— Ити сюта, мальшик!

Говорил длинноногий. Он распрямылся и смотрел насмешливо. Ребята испугались, насторожились, но шли. Поняли: нельзя не идти.

— Почему ходиль? — спросил немец, глядя на обоих. — Я спрашиваль.

Чужие страшные голоса, чужие, не русские лица, чужая неприятная одежда.

— Мамы... нету, — пробормотал Петька. — Сгорело все...

— Ходиль не можно. Можно наказываль.

Солдат схватил Сережку за руку, подтянул к себе и стал щелкать по носу широким синеватым ногтем. Сережка вскрикнул, хотя не так уж больно было, рванулся, но левая рука немца держала его, как клещами. Отшвырнув Сережку, длинноносый схватил Петьку. При каждом щелчке Петька вздрагивал, всхлипывал, но покорно подставлял нос истязателю.

Длинноносый неторопливо и сердито делал свое дело, поджав губы. Толстый немец растянул губастый рот в неподвижной улыбке. Хоть и неподвижная улыбка, а довольная. Потом длинноносый махнул рукой: убирайтесь! Толстый немец что-то быстро протараторил на своем языке и бросил далеко на землю кусок хлеба. Кусок был с ладонь, твердый, как камень, и пах бензином. Сережка съел половину куска. И еще больше захотел есть. Он не помнит дня, когда бы не хотел есть: с утра, позавтракав, ждал обеда, без конца думал об обеде, пообедав чем бог пошлет, ждал, когда мать позовет на ужин. Плохо было с продуктами — война. Петька вяло жевал хлеб. Проглотив последние крошки, сказал:

— По-полежать бы...

— Ты чего, заболел?

— Полежать бы...

Сережка потянул Петьку за рукав, но тот чего-то заупрямился, замычал и вдруг лег на траву возле сваленной изгороди. Сережка просил, ругался, но Петька не хотел вставать.

— Полежу.

Укрыв его пиджаком, благо солнце стало

пригревать и самому можно было остаться в одной рубашке,—холодно, но не шибко, Сережка сказал:

— Ладно, полежи, а я сбегая...

Он снова ходил по улице, искал мать, но улица была пуста. Головешки на месте их дома больше не дымили. Все в той же неловкой позе, в какой иной человек не сможет пробыть и пяти минут, лежала женщина.

Светило холодноватое затуманенное солнце; оно было одинаково равнодушным ко всему и вчера, и сегодня.

Проходя мимо разрушенного дома, он услышал стоны. Зашел. На кровати лежала старуха, разбросав руки, волосы и платье покрыты слоем пыли.

— Не подходи! — крикнула она. — Я болею... Мать у тебя, видно, убили, — продолжала старуха безжалостно. — Ты беги в деревню Тепловку. Дотуда километров десять. Но... ничего. Там как-нибудь прокормишься.

3

В Тепловку они пришли на другой день. После того, как Сережка поговорил с больной старухой, он еще два раза бегал к своему дому. Ночевали у тихой безлюдной дороги, возле березы, прижавшись друг к другу. Петьке всю ночь мерещились немцы, он дрожал, всхлипывал и выкрикивал что-то бессвязное. Утром Сережка долго искал грибы и ягоды, но не нашел. Он тащил за руку Петьку, тот едва двигался и все порывался лечь.

Деревня тоже была разрушена и сожжена. Среди куч пепла виднелись кое-где печи с нелепо вытянутыми трубами. Одна улочка домиков в десять возле опушки леса осталась нетронутой. Ребята ткнулись в первый попавшийся дом. Старуха-хозяйка, назвавшаяся теткой Нюрой, накормила их вареной картошкой и хлебом. У Сережки вспучило живот и появились рези. Петька съел две картофелины и лег на сундук. Старуха потрогала его лоб и сказала, что у Петьки жар, он болеет, а чем болеет, она не знает и узнать не у кого.

Во сне Петька звал Сережку, кричал: «Отдай мой ботинок!». Под утро затих. И когда на рассвете тетка Нюра подошла к Петьке, он был совсем плох.

— Ну, что с тобой, сынуля?

— Немцев нету?

— Нету. Не бойся, нету.

Сережка тоже занемог, почувствовав вдруг, что в избе стало что-то очень уж жарко. Болела голова. Тетка Нюра уложила его на кровать сбоку от Петьки и не велела вставать.

Весь день стояла тишина, будто и войны не было, и немцев не было. Но в тишине этой чу-

дилось и ребятишкам и старухе что-то тревожное, зловещее. Изредка приходила маленькая женщина с добрыми глазами, шепталась на кухне с хозяйкой и неслышно уходила. Тетка Нюра все время чего-то боялась; половица скрипнет или на улице кто крикнет — вздрагивает, крестится, ходит по избе, шепчет непонятно что; скажет громко слово-два, и опять шепчет. С ребятами разговаривает редко...

Утром, вскочив с постели, Сережка пошел в лес. Он все еще болел. Но не было дров и кто, кроме него, мог принести их. Тетка Нюра едва ходила, согнувшись коромыслом. Сыпал мелкий дождь, в лесу было сыро, туманно, скучно.

Через полчаса после его ухода громко, начальственно стукнула щеколда калитки. Тетка Нюра выглянула в окошко и затряслась, проговорив про себя:

— Зачем это?..

В избу ввалились двое в мундирах ядовитого серо-зеленого цвета без погон, молодые, ростом под потолок. У одного на жирной красной щеке шрам, длинный и ровный, будто по линейке делали. У второго левый глаз закрыт черной лентой, а правый смотрел недоверчиво и зло.

В избе запахло спиртом и чесноком.

— Коммунистов не прячешь, бабка? — спросил человек со шрамом и весело ухмыльнулся. Одноглазый подошел к Петьке.

— Ты чей? Как твоя фамилия?

Петька промолчал, замер от страха.

— Где у тебя мать? Где, я спрашиваю?! А отец где? В армии?

Петька кивнул.

— Бузин, посмотри-ка, сколько здесь картошки! — протянул одноглазый из подполья. Он уже успел спуститься туда. — И свекла. И морковка. Редька!

Бузин издал какой-то странный звук, будто захлебывался, пробежал комнату и прыгнул в подполье. Несколько минут снизу доносились грубые голоса. Ступив на пол, Бузин заорал:

— Ты!.. Ты что, старая ведьма, вчера говорила старосте? А?! Вези ее к Андрей Маркелычу.

— Чего возить. Сам пригрозил.

— Вези, говорю! Она ж, сволота, ни фунта немецкой армии не сдала. Староста сказал — не сдала. Дескать, у меня ничего нету. А здесь вот целый склад устроила.

Он схватил старуху за кофту. Легонько, надо сказать, схватил. Но тетка Нюра охнула и закричала:

— Хриstopродавцы! О, господи!..

— Молчи! Или я тебе заткну хайло по-настоящему.

Они стояли возле старухи и слегка поща-

тывались. У Бузина на отвисшей нижней губе поблескивали слюни. Пьяные.

— Вези. Маркелыч прочистит ей мозги.

Когда одноглазый увел тетку Нюру, Бузин приказал Петьке собираться, а сам сел за стол, открыл флягу и стал пить из нее. Пил медленно, помаленьку и все чего-то морщился.

Сыпал холодный дождь. Они вышли за околицу и миновали бедное, грустное деревенское кладбище с покосившимися крестами и столбиками.

Петька спросил: «Ты куда меня?..», но Бузин повелительно махнул рукой. «Я не пойду. Я не могу». — «Иди, говорят! Красноармейчик».

По скользкой грязной дороге трудно идти даже Бузину. А Петьке и вовсе. Он сел. Бузин пнул его в спину раз, другой. Больно пнул. Он смотрел на Петьку совсем не так, как на тетку Нюру: на ту насмешливо-сердито, а на него с холодной ненавистью.

Грязь, дождь, унылые березки. Ступни у Петьки немели от холодной мокрой травы. Он вроде бы уже и не чувствовал ног, шел как на ходулях.

У окопа, протянувшегося по невысокому холму, Бузин остановился и скомандовал:

— Снимай пальто.

— За... зачем? — прошептал Петька.

— Снимай, говорят!

В глазах Бузина столько злобы, так колят эти глаза, что Петька мелко задрожал, сколько-то секунд помедлил, прижимая руки к телу,

и стал снимать пальто. Отлетела пуговица. Петька поднял ее, очистил от грязи и положил в карман пальто.

Бузин стоял, расставив ноги, сунув руки в карманы брюк.

Петьку поташнивало, нестерпимо хотелось сесть. Бузин собирается сделать ему что-то плохое, очень плохое: надсмеяться, избить, убить. Да, хочет убить. Петька с самого начала отгонял от себя эти страшные мысли, хотя они неотступно долбили его мозг. Убить! Нет, только не это! Нет, нет, нет!!! Мать говорила: падают на колени и просят... Все эти мысли вместе с беглыми мыслями о том, что в лесу сыро и холодно, промелькнули в голове Петьки за какие-то секунды. Он не упал на колени, не просил. Он вдруг — что с ним стало? — крикнул, крикнул с силой, на какую только был способен:

— Чего тебе надо от меня?! Уходи от меня!! Уходи!!! — И, плача, схватил пальтишко. Последнее; о чем он подумал: «От пули больно»...

Но больно не было. Был удар в голову, и Петька упал.

Бузин столкнул мертвое тело в окоп, кое-как забросал землей, поддевая ее сапогом и палкой с бруствера, и, подняв пальтишко, отплевываясь и пыхтя, зашагал по скользкой дороге обратно в деревню.

Сережка нес вязанку хвороста. Маленькая женщина (он узнал ее, она приходила к тетке

Нюре), стоявшая у калитки крайнего в деревне дома, поманила его пальцем и заговорила, плача и сдавленно всхлипывая:

— Не ходи туда. Парня твоего... полицейского... расстрелял.

— Что?! — вскрикнул Сережка, хотя все уже понял.

Женщина видела, как Бузин вел Петьку, слышала выстрелы. Потом, когда Бузин, уже один, снова прошагал по деревне, она сходила к окопу и набросала на могилку земли, решив, что попозднее с помощью стариков по-настоящему похоронит мальчишку.

— Беги, парень!..

Дождь все шел, вода стекала с головы на лицо и была противно солоноватой. Но Сережка не обращал на это внимания, он съезжился и сразу стал почти на голову меньше, губы заострились.

...Ночь тоже была дождливой. Во тьме непроглядной светился один только дом, там пировали два немецких солдата и Бузин. У немцев сломалась машина, и они решили заночевать.

Немцы что-то говорили, резко, лающе. А Бузин пел:

Степь да степь кругом,
Путь далек ле-жит...

Песня как песня, она нравилась Сережке прежде, а сейчас казалась такой же противной, как и хриплый голос полицейского.

Наконец в доме утихли, и свет погас. Дождь по-прежнему лил, печально шебарша и булькая. Сережка вылез из сарая, он весь вечер просидел там, в соломе. Сарай — наискось от дома, в котором пировали полицейский и немцы. Озираясь, пригибаясь и пыхтя, стал таскать сено к дому фашистов. Вытащил зажигалку, она все дни войны была с ним, и поджег.

«Только бы не проснулись».

Но когда по двору заматались тени от огня и чернильная темнота, будто живая, стала сжиматься, нервно и неровно пульсировать, отступать, немцы и Бузин проснулись, заорали и выскочили на улицу.

Он сделал ошибку: надо было ему сразу же убежать, а он, отойдя на другую сторону улицы, глядел, как пожар разгорается, и радовался, и только увидев немцев и полицейского, бросился наутек. Да так шибко бросился, что в темноте налетел на сваленное прясло, упал, опять побежал и снова запнулся за что-то.

4

Ему показалось, что кто-то его зовет. Иван открыл глаза. Рядом сидел белобрысый, лобастый мальчишка в мужицком пиджаке с дырками на рукавах, страшно тощий — кожа да

кости, с большой не по возрасту головой, которая лишь усиливала его невыносимую худобу.

— Ты кто? Ты откуда?

Ивану казалось, что он спрашивает во весь голос, а получился хрипловатый шепот. Мальчишка отвечал медленно и монотонно, как заведенный. Он был болен, это по всему видно: вялый, с осоловелыми глазами... Лег рядом с Иваном, точнее будет сказано, свалился. Он шел в деревню со странным названием Вилок, до нее отсюда километра три-четыре. Иван удивился: как близко. Но еще более удивился он, узнав, что до другой деревни — Тепловки только километра два, и почти рядом с ним, метрах в трехстах, проселочная дорога, — ведь он-то думал, что лежит в далекой глухой чащобе. По дороге, видимо, никто не ездит, не ходит. Бывают такие дороги, забытые, немые, заросшие травой, по которым когда-то, может быть, в прошлом, может быть, в позапрошлом году или еще раньше проезжали на телегах. И с тех пор колеи живут, и вроде бы дороги есть. Есть и нету. На них и возле них почему-то охотно растут ядерные рыжички и волнушки, глубокие колеи долго после дождей хранят в себе прозрачную, чуть синеватую воду, и дороги эти навевают на путников легкую грусть.

Мальчишка шел по дороге, потом свернул в низину, к кустарникам, решив, что там должна быть речка, и услышал стоны красноармейца.

Узнав, что у Сережки есть зажигалка, Киселев сказал:

— Давай разожжем костер.

Мальчишке надо было помочь, Иван попытался подняться, закружило голову, боль в плече стала сильнее. И ноги были как не свои. Он разозлился на себя и зло застонал.

Они долго возились с костром, набросав в него, что попало — сухих сучьев, шишек, зеленых веток. Не костер, а костерок получился, но все равно живой огонек, только много дыма.

Спали под кустом. Сережка прижался к Ивану, был он горячий, как печка. Утром Иван с трудом добрал до ручейка, опираясь о березки и кусты, громко, смачно попил тепловатой воды, пахнувшей тиной, набирая ее в грязную пилотку, потом снова зачерпнул воды в пилотку и напоил мальчишку. Рядом с кустом, под которым они спали, увидел маленькую синюю сыроежку. Удивился, что у сыроежки крепкая, как у груздя, шляпка.

— На, пожуй, — сунул ее Сережке в рот. Тот недовольно выплюнул.

— Что, плохо?

Об этом можно было и не спрашивать: даже глаза, запавшие, потухшие, говорили о том, что мальчишке плохо.

— Где болит-то?

8

- Голова болит. Все болит.
- Что все-то?
- Все! Я полежу.
- Полежи. Прижимайся ко мне поближе.

Вчера Иван надеялся, что мальчишка помаленьку оклемается, пойдет и позовет кого-нибудь. Но к вечеру стало ясно: не встанет, совсем распластался.

Красная Армия отступила, видимо, куда-то далеко и можно ждать помощи только от сельчан, искать их и не попадаться на глаза немцам и полицаям. Дорога тележная, заброшенная, по ней едва ли поедут немцы, зря он вчера пугался. Хотя черт их знает...

— Ты отдыхай, милый, отдыхай,— хрипловатым голосом продолжал успокаивать Киселев Сережку.— Нас все одно найдут. И будут лечить. И будут кормить.

Говорил и сам уже не верил тому, что говорил. Но ведь не себе говорил,— мальчишке.

- Холодно?
- Нет.
- Может, встанешь?
- Я... полежу.

Отвечает таким голосом, будто обижается на Киселева. А тот снова ласкал его словами:

— Полежи... Отдохни. Скоро к нам кто-нибудь да придет.

Хорошо бы рассказать мальчишке веселую сказку, но не помнил Иван ни одной сказки, ни веселой, ни грустной. Чем-то бы покормить его. Люди говорят, что летом в лесу не умрешь с голоду даже без ружья. Но Иван—горожанин, и лес всегда казался ему непонятным, даже немножко пугал его. Худые дела. И все же что-то теплилось в душе его, какая-то легкая надежда, только на что—неизвестно.

Сколько же все это будет продолжаться? Сегодня он чувствовал себя куда лучше, чем вчера, сегодня он жил, а не умирал; боязнь за мальчишку, желание опекать, оберегать ребенка—навсегда заложенное природой в каждом из нас неистребимое, святое желание—вдохнули в него жизнь и силу. Иван и сам дивился этому. Конечно, ноги у него все еще как деревянные, не его будто, и голос будто чужой, не его. Но кроме тела есть еще и дух. Не тот, в бессмертие которого верят, не тот, которому молятся, а обычный, представляющий собою как бы все-внутреннее состояние человека. Да, здоровое тело порождает здоровый дух, но и здоровый дух омолаживает тело. Где он об этом читал? Ну, не все ли равно где. Смешно думать сейчас, где читал. Иван попытался засмеяться, но получился короткий жалкий клекот. И все же сама по себе попытка засмеяться была хорошим признаком, он это понял.

Иван поддерживал в костерке огонь, тормозил Сережку, просил его повернуться к теплу то одним, то другим боком, ползая, отыскивал

все-таки землянику, набрал пригоршню и скормил по ягодке пареньку в нелепом взрослом пиджаке.

Сережка косил на Ивана глаза. И в них было уже что-то живое. Иван подумал, что одиночество особо губительно действует на детей, и мальчишка, конечно, погиб бы, если бы не вышел к нему...

Вечером их увидели старик и две старухи, ехавшие на телеге из Тепловки в Виллок. Они взвалили красноармейца и мальчишку на телегу, и тощая, уже совсем старая кобылица, опустив голову, потянула их черепашным шагом по заросшей травой, едва видной тележной дороге. Была еще одна дорога из Тепловки в Виллок, та—торная, людная, но старикам хотелось насбировать немножко валежника, которого много возле речушки.

Они шли возле телеги, вполголоса переговариваясь. В полукилометре от деревни старик, остановив лошаденку, сказал с удивлением:

— А солдат-то ведь помер, братцы!

Старухи подошли, поглядели. Перекрестились.

ЭЛЕКТРОННЫЕ МАГН

**Станислав
ЗИГУНЕНКО**

*Рисунок
В. Ганзина*

В Краснодар мы прилетели ночью, в то время, когда понятие «очень поздно» превращается в «очень рано». Треволнения трудного перелета (его несколько раз откладывали), резкая смена климата, бессонная ночь — все это, видимо, наложило свой отпечаток, и попав, наконец, в гостиничный номер, я почувствовал, что меня знобит. Правда, горячий душ, чай, сон сделали свое дело, и к полудню мою хворобу как рукой сняло, но мысль о том, что я вроде собирался заболеть, осталась. И, быть может, именно попав на выставку, которой начал свою работу VII Всероссийский слет юных рационализаторов и конструкторов, я прежде всего отправился в тот раздел, где ребята демонстрировали свои приборы и устройства, сделанные в помощь медикам.

А попав сюда, снова решил «прихворнуть», теперь уже в силу производственной необходимости. Лучше всего ведь пишется о том, что познал на своем опыте.

Началась моя «хворь» довольно странно — я потерял внимание. В этом я убедился, проведя эксперимент с прибором свердловского школьника Алексея Колмогорова. Прибор представлял собой небольшую коробку с электронной начинкой. На передней панели коробки нанесены разные геометрические символы — треугольники, квадраты, прямоугольники с округленными сторонами... Нажатием кнопок нужно было как можно быстрее выбрать по определенной программе те или иные фигуры. Вот тут-то я и убедился, что в положенное время не укладываюсь.

Пришлось сосредоточиться и провести эксперимент еще раз, потом еще... Лишь убедившись, что приступ невнимательности прошел, я отправился дальше.

И тут все стало ясно. Оказывается, у меня был как раз день эмоционального спада. Отсюда и моя излишняя невнимательность. Откуда я это узнал? В том помог мне микрокомпьютер «Изумруд», созданный членом Горьковской областной станции юных техников Валерием Чмилем.

Работает он вот на каком принципе. Еще в конце прошлого века ученые установили, что человек не может все время находиться в стопроцентной готовности к действию. Это хорошо знают спортсмены, подгоняющие «пик» спортивной формы к наиболее ответственным соревнованиям сезона. Это же порою замечает каждый из нас: на прошлой неделе дела шли так хорошо, а вот на этой что-то застопорилось. В чем дело?

По некоторым предположениям, одной из причин такого состояния могут послужить колебания физических, эмоциональных, интеллектуальных способностей человека. Считается, что колебания эти приближенно имеют свой период: физический цикл — 23 дня, эмоциональный — 28 дней, интеллектуальный — 33 дня.

В каждом цикле первая половина составляет положительный полупериод, вторая — отрицательный. Одиннадцать с половиной дней положительного полупериода физического цикла — хорошее время для

установления, спортивных рекордов и прочей деятельности, требующей физической силы. В первый полупериод эмоционального цикла люди, как правило, находятся в хорошем настроении, добры и оптимистичны. Напротив, в отрицательные 14 дней они подвержены приступам плохого настроения. В положительную половину интеллектуального цикла легче дается учеба, решение математических задач.

Во всех трех циклах день перехода в отрицательную область и обратно считается критическим. Именно в такие дни физического цикла люди чаще всего падают, ушибаются, получают вывихи. Повышенная вероятность упрямства, лени проявляется в критический день эмоционального цикла. Интеллектуальный критический день внешне мало проявляется, но в это время довольно легко слопотать «двойку». (Особенно, конечно, если не выучить уроки.)

Вероятность неприятностей увеличивается, если совпадают критические дни двух или трех циклов.

Точного научного обоснования таких циклов нет, но обычная статистика, как в нашей стране, так и за рубежом, показывает, что эти циклы лучше все-таки подсчитывать. И в неблагоприятные дни водителям автобусов предоставлять выходные; спортсменам — облегчать тренировочные нагрузки; перенести на другой день, если это возможно, операцию больному...

Подсчитать вручную критические дни довольно сложно. Нужно подсчитать число дней, прошедшее с момента рождения до сегодняшнего, и поделить это число соответственно на 23, 28 или 33. Цифры, получившиеся в остатке, показывают количество дней до критического перехода соответствующего цикла.

Автоматизировать все эти довольно хлопотные операции и позволяет прибор юного горьковчанина. Достаточно набрать при помощи одного переключателя дату своего рождения, при помощи другого указать свой возраст, а на третьем выставить сегодняшнюю дату, и все остальное автоматика делает сама.

Вот так я и узнал, что в эмоциональном отношении день оказался

для меня не особенно удачным. Я даже не мог как следует удивиться тонкости работ горьковских школьников. А ведь представьте себе: Валерий, к примеру, не только сумел собрать и отладить довольно сложное кибернетическое устройство, но и при его создании использовал свой алгоритм расчета, учитывающий даже високосные годы!

Кроме «Изумруда», юные горьковчане представили еще несколько медицинских приборов. Устройство «Комета-3», в разработке которого тоже принимал участие Валерий Чмиль, предназначено для аутогенной тренировки. С помощью этого прибора мне удалось окончательно привести себя в норму. Я почувствовал себя бодрым, спокойным, готовым к дальнейшим исследованиям.

Это, кстати, тотчас подтвердил малогабаритный пульсомер, разработанный еще одним горьковчанином Алешей Криницыным. Стоило прицепить датчик пульсомера к мочке уха, на пульте сразу высветилась частота моего пульса — 68 ударов в минуту.

Прибору Алеши доступны и более сложные операции. Уже по двум-трем ударам сердца он сразу улавливает аритмию, мгновенно сообщает об этом врачу. Поэтому горьковские медики с удовольствием используют это устройство при обследовании больных и даже во время операций.

Ну, а поскольку мало определить болезнь, нужно ее еще и вылечить, то ребята разработали еще несколько приборов, помогающих медикам и в этом. К примеру, Майя Поддубная создала несколько конструкций автоматических ионизаторов воздуха. В палате, где расположен такой ионизатор, дышится значительно легче, в воздухе гораздо меньше болезнетворных микробов.

Работы горьковских ребят высоко оценены взрослыми, используются уже в нескольких клиниках Горького. Побывали они и на таких представительных выставках, как, скажем, «Медицина-79» и НТТМ-80.

...Но мы несколько отвлеклись. Убедившись, что моему здоровью как будто не грозит ничего серьезного, я с еще большим энтузиазмом продолжал исследования самого

себя. Тем более, что прекрасную возможность для этого мне предоставил комплексный медицинский стенд, прибывший в Краснодар из Благовещенска вместе с его создателями — Евгением Прядко, Олегом Гинцем и Сергеем Димовым.

Даже одним своим внешним видом стенд как бы говорил, что его авторы — не новички в конструировании медицинских приборов. Об этом говорило и разумное размещение приборов, и тщательность отделки, и уж, конечно, сама идея создания такой установки. Новичок вряд ли может даже представить, для чего такая система может понадобиться.

Так оно и оказалось в действительности. Начав беседовать с руководителем кружка Виктором Андреевичем Саломатиным и ребятами, я сначала никак не мог отделаться от мысли, что мы уже где-то встречались. Помогли мне сами ребята.

— А помните Челябинск? — спросил Олег Гинц.

Ну конечно! Ребята из Благовещенска привозили свои работы на II Всероссийский слет научных обществ учащихся. Там я и встречался с ними.

Впрочем, неудивительно, что я не сразу узнал ребят. За прошедший год они вытянулись, повзрослели. Еще более серьезными стали и их разработки.

— Как вы помните, на слет в Челябинск мы привозили прибор для определения электропроводимости кожи, — начал рассказ Виктор Андреевич. — Вот с него, собственно, все и началось...

— А еще точнее, мы хотели сначала сделать прибор для иглоукалывания, — добавил Женя Прядко. — Дело в том, что иглоукалывание — это древнейшее искусство лечения болезней — в наши дни переживает, можно сказать, свое второе рождение. Вот наши дальневосточные медики тоже решили попробовать это медицинское средство. Но при этом иголки, как известно, нужно вводить не куда попало, а в строго определенные активные точки кожи. А чтобы их определить, нужно точно знать сопротивление кожи на том или ином участке. Вот медики Бла-

говещенского мединститута и обратились за помощью к нам.

А когда ребятам удалось справиться с заданием — создать высокочувствительный омметр, — доцент Благовещенского медицинского института Владимир Петрович Самсонов и его коллеги Игорь Владимирович Машкоков и Евгений Николаевич Яськов предложили ребятам новое ответственное задание.

Медики изобрели гальванический датчик для регистрации парциального давления кислорода в органах человеческого тела. Теперь нужно было сделать анализатор парциального давления — прибор, регистрирующий показания датчика.

Для чего это нужно? Все живое дышит. И чем выше жизнедеятельность организма, тем больше ему надо кислорода. Вот такой прибор и будет анализировать, насколько нормально идет снабжение организма жизненным газом. Знать это надо, например, медикам, проводившим операцию по пересадке кожи. Если организм снабжает пересаженный участок кислородом, значит, все в порядке — кожа прижилась. Если нет — надо принимать срочные меры.

Насколько сложна задача, вставшая перед ребятами, говорит хотя бы такой факт. Сам датчик представляет собой тонкую полиэтиленовую пленку, на которую наносится слой серебра. Затем идет слой щелочи, который, в свою очередь, контактирует со свинцовой пластиной. Затем весь датчик закрыт герметическим кожухом. Как видите, устройство датчика довольно сложное. А вот размеры!.. Ведь при необходимости такой датчик помещают на острие иглы и таким образом вводят в нужное место организма...

И вот ребятам нужно было подумать, каким образом можно принять сигналы такой крохи, как усилить их, зарегистрировать показания индикаторного устройства...

Особенно много хлопот оказалось с дрейфом нуля. Радиотехники знают, с чем связана такая неприятность. Дело в том, что современные усилители, как правило, плохо работают в режиме, когда нужно усиливать не переменный, быстро меняющийся ток, а постоянный, изменения

которого невелики и происходят сравнительно медленно... Тут в дело вмешиваются собственные паразитные токи усилительных элементов — транзисторов или ламп, — и на выходе начинаются «чудеса в решете». На вход усилителя, не подается никакого сигнала, зато на выходе, подключив осциллограф, можно увидеть беспокойную круговерть паразитных сигналов.

Как тут быть? Попытаться уменьшить паразитные токи, понизив температуру самих усилительных элементов? В некоторых случаях так и делают. Но представьте себе, каких габаритов получится прибор, если кожух охлаждать, скажем, жидким гелием или азотом... И насколько удобно работать таким устройством?..

И тогда ребята предприняли обходный маневр. Они решили обойти дрейфы нуля, избавившись от... усилителя постоянного тока. Как им удалось это сделать? Ведь только что было сказано, что сигнал от датчика идет именно такой — не меняющий своей полярности. На помощь пришел модулятор. Постоянный сигнал промодулировали, то есть наложили его на переменный сигнал — примерно так же, как это делается с сигналом, пришедшим от микрофона в радиопередатчике. А уж с промодулированным сигналом можно делать что угодно: усиливать, очищать от помех, даже передавать на большие расстояния.

Принятый сигнал попадет на демодулятор, освободится от переменной составляющей, и на шкале индикатора мы увидим нужные показания.

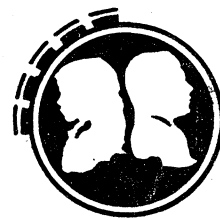
Рассказать обо всем этом и то оказалось довольно долго. А представляете, каково было все это сделать?! И все же ребята блестяще справились с работой.

Устройство для определения сопротивления кожи, анализатор парциального давления, некоторые другие приборы и составляют оборудование комплексного пульта. Теперь специалисты всего за несколько минут могут измерить у пациента сразу десяток параметров: температуру, давление, кожное сопротивление... Можно провести сеанс иглотерапии, причем вместо традиционных игл используются короткие раз-

ряды тока. Действие их практически безболезненно, но тем не менее сразу ощутимо. Лично мне после первого же сеанса сразу расхотелось болеть.

Вот, собственно, и все, что я хотел бы рассказать вам лишь о некоторых работах участников VII Всероссийского слета юных рационализаторов и конструкторов. Подчеркиваю — только о некоторых. Для рассказа о всех — а их было около 300 — попросту не хватит страниц журнала.

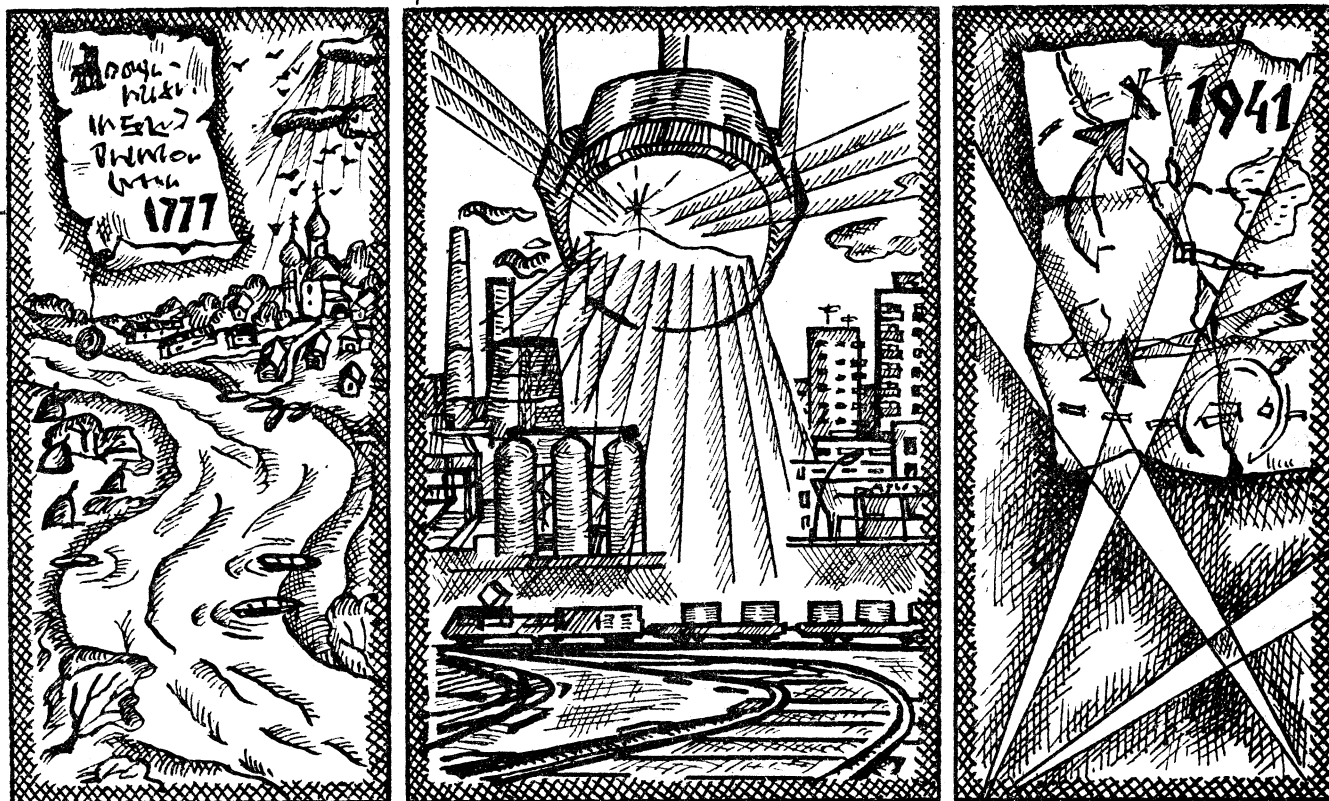
Но и эти работы, вероятно, уже дали вам представление о том, на каком высоком профессиональном уровне — без скидок на возраст — умеют работать ребята. Во всяком случае, попав недавно, уже после Краснодара, на международную выставку, посвященную здравоохранению, я убедился, что, к примеру, стенд благовещенцев вполне убедительно смотрелся бы в ряду экспонатов, представленных НИИ и именитыми фирмами. А ведь создатели стенда вовсе не волшебники электронной медицины, они еще только учатся...

Вторая Магнитка

Людмила
СЛАВОЛЮБОВА

Рисунок
В. Вельбоа

Город Череповец называют второй Магниткой. Второй после уральской. Он снабжает металлом весь Северо-Запад страны, включая Ленинград; череповецкий прокат экспортируется в сорок зарубежных стран; на его листе работает Волжский автомобильный завод... Появилось даже понятие «череповецкий феномен», которым означено рождение и стремительный рост северной Магнитки. Всего за восемь лет построен металлургический завод с полным циклом: производством агломерата для доменных печей, выплавкой чугуна и стали, горячим и холодным прокатом. На базе черной металлургии развилась и крупная химическая промышленность. И все это, по сути дела, на «пустом месте» — у города нет ни своей руды, ни своего угля...

В Череповце много уральцев. Возведение этого гиганта «по образу и подобию» Магнитки, естественно, не могло обойтись без помощи уральских металлургов, и Магнитка послала сюда своих лучших мастеров.

К старшему их поколению принадлежит нынешний обер-мастер доменного цеха Николай Петрович Сапожников, Герой Социалистического Труда, к младшему — знаменитый сталевар Валерий Красавин... Валентин Дмитриевич Койлов, доменщик и художник, всю войну, будучи почти мальчишкой, проработал в доменном цехе Магнитогорского металлургического комбината, а в Череповец приехал в августе 1955 года, то есть в первые дни рождения завода. И все четыре домны северного гиганта осваивались при его непосредственном участии: он был мастером, заместителем начальника цеха, начальником...

Нынешняя северная Магнитка, живой, шумный город, плавящий чугун и сталь, хранит свою историю. Во всем, что здесь сделано и построено, во всех свершениях. Очерк приглашает в путешествие по Череповцу.

В указе Екатерины II, изданном 4 ноября (по старому стилю) 1777 года и сохранившемся в «Полном собрании законов Российской империи», говорилось: «Всемирноизвестнейше повелеваем в Новгородском Наместничестве на устьях реки Суды впадающей в Шексну учредить при Череповецком монастыре для пользы водяной коммуникации городъ подъ именемъ городъ Череповець...»

Бывшее село превратилось в город Череповец благодаря своему выгодному географическому положению: стояло оно на пути перевала товаров, которые шли с Волги и севера в Петербург. Город рос медленно, хотя «водяная коммуникация» и сыграла свою роль.

В 1810 году была пущена Марининская водная система. Строить ее начали при Петре I и строили ровно сто лет. Названа же она была так в честь императрицы Марии Федоровны, из благотворительного фонда которой взяли недостающие для строительства деньги.

С пуском Маринки Шексна стала частью нового торгового пути. Но даже этот толчок мало способствовал развитию города. К тому же Марининская система была комплексом весьма несовершенным. Она не удовлетворяла даже отсталую экономику царской России. Шлюзы пропускали небольшие суда. От Рыбинска до Петербурга грузы шли в среднем по сто суток, с трудом проходя бурное Белое озеро. Немало судов погибало здесь... (Сейчас весь этот путь — от Рыбинска до Ленинграда — занимает около пятнадцати часов!)

Череповец еще долго оставался провинциальным, заштатным городком. В 1917 году он едва насчитывал 12 тысяч жителей, на девяти промышленных предприятиях работало всего 350 человек.

Двадцать лет, между гражданской войной и Отечественной, изменили Череповец более, чем весь XIX век. Весной 1941 года началось заполнение Рыбинского водохранилища, одного из самых крупных в мире. Вступил в строй кратчайший глубоководный путь из Москвы до Каспия. Череповецкий металл начинался в те годы. Многочисленные довоенные экспедиции активно изучали Север. На Кольском полуострове, в Заполярье были открыты крупные запасы железных руд, в Печорском бассейне — коксующиеся угли. Создание металлургической базы на Северо-Западе было предпринято тем самым еще в конце тридцатых годов...

В годы Великой Отечественной войны в Череповце был создан эвакуационный пункт, через который прошло два с половиной миллиона людей, вывезенных из Ленинграда, Пскова, Прибалтики, Карелии. Уже к концу первого года войны здесь работало тринадцать госпиталей.

В годы тяжких испытаний маленький Череповец выполнил свой гражданский долг до конца. Люди самоотверженно работали, лечили больных и раненых, собирали теплые вещи, вносили деньги в фонд обороны — отдавали все, что имели. Лишь бы справиться с бедой.

Победа обошлась им дорого: почти восемь тысяч череповчан заплатили за нее жизнью. Вот уже более тридцати лет 9 мая все жители города идут на военное кладбище. Более двух тысяч воинов похоронены здесь — умерли в госпиталях от ран и болезней...

Еще до войны высокоразвитая ленинградская промышленность испытывала острую нужду в своем, северном металле. Невыгодно было базировать ее на криворожском угле, завозить сталь и прокат с Урала и Сибири. Жизнь настоятельно требовала коренной перестройки экономики Северо-Запада. Тем более, что с открытием запасов железных руд в Заполярье и коксующихся углей в Печорском бассейне создались конкретные возможности для получения череповецкого чугуна.

В первые же годы после войны Ленинградско-Мурманская экспедиция Академии наук СССР дала экономическое обоснование северо-западной металлургии, и в четвертом пятилетнем плане развития народного хозяйства было намечено приступить к строительству Череповецкого металлургического завода — ЧМЗ. В октябре 1948

года был создан строительно-монтажный трест «Череповецметаллургстрой», и жизнь на тихих берегах Шексны враз изменилась...

24 августа 1955 года начала работать первая доменная печь. Пошел череповецкий чугун!

В этом же году по улицам Череповца прошел первый трамвай.

Однако, как ни сложно было пустить в ход доменную печь, истинные трудности в Череповце начались позднее.

Выяснилось, что череповецкий чугун дорог. Завод не проектировался здесь как чугунолитейный. И не мог проектироваться — ведь он работал на привозных рудах и углях. Ученые предупреждали: только полный металлургический цикл даст рентабельную продукцию. Но поначалу был только чугун, и это дало основание для нежелательных выводов — завод построен не на месте, стройку надо сокращать до минимума... А когда государственная комиссия под руководством академика И. П. Бардина и министра черной металлургии И. Ф. Тевосяна подтвердила, что заводу быть, на город уже надвигалась другая, не менее острая проблема — жилищная. Люди приезжали каждый день, и в старом деревянном Череповце стало очень тесно. Судьба завода зависела от того, как быстро будет построен новый город...

Вот тогда и смонтировали — в качестве эксперимента — один из первых в нашей стране многоэтажный дом из панелей.

Это был декабрь 1956 года. Стояли большие морозы, но монтаж дома на улице Красноармейской («Дом Юзбышева», как его называли по имени конструктора) сделали за 27 дней.

Так начинался новый Череповец. Рос он стремительно. Особенно промышленность. В феврале 1956 года на металлургическом заводе вступили в строй первые две коксовые батареи. Доменный цех, работавший до того на привозном топливе, получил свой кокс. В апреле того же года начала работать вторая доменная печь. Соорудили ее за одиннадцать месяцев. Для такого сложного агрегата, каким является современная доменная печь со всем ее газовым, воздушным, разливочным и транспортным хозяйством, — срок невероятно короткий...

Пуск первой мартеновской печи в канун Первой мая 1958 года положил начало сталеплавильному производству Череповца. А в январе 1959 года вступил в строй блюминг «1150» с годовой производительностью свыше трех миллионов тонн горячего проката. В ноябре того же года выдал продукцию листовой стан «2800», крупнейший в то время в Европе. Череповец стал производить листовую сталь для газопроводных труб большого диаметра.

Дальнейшая хроника «череповецкого феномена» также удивительна.

В 1962 году выдала чугун крупнейшая по тому времени доменная печь № 3, равная по объему двум первым. Вступил в строй завод металлоконструкций. В феврале 1963 года автоматизированный стан «1700» выдал первую стальную полосу. Сегодня этот стан один из лучших в стране. На нем ежегодно производится свыше миллиона тонн холоднокатаного листа, идущего для нужд автомобильной и электротехнической промышленности.

В декабре 1965 года на металлургическом заводе начала работать первая в стране двухванная мартеновская печь. И наконец событие, которое по праву считается столь же значительным, как пуск первой домны: 29 марта 1969 года дала чугун доменная печь № 4 — с полезным объемом 2700 кубометров и производительностью 1 миллион 800 тысяч тонн чугуна в год!

Все это сделано руками череповчан — замечательных людей, неутомимых тружеников.

Дмитрий Николаевич Мамлеев был первым управляющим трестом «Череповецметаллургстрой» и бессменным на протяжении двадцати лет.

...Осень 1968 года, дождливый холодный октябрь. На строительной площадке четвертой доменной поднялись кауперы воздухонагревателей, заканчивается мон-

таж кожуха печи. Но уже несколько дней идет дождь. Только что выкопали котлован скиповой ямы, а уже на десятиметровой глубине пузырится грязное озеро. Общая картина стройки настолько далека от завершения, что представить пуск домов всего через три-четыре месяца просто невозможно...

Управляющий приехал на «четвертую» после оперативки в тресте. График на строительстве печи нарушался. Люди приезжали каждый день, на домне работало уже три с половиной тысячи человек, но и этого было мало. На оперативке Мамлеев вспомнил утренний разговор с женой:

— Дима, как хочешь,— сказала она,— но всему есть предел. «Четвертая» — это последняя.

Двадцать лет прошло с того утра на череповецком вокзале, когда все это начиналось. Двадцать лет... Уже ушел на пенсию Семен Иосифович Резников, первый директор ЧМЗ, с которым они съели не один пуд соли, поднимая завод. И давно нет в живых Ивана Павловича Бардина, старого друга. Время-то идет. Может, права жена, как это и ни грустно... «Уйду со стройки, буду писать книгу»,— пытался он утешить себя.

Но когда после оперативки Мамлеев приехал сюда, на строительную площадку «четвертой», где лились потоки воды, стекая в котлован скиповой ямы, то забыл и о книге, и об утреннем неприятном разговоре с женой.

...По воде и грязи продолжали идти машины, работали краны, а отчаянные парни-арматурщики лезли в котлован. Управляющий на пальцах пересчитал месяцы, оставшиеся до пуска печи, и внутри у него все зажглось от жгучей заботы: успеть, нельзя не успеть...

Заканчивали «четвертую» зимой, в январские морозы. На всех ярусах шестидесятиметровой печи работали днем и ночью... Кто только не помогал тогда череповчанам! Уральские строители и металлурги, строители из Сыктывкара и Хабаровска, монтажники из Москвы, Ярославля, Липецка...

Своего главного инженера, Александра Васильевича Ковалькова, Мамлеев видел только на оперативках, да и то не на каждой. Ковальков сутками «сидел» на стройке, у него были красные от бессонницы глаза. Дмитрий Николаевич присматривался к нему с тревожным пристрастием еще и потому, что знал — это человек, которому он передаст трест, когда уйдет. Ковалькова надо бы побережь. Мамлеев знал по себе: еще всего достанется Александру Васильевичу, прежде чем пройдут годы, и тот вот так же посмотрит на другого человека... Которого оставит, уходя.

— Тебе бы выспаться,— говорил Мамлеев главному инженеру.

Тот отвечал:

— В марте сдача.

— Тебе бы выспаться,— говорила Мамлееву жена.

— В марте сдача,— отвечал он.

И март пришел. Двадцать седьмого числа на четвертую доменную печь дали горячее дутье. Ожили приборы центрального пульта управления, и 29 марта домна дала первую плавку. После митинга Владимир Алексеевич Ванчиков, директор металлургического завода, пожал Мамлееву руку и молча отвел глаза: не мог сказать ни слова...

Два ордена Ленина и Золотую Звезду Героя Социалистического Труда Дмитрия Николаевича Мамлеева передали после его смерти в краеведческий музей.

Славится Череповец не только чугуном и сталью!

Ручное узорное ткачество — искусство, давнее, уже в десятом веке безвестные мастерицы ткали на Руси красочные узоры. Особенно славился своим искусством Север... А в Череповце вы и сейчас можете увидеть это чудо. Фабрика «Красный ткач» такая же гордость здесь, как и северный металл. Причем, поразительны не только изделия — а они яркие, праздничные, изящные,— но сам факт: среди мощных домен, мартеновских печей — и вдруг ручные станки, бабкины, прабабкины полотенца с петухами.

Фабрика «Красный ткач» не случайно возникла в Че-

реповце. Деревни вокруг него славилась своими ткачихами, здесь сложились свои особенности тканья — по ним и сейчас можно отличить череповецкую ткань от украинской, воронежской, рязанской. В Череповце своя манера разработки узоров: мелкая, с фактурными переплетениями; давным-давно определившийся вид ткачества — ремизный; краски с преобладанием красного и синего, с чередованием контрастных тонов; свои орнаменты, тоже придуманные не сегодня...

Начиналась фабрика, а сначала артель, в предвоенные годы. И создателем ее был не художник и не текстильщик. Михаил Васильевич Овчинников, первый председатель, был партийным работником. Пробыл он в «Красном ткаче» недолго, в сорок первом ушел добровольцем на фронт и не вернулся.

Собирал он ткачих по деревням в тридцать седьмом, тридцать восьмом годах... При нем начинала работать Александра Спиридоновна Ляпина, старейшая ткачиха «Красного ткача», и Ольга Павловна Першичева — ее ученица.

Военные годы были для фабрики тяжелыми. Всю войну она выпускала мешковину и ткань для портянок. Немецкие самолеты, бомбившие Ленинград, долетали и до Череповца. Днем ткачихи ткали портянки, а ночами дежурили на крышах... После войны «Красный ткач» поднимался на ноги трудно. Самоотверженное собрание народного искусства по деревням, с такой любовью продленное Овчинниковым, могло кончиться ничем. В суете и напряжении строительства будущего центра черной металлургии Северо-Запада так легко было забыть о существовании ручного ткачества! Тем более, что художественных вещей выпускалось мало, и до международных выставок предстоял долгий путь...

И снова было как в тридцатых годах: не художник и не текстильщик пришел к ткачихам, а партийный работник — Мария Дмитриевна Бигот, бессменный директор «Красного ткача» на протяжении почти тридцати лет.

На фабрике есть своеобразный музей, так называемая ассортиментная комната. Здесь хранятся образцы изделий. По стенам развешаны занавесочные ткани с широкими, разукрашенными концами. На креслах лежат изящные коврики, современный вариант старинных покрывал на сундуки. Украшают ассортиментную комнату полотенца с яркими узорными концами, декоративные юбочные купоны и зависть модницам — вытканые в честь Московской Олимпиады сувенирные сумки.

В этом маленьком музее нет ничего одинакового: все уникально, нигде не повторены ни полоска, ни сочетание цвета. Тем и дорого ручное ткачество, что сама технология позволяет создавать различные варианты рисунка, ритма, переплетений, художественных композиций без перезаправки станка.

Попадая в эту диковинную комнату, я подолгу смотрю на небольшое красное полотенечко с петушками, или полосу, как называет его Мария Дмитриевна. Собственно, это уже не петушки, а нечто стилизованное, давно перешедшее в ритмический символ, музыку... «Ваши краски удивляют», — сказал побывавший однажды на фабрике египетский инженер Абдель Монем. На самом деле они больше, чем успокоение. Это жизнь народа, ее глубинные, чистые пласты, основа красоты и нравственности.

«Череповецкий феномен» имеет и другую удивительную особенность. Город этот до сей поры не перестает быть огромной строительной площадкой. Человек, приехавший сюда недавно, человек, который не видел, как возводили на колхозном поле первую доменную печь и монтировали «дом Юзбышева», — так и подумает: здесь все только начинается...

Да, город готовится к своему третьему рождению. Недавно закончено строительство почти километрового моста через Шексну. И на левобережье, в стороне от дымных заводов, скоро поднимется новый Череповец,

такой же большой, как правобережный. Уже заложены первые четырнадцатизэтажные дома. Прямо в сосновом лесу...

Именно сейчас вступают в строй, один из другим, цехи Череповецкого химического завода. Еще совсем недавно строили на ЧМЗ широкополосный, автоматизированный прокатный стан «2000», и вся страна помогала, ждала: стан «2000» был рассчитан на прокат не только череповецкой стали... И вот уже возводится мощный кислородно-конверторный цех! С пуском конвертора выплавка стали на ЧМЗ почти удвоится — достигнет двенадцати миллионов тонн в год. А процесс плавки сократится с 6—8 часов до 40 минут.

Пуск кислородно-конверторного цеха (ККЦ) изменит жизнь северной Магнитки не в меньшей степени, чем когда-то первая домна. Потребуется третья аглофабрика (она уже строится), минимум две дополнительные коксовые батареи и вторая очередь стана «2000». А главное — чугуны! Чугуна потребуется почти в полтора раза больше, чем дают четыре доменные печи завода сейчас. И поэтому ждет близкой очереди строительство пятой домны. Предполагается — самой мощной в мире. Автоматизированной по последнему слову техники, с полезным объемом 5,5 тысячи кубометров. (Для сравнения — криворожский гигант, всемирно известная доменная печь № 9 имеет объем 5 тысяч кубометров).

Гигантская строительная площадка ККЦ — вторая после БАМа по капитальным вложениям. В минувшем году стройка освоила 106 миллионов рублей! Кислородно-конверторный цех настолько велик, что внутри него будет построено 25 километров автомобильных дорог и 34 железнодорожных. Чугун будут доставлять особые 600-тонные миксеровозы. По рассказам строителей — техника будущего: ракеты, стремительно скользящие по рельсам...

Пусть эта информация несколько эмоциональна. Но, право, если даже миксеровозы на ККЦ будут иными, можно понять людей, которым видится именно такой образ... Они работают на строительстве одного из сложнейших промышленных сооружений века (конвертор будет самым крупным и мощным в Европе!), и не исключено, что реальная оснащенность цеха современной автоматикой и электроникой даже превзойдет традиционные представления фантастики. Начальник ККЦ Константин Данилович Мокрушин, получивший Государственную премию за освоение двухванных мартеновских агрегатов, знает, что такое современное сталеплавление, на каких «фантастических» уровнях и допусках идет его огненное действо...

Стройки сменяют друг друга — и в напряженных буднях трудно разглядеть конечный результат. Но в один прекрасный миг становится ясно, что построен новый город. С дворцами, бульварами, гостиницами, высотными микрорайонами... И не просто город, а центр черной металлургии и химии Северо-Запада страны. И блестящий миксеровоз, который мчится со своим огненным грузом, как ракета к старту, вовсе не кажется удивительным в этом новом мире.

● Уже в 1902 году в Алапаевске создается социал-демократический кружок, после II съезда РСДРП, в 1903 году, в городе возникает большевистская организация. Образуется и подпольная типография, перепечатываются прокламации, поступающие из Екатеринбурга.

В 1904 году рабочие проводят первую маевку у речки Максимовки. Организаторы ее — члены подпольного кружка РСДРП Е. Соловьев, Н. Шаньгин, Г. Ветлугин и другие. Ярким событием 1905 года стала забастовка двух тысяч рабочих. В ходе ее образовался Совет рабочих депутатов — первый Совет на Урале и один из первых в России. Свообразие Алапаевского Совета заключалось в том, что в него вошли делегаты крестьян деревни Алапаихи. Совет просуществовал 65 дней. По требованию полиции и администрации завода пермский губернатор послал в Алапаев роту карателей. Начались аресты депутатов. Многих бросили в тюрьмы, выслали в Сибирь.

Репрессии не сломили пролетариат Алапаевска. В октябре 1905 года рабочие приняли участие во всероссийской политической стачке. В городе проходили митинги и демонстрации. В Алапаевск прибывают видные деятели партии Я. М. Свердлов, Ф. А. Артем, М. Н. Лядов. Значительно вырастает партийная организация города. К июлю 1907 года она насчитывает более 500 человек и становится одной из крупных на Урале. О революционных событиях в Алапаевске несколько раз упоминала ленинская «Искра», писал В. И. Ленин.

Так, в № 32 «Искры» от 15 января 1903 года было опубликовано письмо алапаевского рабочего, который, обращаясь к искровцам, призвал: «Братья, пишите, что Урал движется, посылайте «Искру»! Наши обрадуются, что дело наше известно всем товарищам». Словно в ответ на

АЛАПАЕВСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Евгений
НОВОСЕЛОВ

этот призыв, в № 38 от 15 апреля 1903 года в разделе «Из общественной жизни» напечатана статья «Новое проявление царского произвола». В ней приводится обвинительный акт против крестьян деревни Алапахы Верхотурского уезда Нейво-Алапаевской волости. В чем же их обвиняют?

В один из ноябрьских вечеров 1902 года на Верхне-Тягуновском руднике Нейво-Алапаевского завода появились 17 неизвестных, вооруженных огнестрельным оружием. Приехали на лошадях, в легких санках. Разогнав охрану, взломали двери двух магазинов, забрали товары, различное горное оборудование, инструменты, железо, вагонные оси и скрылись в направлении деревни Алапахы.

На следующий день, 22 ноября, по дороге на Верхне-Тягуновский рудник прохожие обнаружили на дереве лист бумаги. На нем корявым почерком было написано: «Мы не воры, а только голодные, как волки, люди. Мы будем грабить до тех пор, пока не направится работа, не научатся уважать народ».

По почерку полицейские установили автора. Им оказался Иван Григорьевич Глухих, крестьянин деревни Алапахы. Арестовали в других участниках нападения на рудник. На следствии один из виновных — Иван Крылов объяснил, что крестьяне с давних пор трудились на горных работах. Это их отцы и деды своим трудом возвысили завод. Но в последнее время заводоуправление стало принимать на рудник только пришлых людей и отдавать им самые выгодные наряды. Свои же рабочие бедствуют. Доведенные до отчаяния, крестьяне надумали добыть себе хлеб и отомстить за обиду.

Выяснилось также, что крестьяне деревни Алапахы не могли прокормиться со своих скудных земельных наделов, вынуждены добывать средства на пропитание на руднике. В 1902 году плата за труд резко понизилась, некоторые рудники закрылись.

Крестьяне Алапахы зачастили на сходку к Гавриле Ивановичу Кабакову. Там бывал и Василий Семенович Киселев, называвший себя студентом. Киселев и Кабаков читали

книги, вели беседы, давали объяснения: «Землю у вас отбирают капиталисты, у которых надо ее отнять обратно». Привлеченные к делу в качестве обвиняемых Кабаков и Киселев не признали себя виновными в подстрекательстве.

Семнадцать крестьян деревни Алапахы, Г. И. Кабакова и В. С. Киселева суд привлек к уголовной ответственности. «Искра» в заключение пишет: «Алапаевское дело является первым, в котором самодержавное правительство в своей злобе на самоотверженных борцов за народную долю применяет к ним обвинения уголовного характера.

Правительство обвиняет Кабакова и Киселева исключительно в уголовных преступлениях вопреки всем фактам, выяснившимся на следствии как судебном, так и жандармском, стремясь не только каторжным приговором обезвредить своих политических врагов, но и опозорить их в глазах общества кличкой уголовного преступника.

Ссылки на каторгу по уголовным обвинениям за пропаганду и агитацию и полевой суд за демонстрации — вот те новые средства, которыми самодержавие пытается отдалить свою неминуемую гибель. Но китайская стена, которой правительство пытается загладить рабочий путь борьбы, разрушается самой жизнью в самых глухих уголках царской державы. Грозной волной движения отзвучат полевые суды по всей России и сделают еще ближе, еще грознее то желанное время, когда все писанные «обвинительные акты», сочиненные самодержавием против народа и его вождей — революционеров, сложатся в один безмерный обвинительный акт самодержавия и восставший народ скажет свое искреннее: «Нет терпимости для самодержавия и его носителей...»

Так писала ленинская «Искра» в 1903 году. Как видим, ее слова стали вещами...

Не успело заглохнуть «алапаевское дело», как летом 1903 года всю округу потрясло новое событие — взбунтовались крестьяне деревни Бучиной, которая расположена в тридцати верстах от Алапаевска. Они

отказались платить аренду за землю. Бучинцев поддержали крестьяне соседних деревень. Полиция пыталась арестовать вожаков, но встретила организованный отпор. Крестьяне закупили ружья, выставили дозоры на дороги, кое-где забаррикадировали их. Все лето полицейские не могли приблизиться к деревне.

Две роты солдат и сорок полицейских усмирили непокорных. Девяносто два бунтаря были арестованы и подвергнуты наказанию, многие отправлены в Сибирь на каторгу. При обыске в одной крестьянской избе найден проект программы РСДРП, выработанный ленинской «Искрой». Как позднее было установлено, крестьян снабжали литературой алапаевские большевики. Е. А. Соловьев, И. П. Абрамов и другие.

События в деревнях Алапахы и Бучиной — звенья одной цепи. Из мелких, разрозненных выступлений крестьян впоследствии, в 1905 году, образуется единый крестьянский союз, который насчитывал до 30 тысяч членов. «Алапаевской республикой» прозвали волость царские чиновники. Был и президент республики, он же «Пугачев», член II Государственной думы Г. И. Кабаков. В книге «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» В. И. Ленин упоминает и об «Алапаевской республике» и программе ее президента. «Он, — пишет Владимир Ильич, — чисто по-крестьянски обосновал право крестьян на землю, между прочим тем, что крестьяне никогда не отказывались защищать Россию от врагов. «К чему наделение земли? — восклицает он. — Мы прямо объявляем, что земля должна быть всеобщим достоянием трудового крестьянства, и крестьяне сумеют сами поделить землю между собой на местах, без всякого вмешательства каких-то чиновников, о которых давно мы уже знаем, что они никакой пользы не принесли крестьянству». «Целые заводы у нас на Урале оставались, так как листовое железо не получает сбыта, а между тем в России все хаты крыты соломой. Следовало бы все эти дома крестьян покрыть железом уже давно... Рынки есть, но покупателей нет. Кто у нас является покупателем массы? Стомиллионное трудовое крестьянство — это и есть фундамент покупательной массы». Такова программа президента «Алапаевской республики». А вот оценка ее, данная Владимиром Ильичем: «Эсер-крестьянин понимает условия развития капитализма вернее и шире, чем присяжные слуги капитала».

«Алапаевская республика» — один из первых крестьянских союзов на Урале.

ЗОЛОТО РЕВОЛЮЦИИ

**Аскольд
ШЕМЕТЛО**

Многие свердловчане знают героя этого повествования — старого коммуниста, участника революционных событий в октябре 1917 года в Екатеринбурге Петра Михайловича Афанасьева. Рассказ о небольшом кусочке его жизни в первые месяцы Советской власти основан на воспоминаниях очевидцев, на архивных документах, материалах газет.

...Морозный и снежный Екатеринбург. Петр поднялся по широкой лестнице. За приоткрытой дверью в узком коридоре — пожилая женщина с шваброй.

— Мне бы Одинцова. Пришел он?

— Как же, милый, Дмитрий Яковлевич, почитай, каждый день ране всех приходит. Постучися вон в ту дверь.

Петр постучал.

— Входите, входите...

За столом сидел сухощавый человек. Белоснежная рубашка, галстук, тщательно выбритое лицо. Петр смотрел на заведующего отделом драгоценных металлов комиссариата финансов и как-то не мог представить его в рядах сторонников революции. «Старый русский интеллигент, — говорил о нем председатель социалистического союза учащихся Николай Стремоухов, — подпольщик, правдист, стихи писал...»

Одинцов окинул взглядом черноволосого ладного парня. Улыбнулся.

— Петр Афанасьев?

— Да, я от Стремоухова.

— Знаю, знаю. Познакомлю с делом, а потом к Федору Федоровичу Сыромолотову зайдём.

Петр немного оробел, когда вместе с Одинцовым вошел в кабинет комиссара финансов Сыромолотова. Из-за стола поднялся мрачный, неприветливый человек. Густая шапка волос, глаза глубоко спрятались под лохматыми бровями. Голос какой-то сухой. И трудно понять, шутя или всерьез задает он вопросы:

— Поди, и не знаешь, в чем золото растворяется? А видел ты,

как металл плавят? Медь-то от золота отличишь?..

— Горное училище кончил. Какнибудь разберусь.

Сыромолотов вдруг оживился и заговорил, не обращая ни к кому:

— Парижская Коммуна оставила банки в руках буржуазии — и сделала роковую ошибку. Мы ее не повторим...

Петр слушал, проникаясь симпатией к этому мрачному человеку. А комиссар ходил возле стола: три шага к окну, три — обратно.

— Тебе, Петр Афанасьев, даются большие полномочия. Возглавишь комиссию по изъятию ценностей из частных сейфов Сибирского торгового банка. Считаю это особым партийным поручением республики. Дмитрий Яковлевич, представьте уполномоченного власти управляющему банком.

Зимний день уже вошел в город. Сквозь морозный туман пробилась лучи солнца, разливаясь на золоченом шпиле и куполах кафедрального собора. Он поднимался зеленовато-серой громадой над площадью, и все, что стояло рядом, словно прижалось к земле. Вот и двухэтажный дом, где разместился Сибирский торговый банк, казался малоприметным рядом с собором. Мелькнули вывески «Товарищество Ж. Блок», «Северное страховое общество»...

Тучный невысокий человек выдавил улыбку, здороваясь с посетителями. Посмотрел бумаги. «Я к вашим услугам, господа. Изволите осмотреть?»

Дмитрий Яковлевич кивнул, и управляющий банком куда-то позвонил.

— Сейчас пройдемте в залу, а потом в сейфовую комнату...

В зале стояли ряды стульев, большой стол, покрытый сукном. В углу — часы.

— Да, здесь комиссия будет удобно работать. В стороне от ваших служб, — заметил Одинцов.

По мраморной лестнице спустились вниз. За прутьями решетчатой

двери — вооруженный человек. Увидев управляющего, вытянулся.

— Это со мной. Господа посмотрят сейфовую комнату.

Щелкнули три замка. Охранник и управляющий с трудом потянули на себя массивную дверь. Она вела в огромную металлическую комнату, где вдоль стен выстроилось множество сейфов. Петр машинально постучал рукой по стене: огромные листы были связаны между собой ребрами балок и прошиты заклепками. Небольшой столик. Два стула. Идеально чистый пол. Коряво написанные цифры на каждом сейфе. За этими цифрами — хранимые банком в тайне имена владельцев.

Почти две недели каждый день утром приходил Петр в банк. Поднимался на второй этаж в большой зал. Иногда как-то не по себе — столько ценностей за эти дни переворочил, что и подумать страшно.

Сегодня он пришел раньше обычного, чтобы вечером отчитаться перед комиссариатом и успеть на собрание молодежного союза. Сел в кресло за большим столом, задумался. Да, нелегко пришлось в эти дни. Наверно, легче работать в руднике. Но пока выстоял. Не потерял равновесия, как говорил Одинцов, спокойным был во всем.

В «Уральском рабочем» на первой странице появилось объявление: «Владельцам сейфов в банках г. Екатеринбурга.

Финансовый отдел исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов извещает владельцев стальных ящиков (сейфов), что ревизия сейфов в Екатеринбургском отделении Сибирского торгового банка... назначается от одного часу до трех часов дня.

...Владельцы сейфов приглашаются явиться в назначенные дни, иначе с сейфами будет поступлено согласно декрету правительства (сейфы будут вскрыты без владельцев)...»

Каждый день приходится вскрывать несколько сейфов, хозяева которых не являются на ревизию. Вчера один вскрыли, а в нем игральные карты — крапленые, сотни колод. Владелец, явный шулер, не приехал, предпочел остаться со своими переживаниями дома.

А сколько из сейфов «уважаемых» в городе людей, «хороших» семьянинов извлекается порнографических открыток, явно неприличных рисунков и картин! Сотнями их сжигали. А сколько писем оказалось в руках комиссии: попадись они женой, не поздоровилось бы седым и лысым ловеласам.

Высокомерный, надменный явился на ревизию бывший пермский вице-губернатор Европеус. В Екатеринбург он приехал как председатель съезда горнопромышленников. Ярый враг Советской власти, он в

первые дни после революции распорядился, чтобы на заводах Урала не выполняли постановлений Советов.

— Разбойники, убийцы — вот вы кто! Не власть вы, а шайка грабителей! — выкрикивал он, когда из его сейфа выгружали серебряные изделия, монеты. — Расплата придет! Недолго осталось ждать...

Много пудов серебра хранил в банке Европеус. Золота не признавал, считал, что серебро более надежный металл...

Вскоре Сыромолотов вновь пригласил к себе Афанасьева:

— Так вот, Петр Михайлович, с сейфами вы разделались отменно, можно сказать, без помощи ЧК справились с буржуазией. Сейчас предстоит не менее важное дело. На форсуночных печах нужно в кратчайший срок переплавить и превратить в слитки благородных металлов орденские запасы, которые доставлены из Петрограда. Представляешь, один солдат, всего один, доставил сюда вагоны золота и серебра. Просто герой. Так вот. Горючим форсунки обеспечены. Состав комиссии остается прежний. Ежедневно будете принимать такое количество орденов, какое в состоянии обработать за день. Все ясно?

— Все.

Шли дни за днями, неделя за неделей. Утром Петр получал положенную норму орденов и медалей, их прямо в ящиках переносили в подвал, где стояли небольшие печи. Механик управлял форсунки горючим, в тигли засыпались сотнями отслужившие знаки старого режима.

Муаровые ленты и коробочки из-под орденов сваливали в угол. Из расплавленной массы сливался шлак, а металл шел в изложницы. Получались слитки весом около двух пудов. Их взвешивали с точностью до одной доли. Вечером приезжала охрана. Слитки грузили на подводу и везли в золотосплавочную.

Прежде чем ордена и медали загружались в тигли, отдельные образцы отбирали для музея. Накапливалась большая коллекция — были здесь награды с петровских времен. Попали и ордена Временного правительства. Они оказались имитацией золота и серебра.

— Какая власть, такая и снасть, — метко обронил кто-то.

Обычно охрана и транспорт прибывали вскоре после того, как на Большом Златоусте отзвонят к вечеру. Однако в этот день отзвонили давно, а охраны не было. Уже разошлись по домам члены комиссии и все службы банка закончили работу.

«Не сидеть же на золотых слитках всю ночь, надо вывозить, пока совсем не стемнело», — подумал Петр.

Подозвал извозчика, под сиденье легкой пролетки уложил че-

тыре свертка. Рессоры заметно осели. Ямщик обернулся:

— Куда прикажете?

— Давай на Главный.

Экипаж тронулся. Петр на всякий случай переложил браунинг в карман шинели. Всякое может случиться. По городу постоянно ходят слухи о грабежах, убийствах. Правда, здесь, на Успенской, подле торговых рядов еще немало прохожих. Два сторожа в длинных тулупах раскуривают на крыльце магазина «Коньяк Шустова». С 1914 года не торгуют здесь ни коньяком, ни винами, но вывеска прежняя.

Свернули на Главный. Миновали новый Гостинный двор. Вот и родное училище. От пруда доносятся голоса.

Молчит кучер, только нет-нет да обернется назад — что-то сильно скрипят рессоры. На плотине ничего.

— У окружного суда на Тарасовскую свернешь.

«Ну, теперь недалеко», — успокоился Петр. Только подумал, а из ворот навстречу — подвыпившая орава и песню горланят «Черное знамя».

— Стой, Сивка-бурка! — И к лошади.

А другие уже рядом с коляской:

— Подать махры свободному народу!

«Ну, добром не отделаться», — думает Петр, сжимая рукоятку браунинга. А кучер спокойно так:

— Кобылку не пугайте, будет вам махра. Какой из вас главный? Возьми-ка отсыпь.

Отвалила анархистская братия. Пролетка снова тронулась.

— За махру-то набросить придется. Не махра — быть бы беде.

Когда въехали во двор золотосплавочной, Петр облегченно вздохнул. Расплатился с кучером. И между прочим ему:

— Дед, а ведь ты восемь пудов золота вез!

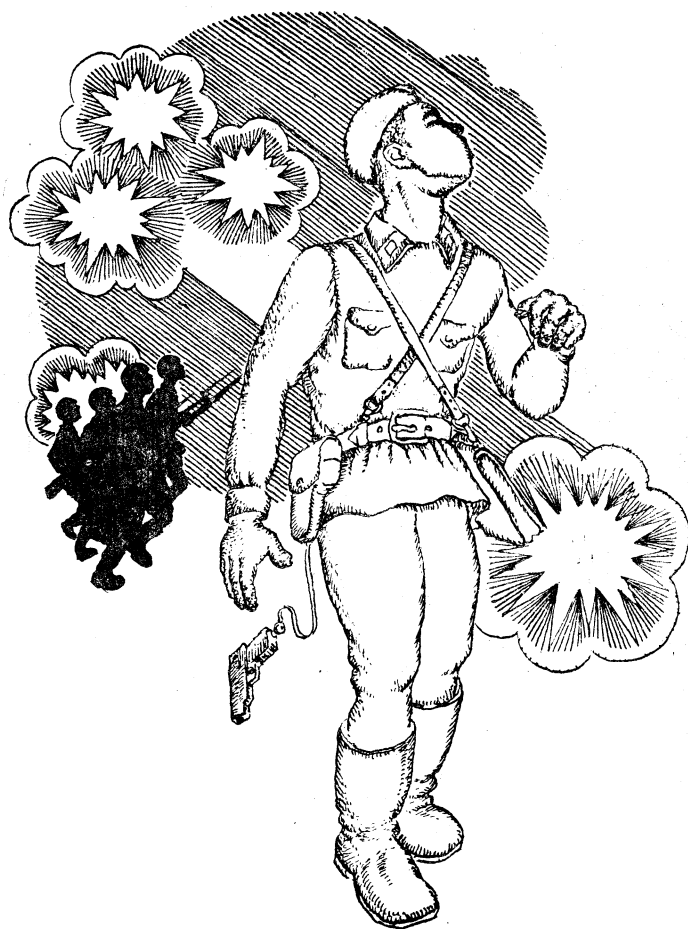
В ответ тот смачно выругался и плюнул:

— Кабы знал, ни в жизнь не повез бы. Да и рессоры-то едва выдюжили...

Десятки пудов золота и серебра были выплавлены из запасов царских орденов и медалей. А когда нависла опасность захвата Екатеринбург колчакцами, уральские большевики спасли и эти и другие валютные ценности молодого Советского государства, которые хранились на Урале. Они отправили из города «золотой эшелон» — спасли золото революции.

Горизонт открытый догоняя...

**Николай
ДОМОВИТОВ**

Баллада о девятнадцатом лейтенанте

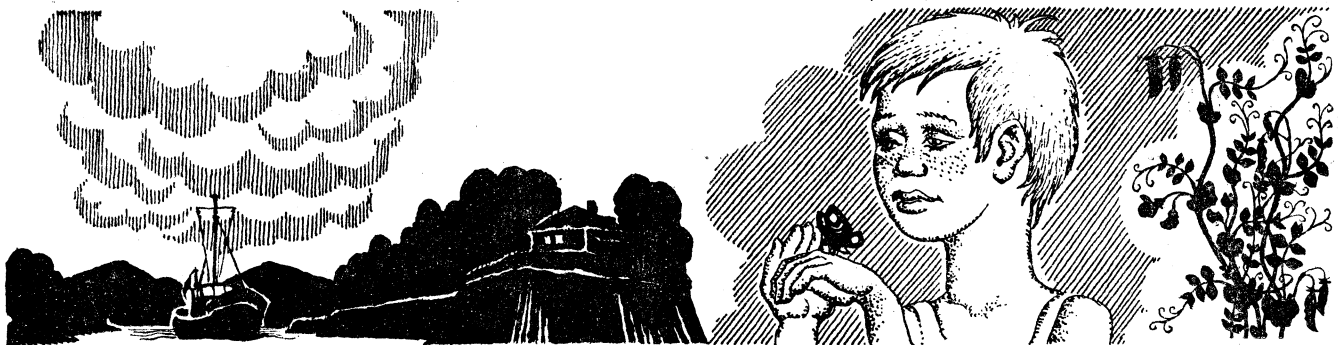
Поднимает в атаку пехоту
Долг и гнев, командира талант.
...Принял нашу бывалую роту
Девятнадцатый лейтенант.
Не могли мы никак обсчитаться,
Мы считали на пальцах:
Как раз
За пять месяцев
Восемнадцать
Лейтенантов погибло у нас.
Девятнадцатый был, как девица,
Помоложе нас года на три.
Кое-как прицепил он к петлицам
Самодельные кубари.
Гимнастерка на нем мешковата,
И ремень ему дали не тот.
— Поглядим,— говорили солдаты,—
Как в атаку он нас поведет...
Не кричал и не лаялся матом,
Кобуру неумело носил,
И на «вы» обращаясь к солдатам,
Не приказывал он, а просил.
Раскололась над нами ракета,
Подавая к атаке сигнал,
Дальнобойки ударили где-то,
Но никто из окопа не встал.
Лейтенант наш помедлил немного,
А потом, овладевши собой,
Попросил нас сурово и строго:
— Братья, встанем в решительный бой!
И мы встали...
И чувством всеилъя
Запылала, запела душа.
И летели за ним, как на крыльях,
Оборону фашистов круша.
Вглубь катился быстрее,
быстрее
Наступленья неистовый вал.
Вдруг у самой последней траншеи
Лейтенант наш, споткнувшись, упал.
Вмиг ребята к нему подоспели:
На ресницах дрожала слеза
И, как речка зимой, стекленели
Лейтенанта девичьи глаза.
И шептал он чуть слышно губами,
Рот запекшийся приоткрыв:
— Я прошу вас, пожалуйста, маме
Напишите... что с вами я... жив...

**Михаил
НАЙДИЧ**

В поселке

А поселился-то на счастье
Я в том поселке заводском
У сердобольной бабки Насти,
Где как-никак просторный дом.

Ее сыночки сталевары
 Шли на работу ровно в пять
 И, в общем, мало горевали,
 Что дождь на улице опять.
 Их, работяг, людей отваги,
 Ждала бригада у огня,
 Как белоснежный лист бумаги
 Нетерпеливо ждал меня.
 Но подступы к рабочей теме
 И нам, уральцам, нележки...
 Меж тем рассеивалась темень
 И возникал он у реки —
 Завод, на черный барк похожий,
 С косою тенью под уклон.
 Наш современник — ну, а все же,
 Поди, с демидовских времен?
 Его труба когда-то басом
 Глушила лес, отроги гор...
 А бабка Настя этим часом
 Со мной вступала в разговор.
 В своем клетчатом синем платье
 Стоит под веткой, у крыльца.
 За что поэтам деньги платят
 Ей непонятно до конца.
 Но не пытаюсь уподобить
 Меня каким-то вахлакам:
 «Пиши, чтоб людям легче робить!»
 (В ее устах звучит:

«Людым!»)

И добавляет:

«Ты не только
 Про наш завод иль старину,
 Черкни еще, что Генка с Толькой
 Уж больно тянутся к вину».
 С каким-то ненасытным жаром
 Находит нужные слова
 Она — мамаша сталеваров,
 Она — прокатчика вдова...
 Я раскрываю окна настужь
 И лист кладу перед собой.
 Шепчу: «Спасибо, бабка Настя,
 Единомышленник ты мой!»

Как хороши они, мгновения,
 В степи — когда еще не мгла,
 Когда любое дуновение —
 Как взмах орлиного крыла.
 Когда над лесом

тучка движется,

Совсем одна в голубизне,
 Когда и дышится и пишется,
 И нет ни строчки

о войне.

Лев СОРОКИН

Под синей огненной стрелою
 Стоим,
 Открыты всем ветрам,—
 Сфотографировать былое
 Одна лишь память может нам.
 И вновь за вспышкой моментальной
 Друзей я вижу на корме.
 И берег дальний,
 Берег скальный
 Вновь приближается ко мне.
 И там, буквально у обрыва —
 Забор и дом, и огород.
 И мальчик рыжий торопливо
 Стручки гороховые рвет.
 А перед ним лохматый псына
 Виляет ласково хвостом.
 Сейчас изменится картина,
 Ведь мы на катере плывем.
 Но мальчик берегом вприпрыжку
 Бежит.
 Мы сбились на корму.
 И нам завидует мальчишка,
 А мы завидуем ему.
 Чудак!
 Он скоро взрослым станет,
 А нам мальчишками не стать.
 И катер к берегу пристанет,
 Не может к детству он пристать.
 Где пахнет сеном и смолою,
 Где слышны крики наших мам...
 Сфотографировать былое
 Одна лишь память может нам.

Разве есть без движенья
 На Земле
 Что-нибудь?
 Вот избу
 Наводненье
 В дальний двинуло путь.
 Над волнами
 На Каме
 Вьется желтый листок.
 Даже камень
 Веками
 Перемолот в песок.

Над поляною росной
С ветки ринулась рысь...
Неподвижные сосны?
Сосны
Двигутся
Ввысь.

Дым не колеблется над крышей,
Он с каждым мигом —
Все прямой.
Такая тишь вокруг,
Что слышно,
Как листья падают с ветвей.
Как будто кто-то среди ночи
Крадется чуткою тропой.
А сердце
Хочет,
Хочет,
Хочет
Сегодня встретиться с тобой.
Как будто рядом кто-то дышит.
Я замираю.
Никого.
В такую тишь
Должна бы слышать
Ты грохот сердца моего.

**Андрей
КОМЛЕВ**

Горизонт

1

Над тишиной ночных угодий
качнулся
звездный треугольник —
от станционного колодца
до перелеска,
до болотца,
за отчий край
и, за полсвета —
от Ленкорани до Посьета...
Разъезды, будки путевые.
Любовь моя,
всегда впервые...

2

Просеял восемь строчек в дневнике...
А ты сквозишь — водою в роднике!
И под свечами сумрачной сирени
ни укоризны нет,
ни сожалений.
Когда тебя впервые увидел?
Не помню...
Помню утренний квартал
и вижу впереди скрипучей парты
раскрашенную радугою карту,
и ветер с горизонта долетал
и, крыльями шума,
теснил квартал...
А сверстница из мира по соседству?
Она осталась, затаив глаза
и, может быть,
ладошкой стиснув сердце...
А впрочем, столько лет тому назад...
Когда пробило тридцать три и три,
почувствовал — сгорело там, внутри,
и потому за тупиком вокзала
земля, что пройдена,
пустыней показалась...
Развенчивая молодые лета,
тебя узнаю на изломе лета —
и даль зеленую,
и берег, и опушку,
и вот уже аукнулась кукушка,
и просчитаю: раз и три... еще? —
пойму — не все! —
не мною начат счет,
а я ничуть не изменил судьбе —
не от тебя бежал,
спешил к тебе...

3

Двор переступив до середины,
глянешь
на затерянный фасад —
будто побелевшие седины,
сумерками
высвеченный сад.
И пройдешь по городу один-
линей знакомого трамвая —
возвращая весны молодым,
горизонт открытий
догоняя...

Рисунки
В. Меринова

ДРУГ АБАЯ

Станислав
ЧЕРНЫХ

Рисунки
Т. Анпиловой

Среди имен, незаслуженно нами забытых, есть немало таких, что составляли в свое время гордость русской интеллигенции. С полным правом к ним можно отнести Евгения Петровича Михаэлиса.

Это был человек замечательных способностей, глубокого ума, большой эрудиции, волевой и смелый. Даже на далекой окраине царской России, вдали от столичных городов и культурных центров, он сумел проявить свой талант исследователя, ученого, общественного деятеля.

Родился он в Петербурге 26 сентября 1841 года в семье небогатого чиновника. Учился сначала в гимназии, потом в Царскосельском лицее, откуда перешел в Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета. За участие в студенческих волнениях в сентябре 1861 года он был арестован и, как один из зачинщиков, сослан сначала в Олонецкую, а потом в Тобольскую губернию под строгий полицейский надзор. Только благодаря стараниям матери в 1869 году ему было позволено поселиться в Семипалатинске.

С разрешения генерал-губернатора Западной Сибири он был принят 22 ноября 1869 года на должность помощника делопроизводителя хозяйственного отделения семипалатинского областного правления.

Начальство не могло не обратить внимания на ум и способности Михаэлиса, так как в провинции в то время было мало образованных людей. И в апреле следующего года он допускается к исполнению должности младшего чиновника особых поручений.

Сопровождая военного губернатора Семипалатинской области в поездке по краю в августе — сентябре 1870 года, Е. П. Михаэлис обратил внимание на следы древних ледников на Алтае и выходы горючих сланцев на поверхность в ущелье реки Кендерлык. В мае — июне 1871 г. он совершает поездку в Зайсанский край и производит исследование угольно-сланцевых отложений у подножия хребта Сайкан, присоединившись к золотонискательской партии Р. Айты-

кина. Он проследил пласт горючего сланца и каменного угля на длительном протяжении. И вскоре местное население стало потреблять горючий сланец в качестве топлива, особенно в хлебопечении, так как при сгорании он давал длинное пламя и очень хорошо нагревал свод русской печи. Спустя 13 лет на Кендерлыкском месторождении были открыты каменноугольные копи. С 1886 года здесь уже ежегодно добывалось от 160 до 250 тонн горючих сланцев и 820—1150 тонн каменного угля.

В 1872 году Михаэлис командировается «для генеральной проверки и вообще за правом торговли и промыслов в казачьих землях Семипалатинской области и городах Семипалатинске, Усть-Каменогорске, Павлодаре, ст. Каркаралинской и Зайсанском посту». В эту поездку он отправляется с большим воодушевлением, так как лучшей возможности для знакомства с краем, изучения культуры, быта, торговли и промыслов местного населения, для сбора археологического и этнографического материала получить было нельзя.

Водным, колесным путем и верхом летом 1872 года Михаэлис проехал более двух тысяч километров. Проезжая по алтайским горам и лесам, он был поражен великолепием природы и красотой здешних мест, обилием рек, богатством медоносной растительности. В Усть-Каменогорском уезде он обнаружил большое количество пасек, а высокие качества алтайского меда привели его в восторг. Из всех городов ему особенно понравился тихий, окруженный со всех сторон зарослями тополей, вязов, черемухи и кустарников Усть-Каменогорск, очень выгодно расположенный на берегах живописных рек Ульбы и Иртыша. Уже тогда, вероятно, возникла у него мысль со временем переехать в этот городок, где он мечтал заняться пчеловодством и научной работой.

Из поездки по восточным окраинам Казахстана Е. П. Михаэлис возвратился с богатыми впечатлениями и огромным научным материалом. Он обнаружил следы древних ледниковых образований на Тарбугатае и Сауре и посвятил этому вопросу специальную научную статью, кото-

рая была направлена Русскому Географическому обществу, а в 1886 году с сокращениями напечатана в одном из научных журналов Англии.

Мало кому известно, что Е. П. Михаэлис почти три года был редактором «Семипалатинских областных ведомостей». Не случайно в 1875—1878 гг. на страницах этой газеты, помимо официальных сообщений, нередко появляются статьи краеведческого характера. Прекрасно изучив экономику и культуру края, Е. П. Михаэлис с 1875 года принимал участие в составлении отчетов и статистических приложений к ним. Они отличаются обстоятельностью и до сих пор служат основой для изучения экономики и культуры восточных окраин Казахстана в дореволюционный период. С образованием в 1878 году в Семипалатинске областного статистического комитета Е. П. Михаэлис становится его первым секретарем. Комитет объединил многих интересных и образованных людей, некоторые из них были политическими ссыльными-народовольцами. По инициативе и под руководством Михаэлиса в Семипалатинске в марте 1882 года была проведена однодневная перепись населения, результаты которой имели большую общественную значимость и послужили образцом для подобных исследований в дальнейшем.

Е. П. Михаэлис и другие сотрудники статистического комитета неумоимо собирали коллекции по археологии и зоологии, создавали библиотеку. Коллекции и книги были положены в основу открытых 11 сентября 1883 года областного музея и общественной библиотеки.

Е. П. Михаэлис близко познакомился с жизнью и обычаями казахского народа. Он был хорошим знатоком устной поэзии казахов. «Ему всецело киргизская степь обязана тем, что не погиб бесследно крупный поэтический талант, открытый Михаэлисом в лице киргиза Чингизской волости Семипалатинского уезда Ибрагима (Абая) Кунанбаева», — отмечал в своей статье «Памяти Евгения Петровича Михаэлиса» известный краевед и исследователь степного края Б. Г. Герасимов.

В известном романе талантливого советского писателя Мухтара Ауэзова «Путь Абая» Евгений Петрович Михаэлис выведен под именем Е. П. Михайлова. В своем герое ав-

тор раскрыл лучшие черты представителей русских революционеров-демократов 60—80-х годов. И хотя этот образ является собирательным, в нем зримо просматриваются не только характерные черты внешнего облика Евгения Петровича Михаэлиса (открытый лоб, мужественное лицо, широкая темная борода), но и его биография, принадлежность к передовым кругам революционной демократии.

По свидетельству Мухтара Ауэзова, который в эпосе «Путь Абая» выступает не только как великолепный мастер слова, но и как исследователь глубинных социальных процессов, знакомство Михаэлиса с Абаем произошло в Семипалатинской общественной библиотеке. Абай просил у библиотекаря номер журнала «Русский вестник», в котором было напечатано одно из произведений Льва Толстого. Услышав это, Михаэлис подошел к Абаю и, передавая ему книгу, представился. Разговорились. Из библиотеки они вышли вместе. Михаэлиса заинтересовал казах, читающий Толстого и озабоченный судьбой своего народа. А внимание Абая привлек умный и образованный русский, с которым он чувствовал себя легко и свободно. Прощаясь с Абаем, Михаэлис сказал: «У вас, казахов, слишком мало образованных людей... А чтобы разобратся, где правда, где обман, нужно много знать. Только тогда вы будете полезны своему народу... Русские книги вам в этом помогут. А я с удовольствием буду вашим, так сказать, советником по самообразованию, благо у меня есть кой-какой собственный опыт в этом деле...»

Познакомившись с Абаем поближе, Михаэлис увидел в нем поэтическое дарование и, чтобы не дать заглухнуть его таланту, умело стал направлять учебу своего друга, приобщая его к передовой русской и европейской литературе. По рекомендации Е. П. Михаэлиса Абай познакомился со многими трудами Н. Г. Чернышевского, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, Н. В. Шелгунова и других видных публицистов, с книгами зарубежных авторов.

Талант Абая проявился во многих его поэтических произведениях и написанных в прозе «Назиданиях», которые получили широкую известность. Великий казахский поэт стал основоположником казахской письменной литературы нового реалистического и демократического направления и казахского литературного

языка. Выступая за просвещение казахского народа, приобщение его к передовой русской культуре, Абай писал в своих «Назиданиях»: «Русские видят мир. Если ты будешь знать их язык, то на ты откроешь и твои глаза. Человек, изучивший культуру и язык иного народа, становится с ним равноправным и не будет жить позорно...»

В течение ряда лет, пока Е. П. Михаэлис жил в Семипалатинске, Абай Кунанбаев виделся с ним в зимнее время почти ежедневно. И до последних дней своей жизни великий поэт с благодарностью и трогательной любовью говорил о своем русском друге и учителе.

В 1882 году Е. П. Михаэлис, формально освобожденный еще в 1878 году от полицейского надзора, переезжает в Усть-Каменогорск, чтобы вплотную заняться научной работой и пчеловодством. Остаток своей жизни он решил посвятить науке и культуре, осуществлению преобразования в Усть-Каменогорске. И, как показала жизнь, во многом преуспел.

В те годы это был захолустный уездный городок, где проживало около пяти тысяч человек, насчитывалось всего пять немощеных улиц и около 600 деревянных домов. Основной достопримечательностью здесь считалось двухэтажное кирпичное здание трехклассного городского училища, открытого в 1881 году. Имелось одно женское приходское училище, а также интернат для казахских мальчиков, церковь, татарская мечеть, несколько кожевенных и мыловаренных заводов, торговые ряды на базарной и сеной площадях.

Население города было почти сплошь неграмотным. Жизнь текла скучно и однообразно, драки, скандалы были обычным явлением. Словом, Усть-Каменогорск того времени скорее напоминал большую деревню, нежели город. Вот здесь Михаэлису и предстояло прожить еще более 30 лет.

С первых же дней пребывания в Усть-Каменогорске Е. П. Михаэлис обратил на себя внимание впечатляющей внешностью: массивная голова, широкая черная, в больших белых проседах, борода, выразительные умные глаза, в которых застыла не то боль, не то печаль. Взгляд

смелый, пронзительный, движения. сдержанные, но энергичные. Руки большие, натруженные, привычные ко всякой работе. Говорил остроумно, прямолинейно, часто резко. Хорошо умел осаждать чванство и спесь, остроумно развенчивал страдающих манией величия. Всегда и неизменно дорожил человеческим достоинством, в защиту которого выступал энергично.

Оригинальный и своеобразный, он невольно обращал на себя внимание всех, кто с ним встречался, а тем более имел возможность беседовать. «Люди с таким сильным интеллектом, как Михаэлис, не затеряются в толпе... Это было большое судно, которому следовало бы плавать не по сибирским заолустьям»,—отмечал Б. Г. Герасимов, который многие годы был дружен с Е. П. Михаэлисом.

Достоверно известно, что Евгений Петрович Михаэлис в этот период вместе с политссылным Адамом Бяловеским занимался составлением геологической карты Усть-Каменогорского уезда. Работа была успешно завершена. О научной значимости наблюдений и выводов о ледниковом периоде на Алтае, сделанных Е. П. Михаэлисом и А. В. Бяловеским, свидетельствует то, что их статьи были перепечатаны в 1915 году академиком В. А. Обручевым в журнале «Землеведение», а позднее вошли в трехтомник его избранных произведений в качестве приложения к статье «Алтайские этюды».

На лодке собственной конструкции Михаэлис в 1889 году совершил плавание вверх по Иртышу и озеру Зайсан. Во время плавания он занимался изучением геологического строения берегов реки и озера, их донных поверхностей, глубин, колебания уровня воды в различное время года, возможности судоходства по Черному Иртышу. Им были собраны подробные сведения о парходном и карбасном судоходстве, в том числе о сплаве руд из Зыряновского рудника на Алтайские горные заводы.

Состоя членом Усть-Каменогорской городской думы около трех десятилетий, Е. П. Михаэлис вместе с другими политическими ссыльными (О. Ф. Костюриным, А. Н. Федоровым, И. В. Емельянцевым, Ц. О. Тэраевичем, В. Л. Иньковым и В. Ф. Гинтовт-Дзевялтовским) многое сделали для благоустройства го-

рода и его культурного развития. По их инициативе в Усть-Каменогорске 20 марта 1896 года была открыта библиотека, одна из старейших в Казахстане. Большую часть книжного фонда составили личные книги городской интеллигенции и политических ссыльных. Они не только отдавали свои личные библиотеки на благо просвещения народа, но и вносили деньги на пополнение фонда. Уже к концу 1898 года в библиотеке насчитывалось 830 книг и 384 единицы периодических изданий 33 названий.

В 1920 году книжный фонд Усть-Каменогорской библиотеки уже насчитывал пять тысяч томов. После установления Советской власти эта библиотека сыграла большую роль в ликвидации неграмотности населения. В 1937 году ей присвоили имя А. С. Пушкина, а в 1939 году, в связи с образованием Восточно-Казахстанской области, она была преобразована в областную.

Евгений Петрович Михаэлис, уделявший в свое время большое внимание изучению геологического строения Калбинского хребта и сбору образцов горных пород, интересовался и золотоносными месторождениями. В пределах Восточного Казахстана Михаэлисом было открыто несколько месторождений золота. Не случайно поэтому золотопромышленники часто обращались к нему за советами и помощью, и в своей домашней лаборатории он делал для них анализ пород, помогал в проектировании разного рода механических приспособлений на приисках.

Взаимные интересы свели с ним известного ученого нашей страны академика Обручева. «Весной 1911 года,—вспоминает В. А. Обручев,—я получил предложение Российского золотопромышленного общества поехать в Семипалатинскую область, чтобы принять участие в экспертизе нескольких золотых рудников, предлагаемых Обществу.

...Усть-Каменогорск... представлял собою большое село. Гостиницы в городе не было, и мы остановились в какой-то пустовавшей квартире из нескольких комнат, но без всякой мебели, в которой провели два дня... Разыскали уполномоченного Российского золотопромышленного общества... От него же я узнал, что в городе издавна проживает старый политический ссыльный народоволец

Е. П. Михаэлис, небольшие труды которого по древнему оледенению Тарбагатай и Алтая были мне известны. По окончании срока ссылки он не уехал за Урал, где у него ничего уже не было, а остался в городе и принимал участие в городском самоуправлении и сибирской периодической печати. Я посетил старика, еще очень бодрого и жизнерадостного, жившего в небольшом домике, и провел у него два часа».

Так состоялось знакомство знаменитого академика с Е. П. Михаэлисом.

Умер Е. П. Михаэлис 2(15) декабря 1913 года от паралича сердца. Посвящая его памяти специальный выпуск «Записок Русского Географического общества», коллектив ученых писал: «...При благоприятно сложившихся обстоятельствах Михаэлис мог бы быть вторым Менделеевым. Е. П. Михаэлис был алмаз, к глубокому сожалению, не получивший должной оправы. Приходится сожалеть, что этот блестящий метеор не занял подходящего ему места на нашем небосклоне».

У Лукоморья...

Сергей
ПОПОВ

С детства нам знакомо полное чудес пушкинское лукоморье, где «лес и дол видений полны»...

Директор заповедника Пушкинские Горы, что на Псковщине, С. С. Гейченко написал прекрасную книгу, которую так и назвал — «У Лукоморья». Один из рассказов, входящих в книгу, начинается такими словами:

«Неподалеку от Тригорского, между Соротью и Великой, — красивое лукоморье. В этом месте берега Великой расходятся, и русло превращается в покатую луговину, на которой там и там виднеются густые кусты ракиты и ивы. У лукоморья — небольшая старинная деревушка; когда-то она входила в состав псковского пригорода Воронич и была приписана к Тригорскому именованию Осиповых-Вульф. Теперь эта деревушка — часть колхоза имени Пушкина».

Именно здесь, на окраине Тригорского парка, стоит четырехсотлетний дуб уединенный, который Пушкин называл патриархом лесов.

Обратите внимание: в одном случае — Лукоморье с прописной буквы, в другом со строчной — лукоморье. В чем же дело? Обратимся к «Толковому словарю» В. И. Даля: «Лукоморье — морской берег, морская лука; упоминается в сказках: «У лукоморья дуб зеленый», Пушкин».

Стало быть, лукоморье — это всего лишь изгиб берега или полуостров, мыс, а скорее всего морской залив, бухта. С прописной же Лукоморье — сказочная страна чудес, с помощью гения Пушкина получившая конкретную прописку в его родных местах, где он творил свои бессмертные произведения.

Однако Лукоморье существовало задолго до Пушкина. Еще в XVI веке так называли местность в Сибири. Например, в изданном в 1811 году энциклопедическом словаре Губнера значится: «Лукоморье — это провинция в пустынной Татарии, подвластная русскому царю. Она лежит по ту сторону Оби в Азии и простирается до Ледовитого океана».

В наши дни ученые пытались уточнить местоположение Лукоморья. Академик М. П. Алексеев считает, что оно находилось где-то в районе Северного Урала, академик же Б. А. Рыбаков прямо указывает на низовья реки Таз, там, где в самом начале XVII века возникла затопляющая царская вотчина, чудесный заполярный город Мангазея.

Есть у А. С. Пушкина еще одно сказочное название, которому суждено стать реальным. Помните, в сказке о царе Салтане:

«А теперь нам вышел срок,

Едем прямо на восток,

Мимо острова Буяна

В царство славного Салтана...»

Что это за остров, мимо которого плавали корабельщики от князя Гвидона к царю Салтану? Есть ли такое название на карте? Есть, оказывается, и несколько. Например, на востоке острова Беринга, на Командорах, есть мыс Буян — в значении буйный, бурливый, беспокойный.

На Алеутских островах есть группа островов Буян. В английском написании, с известным допущением, это название можно перевести как острова «Проданные». И в этом есть смысл, так как Алеутские острова действительно были проданы в прошлом веке царским правительством вместе с Аляской Соединенным Штатам Америки. Большой знаток топонимов Аляски В. О. Гурецкий опровергает такое толкование, считая, что это исконно русское название. Это подтверждает и Т. Орт, издавший недавно в США словарь: он считает, что острова названы в 1888 году по русскому слову Буян,

что означает открытое место на берегу или остров, служащее для выгрузки. Кстати, и В. И. Даль указывает еще на два значения слова «буян». Это — «площадь торговая, базар, рынок, торжок, толчок» и — «пристань речная, место выгрузки товаров, особенно пеньки, льна, кож, масла, сала».

В 32 километрах к юго-западу от города Пикалева Ленинградской области есть деревня Буян. Здесь в древности на реке Чагода были пристань и торжок. Второму значению соответствовали находившиеся в устье Невы, на островах дельты, склады Сальный буян, Масляный, Пеньковый, Сельдяной... Амбары Сального буяна, например, составляли довольно изысканный архитектурный ансамбль, построенный по чертежам известного петербургского зодчего Тома де Томона и очень гармонизировавшийся с находящимися на противоположном берегу реки зданием Горного института. В 1914 году Сальный буян был разобран. Гранитные блоки цоколя его можно и теперь видеть на Марсовом поле. Советский архитектор Л. В. Руднев использовал их для памятника борцам революции.

В Выборгском заливе есть группа островов Буян, состоящая из шести островов, которые финны называли Койвусари, Питкясари, Куси-Сари, Хьетасари, Муста-Сари, Руна-Луото. По решению Ленинградского облисполкома от 27 мая 1950 года эти названия перевели на русский язык и к каждому для отличия добавили «Буян», так как в Финском заливе много островов Березовых, Долгих, Еловых, Песчаных, Черных. Получилось — Березовый Буян, Песчаный Буян, Крайний Буян и т. д. И произошло это явно не без влияния Александра Сергеевича Пушкина, ибо значение слова «буян» — как пристань, место выгрузки судов к этому времени было основательно подзабыто, да и выгружать на этих крохотных островах никто, никогда и ничего не собирался...

Слабый запах герани

Рассказ

Юрий
ЛЕОНОВ

Рисунки
С. Сухова

Иприт — стойкое отравляющее вещество кожно-нарывного и общедовитого действия, имеет запах хрена и горчицы, поражает кожу, глаза, дыхательные пути человека. Действие наступает через двенадцать часов...

Люизит — стойкое отравляющее вещество кожно-нарывного и общедовитого действия. Имеет слабый запах герани. При попадании на тело сначала образуется язвочка...

Фосген — бесцветный удушающий газ, сильно действует на слизистые оболочки дыхательных путей, имеет запах прелого сена, создает остеротельные заболевания с критическим периодом около трех дней...

Осенью сорок первого я знал все эти нарывные и удушающие так, что их преподлейшие свойства, как говорится, только от зубов отскакивали на уроках военного дела. И не очень удивился, когда однажды в присутствии пожилого мужчины и совсем молоденькой женщины с осоавиахимовскими значками на гимнастерках — так называемой комиссии — меня первого вызвали отвечать к морщинистому стволу шелковицы. Занятия тогда часто проводили под открытым небом, откуда в случае тревоги проще простого было добежать по оврагу до темной дыры бомбоубежища.

Я бойко расправился с устройством противогаса, объяснил, как поступать в случае, если такового под рукой не окажется, а враг применит химическое оружие. И тогда седовласый, осанистый осоавиахимовец, поправив пенсне на

орлином носу, задал коварнейший из вопросов: как поступлю я, если вдруг увижу летящий навстречу фашистский самолет?

— Спрячусь в бомбоубежище, — тотчас ответил я. — Ну, тогда в щель. — В ту пору в каждом дворе были открыты защитные, наподобие окопов, укрытия... И щели нет рядом? В канаву лягу... И канавы нет?

«Ну, влип так влип», — подумал я и, видно, очень разволновался, потому что мужчина взялся успокаивать меня, повторяя:

— Да ты спокойнее, спокойнее, тебя никто не торопит. Самолет еще далеко, а ты один на дороге, идешь из школы домой.

— Да, ты идешь из школы домой по нашему цветущему городу-саду, и вдруг издалека, — изящно показала узкой ладошкой женщина, — совсем низко...

Приятель мой, Владик, отчаянно тыкал пальцем куда-то вверх.

Учительница Лукерья Семеновна, отчего-то приятно улыбаясь, уверяла, что я, конечно же, знаю, как поступать в таких случаях, просто растерялся немного.

Я повернулся к мужчине и с надеждой спросил:

— Совсем-совсем низко летит?

— Ну да.

— А я по берегу иду...

— Хорошо, пусть по берегу.

— Тогда б я его, гада, камнем!

Все так развеселились, словно я им язык показал. Мужчина потрясся, потрясся грузным, осанистым телом и принялся протирать стекла пенсне, точь-в-точь таких, какие, судя по кинофильмам, носили лишь белогвардейские офицеры. Одному мне было не смешно, потому что, оказывается, всем хотелось, чтобы я спрятался под ближайшее дерево, только и всего. Я представил, как иду из школы обычным путем по тротуару, под сплошным зеленым пологом, сквозь который едва-едва пробиваются солнечные лучи, и подумал о том, что эти взрослые совершенно не представляют, что такое война в условиях курортного города.

После уроков вся наша пацанва обычно играла на пустыре — большой площадке возле дома, куда весной рабочие завезли песок и глину, дранку и кирпич, а начать ту стройку не успели. Мы быстро нашли применение этим материалам: из кирпичей и песка сооружали крепости, из глины лепили пушки и самолеты, из дранки получались превосходные кинжалы и сабли.

В тот день мальчишки нашего дома готовились к большому сражению, создавали боезапас — катышки из глины. Нанижешь такой на конец гибкого прута, взмахнешь им порезче, и летит катыш во врага — ну что тебе пуля. Дело двигалось споро, но как ни увлечены мы были, ухо привычно уловило едва обозначившийся, чуждый звук с неба. Самолет летел

высоко, на частом, прерывистом дыхании: «Уа, уа» — так загнанно гудит, пожалуй, «Хейнкель-111».

Все прислушались и согласились, что это «Хейнкель», хотя сирены в порту молчали и не надрывались на вокзале паровозы. Видно, противовоздушная оборона решила, что не на творит беды летящий куда-то в горы самолет. Заслонившись от солнца, мы искали знакомый силуэт, а обнаружили нечто невиданное и странное: за светлой, подвижной точкой тянулась белая полоса. Она все расширялась и медленно оседала на город.

— Газы, — тихо сказал я.

— Газы, — оробев, подтвердил Толька, он же попросту Тока. А шестилетний брат его, Вака, — человек действия — тотчас огласил эту новость на весь двор истошным, проникающим до печенок голосом:

— Га-а-а-зи!

Что тут началось!.. Изю всех дверей вылетали насмерть перепуганные мамы, тети и бабушки, крепко хватили нас за руки, а дальше не знали, куда бежать и что делать. И пока мы популярно излагали суть опасности, тыча глинистыми руками в небо, жена майора тетя Нина Олферова взяла командование на себя. Хрупкая, как девочка, с лицом мадонны, она, по моим понятиям, совершенно не походила на командирскую жену, тем более в военное время. Одно оправдание — всего за неделю до вероломного нападения сыграли свадьбу они. И голос у тети Нины был тонкий, но уверенней, чем у остальных, когда она предложила:

— Давайте все ко мне, у нас комната большая и изолированная.

Ветер дул с гор и медленно сносил белесый, все расширяющийся шлейф как раз на самое побережье. Точно рассчитал, паразит!

С оглядкой на небо все до единого жильцы дома успели сбежаться в просторную комнату Олферовых, захватив с собой харчи да кое-какие вещи, словно в эвакуацию собрались. А мыла не взяли. Бог с ним, что лишь по карточкам его и дают, что в цене каждая четвертинка — жизнь дороже. И чем как не мылом следует изолировать помещение от окружающей среды, отравленной боевыми ОВ. Всякому грамотному человеку должно быть ясно — только мылом.

В мгновение ока бежали мы кухни, реквизировали куски и обмылки. Теперь все зависело лишь от проворства наших рук: успеем замазать пазы и щели в комнате — выживем.

Трещали чьи-то старые рубахи и майки — драли их на лоскуты и тотчас пускали в дело; одержимо постукивали о дерево ножи. Взгромоздившись на венские стулья, мы с мамой тоже конопатили и шпаклевали рамы, колупая

от душистого розового брусочка с надписью «ТЭЖЭ». Концы ножниц в моей руке то и дело тыкались мимо щели. Быстрой, быстрой!

Одна лишь бабушка Тюрина, вот уже два месяца не получавшая писем с фронта, куда ушла санитаркой ее дочь, сидела среди узлов сторбленная, с восковым, заострившимся носом, вперяясь взглядом куда-то в угол. Ее оставили в покое после того, как она прошелестела, что не надо суетиться перед смертью — грешно это: чему быть, того не миновать.

А мне о смерти не думалось. Все происходящее очень походило на большую игру, в которой столь дружно участвовали и взрослые, и дети. Вот так же бывало до войны на сборе винограда, когда все соседи сходились во дворе с тазами и ведрами и начинался самый настоящий праздник. Приставив лестницы к дому, мужчины штурмовали стены и, срезая на вышине огузные, налитые дымчатым соком грозди, кидали их в фартуки женщин. Приподнимаясь на цыпочках, срывали терпкую «изабеллу» и мы, ребяты. Со всех сторон сносили виноград на чистую большую холстину, и когда клали сверху самую красивую гроздь, она приходилась едва ли не вровень с моим лицом. Урожай делили «по головам», а потом расставляли в увитой лозами беседке у кого какое находилось вино или закуска и застольничали, и пели песни, и просто дурачились от избытка веселья что большие, что малые.

Бабушка Тюрина тоже, бывало, пускалась в пляс, путаясь в долгом подоле платья и помаживая испятанной виноградом рукой, как платочком. А теперь сидит, нахохлившись, словно уже и не с нами вовсе она, а там...

Не то от усердия, не то от испуга прижало Ваку:

— Писать хочу.

— Боже, горшка-то не взяли, — огорчилась тетя Валя, продолжая проворно работать пальцами.

Вака пострадал немного, покривился и, не встретив больше сочувствия, принялся замазывать замочную скважину. Никто на нее внимания не обратил, а он, глазастый, узрел.

Все одолели, все замуровали, последний переплет окна промазали уже кремом от загара. Газоубежище получилось на славу. Расселись кто на чем в большой, на минуту онемевшей комнате, заговорили отчего-то вполголоса, словно кто мог подслушать. Лишь тетя Нина все не могла успокоиться: присаживалась на уголок тахты и тотчас вскакивала, чтобы убрать какую-то одежду, то и дело заглядывала в окна, в которые ничегошеньки не было видно, кроме глянцевитых коробочек жасмина. Дядя Костя, ее муж, нес службу в городе, а там сейчас...

Посидели, принохались. Вроде бы не отда-

вало пока ничем, кроме устоявшихся запахов парфюмерии да съестного: чьей-то мамалыги, кабачков на постном масле и, похоже, мясной тушенки, хотя откуда бы ей взяться, если по карточкам в нашем магазине тушенку не отovarивали уже лет сто или двести. Об еде я постарался не думать — сразу вязко становилось во рту.

Я сидел под деревянным, не окрашенным снизу подоконником и время от времени ощущал, как по тонкой шее моей соскальзывает едва внятная, щекотливая струйка воздуха. Я ежился, заглядывал вверх — никакого про света: подставлял ладонь — ничегошеньки. Только усаживался поудобней, а она опять змеисто так — юрк за спину.

— Что ты вертишься, как юла? — раздраженно спросила мама.

Пришлось сделать вид, что ничего особенного не происходит и продолжить дознание носом. Я украдкой нацеливался вверх то одной ноздрей, то другой, пока не пролился в меня сторонний, текучий и сладостный аромат.

Пахло цветами. Да, безусловно, пахло цветами — той самой геранью, слабый запах которой несет с собой удушье и смерть. Правда, я не мог бы поклясться на зубариках, что четко помню, как благоухает герань. Но ведь и тот, кто сочинял наставление по химзащите, тоже не был уверен, чем в точности отдает иприт —

горчицей либо хреном, так честно и написал: или — или.

Чем больше вдыхал я ноздрями тот воздух, пытаюсь вспомнить, как пахнет герань, тем больше дурманил он мою голову, и почему-то хотелось глотать его еще и еще, а не кричать во всю глотку об опасности. Представить только, какая тут паника начнется — боже мой.*

До чего же изощренный народ эти немцы — то разит от их газов обыкновеннейшим прелым сенцом, то горьким миндалем, а то цветами, в которые столь приятно бывает зарыться на пустыре с головой и слушать стрекот кузнечиков...

Я все же нашарил то место, где холодило больше всего, и заткнул его пальцем. Запах исчез, а может, мне только показалось, но я сидел в неловкой позе, изогнувшись крючком и держа руку над головой до тех пор, пока перестал ощущать, есть у меня палец или его уже нет.

Представилось мне вдруг, что не в душной комнате сижу я, а в мрачном, вонючем подzemелье, и кто-то со звероватой, перекошенной рожей пытается меня, разведчика, раскаленным железом, а я, зажавшись в комок от боли, молчу. И ни за что не открою рта, пусть режет, гад, фашист, на кусочки. Как ненавидел я его и всех этих серо-зеленых, стиснув зубы, как остро сожалел, что мне всего только девять...

Прошла вечность, и еще немного. Вполне до-

статочный срок, чтобы вымер весь город. Уже, все страхи пережив, не шептались наши мамы ни о мужьях, ни о немецких листовках, ни о том, что кому-то пришло письмо с тщательно вымаранными тушью строчками. Притихли, осоловели и мы, мелкота, часто дыша ртами. И лица у всех как-то позеленели — явный признак отравления... Воздух загустел, хоть режь его на кусочки. Отяжелела дурманом полная голова.

— Доколе сидеть-то будем? — воронувшись, подала голос бабушка Тюрина.

Никто не ответил ей.

И вдруг мне почудилось, как по ту сторону стены, где перестало существовать все живое, скрипнула галька... Вот чьи-то шаги отпечатались по ступеням и дрогнула запертая на крючок дверь.

— Нина! — раздался голос с того света, очень похожий на дяди Костин.

Все молча пережидали, когда исчезнет это наваждение.

— Нина... открой же!

Страхнув оцепенение, тетя Нина бросилась к порогу и, прильнув к двери, выдохнула:

— Костик, ты жив!

— Ну что за шутки, — осерчал голос.

— Там все уже кончилось?

— Открой же, ну что случилось?

— Но газы, Костик...

— Значит, я мертвец! — помедлив, отчетливо сказали за дверью.

Тетя Нина решительно поддала снизу кулачком, крючок с лязгом отскочил, полетело на пол тщательно промазанное рванье, и на пороге нарисовалось сердитое, широкоскулое лицо дяди Кости. Оно явно удлинилось при виде всех нас, сидящих и стоящих кто где в обществе разнокалиберных кастрюль, и мисок, и баулов. Веснушчатый, лопаткой нос страдальчески сморщился:

— Да, газов здесь, действительно, многовато.

Женщины захохотали сразу облегченно и радостно, а мы, мальчишки, погодя, но уж зато разошлись, раскатились, подвывая и размазывая слезы, — не остановить. Так здорово не смеялись мы даже на «Веселых ребятах», когда подглядывали эту комедию, повиснув на перилах веранды в госпитале.

— Га-зы, — с удовольствием повторил дядя Костя. — Кто это у вас такой бдительный нашелся?

Все закрутили головами и уставились на меня, как будто я все еще стоял здесь во весь свой рост, а не превратился в махонького, с ноготь величиной человечка. Но Ваке показалось этого мало и, выставив скользкий от мыла палец, как пистолет, он пригвоздил «паникера» к стенке:

— Во! Он!

Лучше бы сгноили меня в ту минуту всеми боевыми отравляющими: ипритом и люизитом, фосгеном и дифосгеном вместе.

Спасибо Токе, выкрикнул он те слова, что застряли у меня где-то пониже горла:

— А белый хвост! Ведь все же видели, «хейнкель» летел, а за ним... Ведь все же видели!..

— Это отработанные газы, — спокойно пояснил дядя Костя. — Говорят, у фрицев с горючкой плоховато...

Мы выходили на волю будто из склепа. И — ах как сладок, до головокружения, показался мне воздух, пропитанный яростным ароматом душистого табака, — да, да, конечно же табака, а никакой не герани, — подгнивших остатков яблок и близкого отсюда моря. Какое это, оказывается, благо — дышать полной грудью и чувствовать, сколь чисто небо над головой, в котором кружатся сизари, сколь буйны стоголосые запахи земли, сколь ярка и трепетна готовая опать листва, сколь безогляден вокруг тебя мир, в котором все только начинается.

МИЛЛИОН МЕТРОВ В ГЛУБЬ ЗЕМЛИ

**Алексей
НАГИБИН**

На 1—3 стр. вкладки
фото автора

Ноябрь прошлого года и здесь, на севере Тюменской области, был на удивление теплым. Но внезапно налетела снежная круговерть, намела изрядные сугробы и исчезла, уступив место почти пятидесятиградусному морозу. Тот буйствовал недолго, скоро погода стабилизировалась, и жизнь природы и людей потекла своим чередом...

Такие непростые дни выпали бригаде Анатолия Дмитриевича Шакшина как раз тогда, когда надо было перевозить буровую с одного куста скважин на другой, наново оборудовать сложное хозяйство. Все было сделано в кратчайший срок, и когда в самом начале декабря мне довелось побывать на буровой, коллектив уже набрал рабочий ритм.

Ноябрь прошлого года для Анатолия Дмитриевича и его товарищей был юбилейным: с начала освоения нефтяных богатств Западной Сибири они пробурили миллион метров эксплуатационных скважин. Много это или мало? В прошлом году буровики-геологи Тюменской области пробурили миллион. Все вместе!

В ноябре бригада Шакшина выполнила годовой план, в ноябре же пришла весть о том, что ее бригадир удостоен Государственной премии.

...Нижневартовск готовился к юбилею округа. В Доме культуры нефтяников разместилась выставка творчества юного поколения горожан, краеведческий музей представил свои самые интересные экспонаты. А перед Домом культуры выстроилась другая выставка — той могучей техники, которая помогает людям осваивать богатства этого края.

С Анатолием Дмитриевичем мы ведем речь не об удачливом сегодня, а о том завтра, в котором он хотел бы видеть город, ставший для него своим.

— Тысячи и тысячи едут сюда. Одни сами, скажем, после окончания службы в рядах Советской Армии. Другие по оргнабору. Но и уезжает много: и с жильем туго, и работа трудновата. Есть немало таких, которые приезжают с определенной целью: за года три-четыре побольше заработать и вернуться в

родные края. А побольше сразу не получается. Надо и профессию в совершенстве освоить, и в коллектив войти стоящий, да и акклиматизироваться. На все время требуется.

С другой стороны посмотрите: вырастают свои, коренные нижевартовцы. Закончили школу — куда пойти? Профессией овладеть надо — ГПТУ нет. Нет и техникумов. Нет и института. Надо уезжать на Большую землю. И едут. Кто-то возвращается, а кто-то нет. Разорвать надо такой порочный круг. От этого страдает не только само производство, но и люди. Край должны осваивать хозяева. Чтобы он развивался комплексно, а не по принципу «одну ногу вытащил — другая увязла».

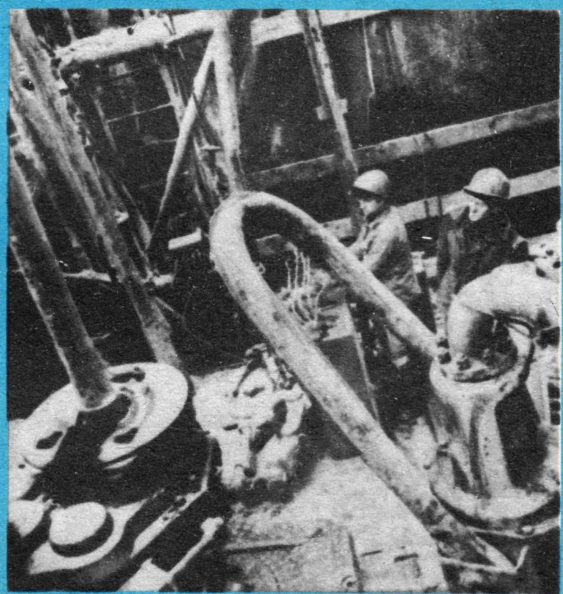
— Миллион метров — это, конечно, немало. Но метр метру рознь. Пробурил семьдесят тысяч — значит, герой, а если сорок — то вроде отстающий. А эти сорок по геологическим, да и другим условиям нередко стоят семидесяти. Давно пора этот вопрос отрегулировать.

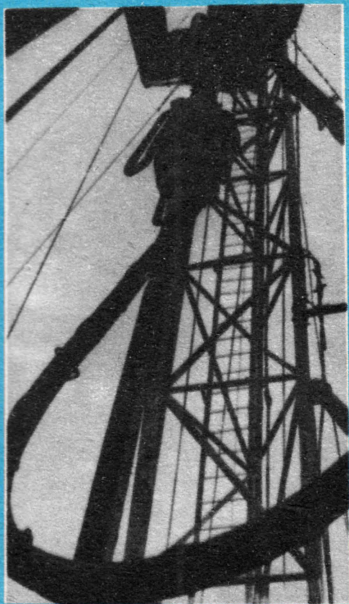
— Начинается новая пятилетка. И вопрос надо ставить так: каждого человека, вступающего в жизнь, научить. Научить по-настоящему всему, чему можем. Потом ему предоставить возможность эти знания использовать в полной мере. И после этого самым серьезным образом требовать настоящей дисциплины.

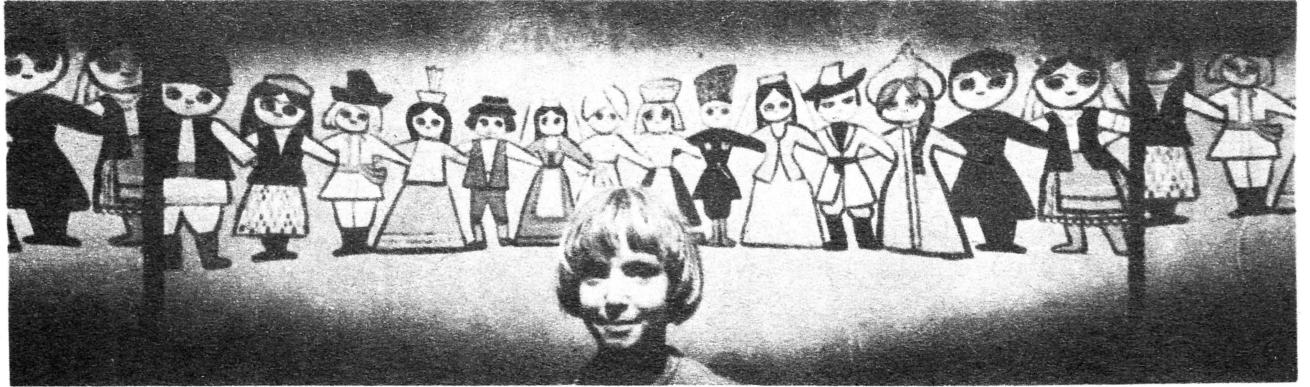
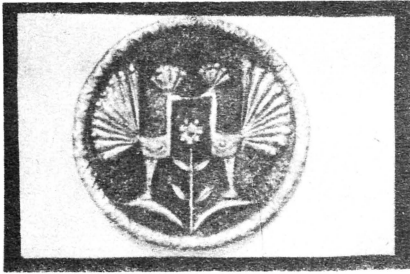
— В «Основных направлениях экономического и социального развития СССР» Сибири, нашему Тюменскому краю отведена особо важная роль. На наши плечи, плечи рабочих, ляжет основная тяжесть по освоению подземных богатств. Плечи эти — говорю от лица своих товарищей по труду — крепкие. Тюменские нефть и газ будут поставлены на службу одиннадцатой пятилетке!

СОЗВЕЗДИЕ «ЛИРЫ»

**Леонид
ГАРЯЕВ**

Фото
А. Лыськова

С чего начинается детская безнадзорность? Мать в хлопотах по дому, отец не в силах оторваться от телевизора, и — спасительный выход: «Пойди погуляй, только около дома!» А чем заняться малому человеку во дворе, стиснутом многоэтажками? И вот несется по улице мальчуган, щеки покраснелись, глаза только что из орбит не лезут — куда, зачем, и сам не знает. Некуда девать бьющую через край энергию. Попадется постарше да поинициативнее сверстник, — тогда и у мусорных ящиков ищи мальчика, и в подвале, где начинается с рассказов о страшных историях, а кончается далеко не всегда безобидным озорством...

Не установить, кому первому пришло в голову использовать те же самые подвалы и, за неимением лучших помещений, организовать детский досуг под присмотром бабушек. Как бы там ни было, свою положительную роль эти «детские комнаты» сыграли.

Но жизнь идет вперед. Под напором неутомимых общественников домоуправления стали отводить для ребят пристрой-вставки в новых домах.

Детский клуб «Лиры» в Октябрьском районе Свердловска занимает триста восемьдесят пять квадратных метров — целых семь комнат в цокольном этаже девятиэтажного дома.

— ...У меня король на а1 вышел, а он мне слона подзевнул! — сияя, говорит худенький ясноглазый мальчуган и даже подпрыгивает от избытка чувств. Миша Улыбин пришел сюда еще детсадовцем; в восемь лет получил третий разряд, оставив в турнире позади двух второразрядников. Это не счастливое исключение — нормальное достижение опытного тренера, кандидата в мастера Моисея Савельевича Минохина.

В соседней комнате группа девочек оживленно обсуждает вопрос,

какой должна быть... кикимора. Одна в сторонке демонстрирует подружке костюм для Серебряного Копытца: проще некуда — всего-навсего веточка, укрепляемая на голове резинкой.

В изостудии между стульями не протолкнешься. К спинке каждого стула прислонена картонка, нехитрое сооружение это служит мольбертом. Сосредоточенные мордашки юных художников, у некоторых высунуты от усердия языки — так выглядит вдохновение десятилетнего человека... Из красок и неистощимой ребячьей фантазии рождаются полотна, на которых сказочные персонажи довольно естественно соседствуют с современной техникой.

В эстрадных ансамблях, в кружке чеканки всегда можно встретить рослых, плечистых ребят. Есть среди них и такие, что и школу окончили или ГПТУ, работают на заводе, учатся в техникумах, а с «Лирой» не расстаются. Никаких определенных интересов не имели они когда-то, придя в детский клуб — вот как Паша Берсенева, к примеру, из кружка чеканки; а сейчас его работы экспонируются на выставках. Чеканками украшены стены клуба, комнаты в квартирах ребят. А сколько раздается родным, друзьям, даже в другие города посылаются...

Немало беспокойства доставляют работникам клуба «неорганизованные» посетители. Не всегда, говоря откровенно, встречают их радушно. Но терпят, не гонят: а вдруг прирастут здесь, перестанут бить баклуши.

Кстати, такие вот неорганизованные, не входящие ни в какие кружки, с готовностью берутся помочь в случае надобности — видно, греет сознание того, что они нужны хоть кому-то.

— Ребята, кто умеет стекло ре-

зять?— обращается директор клуба Ева Львовна Коган к набившейся в кабинет по делу и без дела разношерстной публике.

— А стеклорез есть?— спрашивает рослый чернявый парень с запущенной шевелюрой.

— Найдем.

— Тогда чего не сделать?

Парень недавно снят с учета в детской комнате милиции. Всякое способен выкинуть, а сюда все же тянется...

Штатных работников в клубе всего трое. Не от сих до сих работают, нарушить трудовое законодательство, появляясь в клубе в выходные дни, не боятся. Всех их, начиная с председателя совета общественности Лидии Павловны Еленевич, можно подвижниками назвать. На старших товарищей равняется молодежь: студент биофака Уральского университета Женья Цурихин и лаборант одного из заводов Сергей Пигозин, которые ведут фотокружки, руководитель вокально-инструментального ансамбля, студент Уральского политехнического института Игорь Иванов, девочки-старшеклассницы из школы № 94, которые в меру своего умения занимаются с танцевальным коллективом.

Безусловно, состояние вечной неналаженности, связанное с опорой на самодеятельность, имеет определенные неудобства. Но к минусам этим притерпелись; жизнь сама родила формулу этой деятельности — «кто во что горазд». И горазды клубные работники на добрую выдумку, восполняющую недостаток средств. Хоть и считается клуб по оснащенности одним из самых богатых в городе, не хватает то одного, то другого: кружки разрастаются, потребности на мертвой точке, естественно, не застывают. Как их удовлетворить? Сознание того, что никто за тебя не сделает, развивает изобретательность, инициативу. Руководитель кружка чеканки Л. Т. Елистратенко и краски для керамики на свою премию приобрела, и дефицитные материалы кружковцы добывают, получая их как плату за работу...

У самодеятельности все же прекрасная лицевая сторона. Как-то пожилой пенсионер принес в клуб ноты музыкальной пьесы по сказкам братьев Гримм, написанной еще его отцом. На постановку, правда, пока вокали-

стов не хватает, но ведь сам факт уже радует. Так же, как добродушная воркотня одной из бабушек: «Полдома в ваш клуб перетаскала — и шляпу, и перчатки, и веер». Так же, как платье, специально сшитое женщиной-дворником, скромного, конечно же, достатка — для дочки, участвовавшей в спектакле.

Что такое ремонт, всем известно. Очень точно кто-то приравнял его к стихийному бедствию. Послеремонтный беспорядок в клубе, битком набитом мебелью, оборудованием, ребятами работами, грязи по колено... А назавтра в изостудии открытый урок. Дома попробуй ребят заставь заняться уборкой, а тут... Вынесли, выскребли, вымыли, оклеили шторы аппликациями, покрасили в радостные цвета уныло серые батареи, расписали плафоны. Кстати, роспись в изостудии, привлекающая яркостью, доброй фантазией, тоже в значительной степени сделана руками ребят.

Детские клубы, подобные «Лиру», существуют не сами по себе. Они входят в социально-педагогические комплексы, которые в Октябрьском районе Свердловска были созданы в 1977 году. Множество влияний испытывает подросток; учесть, использовать их призваны комплексы. Прежде всего, в поле зрения попадают те, кто переживает трудный возраст.

Весьма значительная, а иногда и ведущая роль в комплексах принадлежит школе, в данном случае — свердловской школе № 94. Уже поэтому есть смысл предоставить слово ее директору В. Е. Осиповой, поинтересоваться мнением школьных работников о детском клубе.

— Про «Лиру» однажды сказали, что она служит как бы нянькой при школе, берет на себя то, с чем мы не в состоянии справиться из-за перегруженности основными своими задачами, чисто учебными и воспитательными. Что ж, в принципе это верно и совсем необходимо должно звучать: каждый знает, как трудно нынче найти хорошую няньку. Детского клуба в районе не хватало давно. Мы не просто ждали его открытия, наша депутатская группа приняла в судьбе клуба самое активное участие. И представлялся он нам таким, каков есть сейчас — местом, куда стягиваются ребята всего микрорайона, где избы-

ток их сил переплавляется в полезные дела. Имена называть не к чему, но твердо скажу, что некоторых парней мы потеряли бы, если бы не «Лиру»...

И родителям с «Лирой» легче. Времени ребятам на озорство клуб не оставляет, прививает им хорошие навыки, исподволь гранит характеры. Для родителей двойной праздник, когда ребята ко дню рождения в семье или к другой памятной дате преподносят своими руками сделанный подарок — будь то плюшевый мишка или чеканка на меди. А некоторые извлекают пользу и для себя, восполняя то, что недополучили в пору своего детства — учатся вместе с ребятами и ничуть не стесняются этого. Наш знакомый Миша Улыбин, садясь дома за шахматы, нередко застывает отца сдаваться, а мама десятилетней Лены Вальдман не гнушается брать уроки визания у собственной дочери...

И еще одно, немаловажное: в домах и дворах стало спокойнее. Клуб стал вторым домом для многих ребят, а для некоторых — едва ли не первым. Для тех, кого уж слишком откровенно стремятся убрать с глаз долой родители, для тех, у кого дома нелады, да иной раз такие, что куда угодно убежал бы.

А тут и бежать далеко не надо — просто заглянуть на огонек...

АВТОГРАФ КОМАНДОРА

Прихоу бжисамы; Оболтѣ того канцелярца Соловьева и набрало
 ея доимия немилостивца; по вышеступанномъ она чини ея
 соблагодолити быти, не вѣстна; Могидъ юволя регенная Хан
 цияря, Наместо оного набирателю Соловьева Пристапу
 ртова, Понесте окоя Соловьевъ, Обдерстимъ, Фестпонод
 Схотинуд Болеснеб, Негея Стяб, Опошарой Нсподоутица
 Еад негидимъ

Витус Беринг

21 Октя
 1736

Александр Саввавич

Эдуард ПЕНЗИН

Немало славных имен российских мореплавателей-первопроходцев увековечено на карте нашей Родины. Среди них особое место занимает имя капитана-командора Витуса Беринга, которого его современники называли по-русски Иваном Ивановичем. Именем Беринга названы море, пролив и группа островов. Выходец из Дании, он в 1704 году, в возрасте 23 лет, был приглашен Петром I на службу в Балтийский флот с чином мичмана. За 37 лет службы в русском военном флоте он дослужился до звания капитана-командора, это звание, давно отмененное в военно-морском флоте, среднее между капитаном I ранга и контр-адмиралом, что по Табели о рангах соответствовало чину V класса.

Еще до поступления на русскую службу, в 1703 году, Беринг совершил несколько дальних плаваний, в

том числе в Ост-Индию, и приобрел солидный опыт морских путешествий. Это обстоятельство в немалой степени способствовало назначению его руководителем первой Камчатской экспедиции (1725—1730), ибо он, как писала Адмиралтейств-коллегия, «...в Ост-Индии бывал и обхождение знает».

Официальной целью обеих Камчатских экспедиций было установить — есть ли перешеек или пролив между Азией и Америкой? Такая задача была поставлена перед Берингом в инструкции Петра I, которую он собственноручно написал в январе 1725 года, совсем незадолго до своей смерти. Как известно, первая Камчатская экспедиция не решила до конца поставленные перед ней задачи. 17 апреля 1732 года был издан указ о снаряжении второй экспедиции на Камчатку под руководством В. Беринга. В разработке плана этой экспедиции принимали участие Сенат, Адмиралтейств-коллегия и Академия наук. В состав экспедиции были включены военные моряки Алексей Чириков и Мартын Шпанберг (помощники Беринга), Софрон Хитрово, лейтенанты Мурavyев и Павлов, братья Харитон и Дмитрий Лаптевы. От Академии наук в экспедицию были назначены известные ученые: натуралист Иоганн Гмелин, историк и географ Герард Миллер, астроном Людовик Делиль, а среди их помощников был и 21-летний студент Степан Крашенинников, впоследствии академик.

В состав экспедиции входили также матросы, штурманы, геодезисты, лекаря, конной из 14 человек — всего около 570 человек. По количеству участников, по поставленным перед нею задачам вторая Камчатская экспедиция Беринга не знала себе равных не только в XVIII, но и в XIX веке.

В феврале 1733 года участники экспедиции начали выезжать из Петербурга. Осенью того же года экспедиция достигла Урала, основная часть ее под начальством Чирикова через Туринск и Тюмень проследовала в центр Сибирской губернии — Тобольск и здесь осталась на долгую зимовку. А капитан-командор Беринг в сопровождении небольшой группы в ноябре 1733 года заехал в

столицу горнозаводского Урала Екатеринбург. Здесь он вел переговоры с начальником горных заводов генералом В. Генниным об обеспечении экспедиции необходимым снаряжением: ядрами, якорями, пушками, котлами и т. п. Было решено: якоря и медные котлы делать на Екатеринбургском заводе, пушки и ядра к ним по 200 штук, а также 300 пудов дробы отлить на Каменском заводе. Заказ был весьма срочный, поэтому Геннин решил «для поуждения в литье оных пушек и дробы, и о репортовании о том понедельно — послать отсюда на Каменской завод» специального человека — опытного солдата.

К весне 1734 года заказ экспедиции был выполнен и за ним из Тобольска в Екатеринбург был направлен один из участников экспедиции — штурман флота Семен Челюскин. В конце марта Челюскин принял различное снаряжение и припасы, изготовленные на уральских заводах для Камчатской экспедиции. В их числе были и 28 небольших пушек, отлитых на Каменском заводе. Эти пушки и составили основу вооружения двух пакетботов: «Св. Петр» и «Св. Павел», построенных и спущенных на воду летом 1740 года в Охотске. На них и совершили свои знаменитые плавания В. Беринг и А. Чириков.

Видимо, во время пребывания Беринга в Екатеринбурге было решено о строительстве небольшого железного завода в районе Якутска специально для обеспечения экспедиции припасами, так как транспортировка мелких изделий с Урала занимала в то время слишком много времени и значительно удорожала их стоимость. Строительство завода в Якутском уезде, на реке Тамге, началось в 1734 году, руководил его строительством, а затем и управлял им шихтмейстер Александр Соловьев. Он был послан в Якутск из Екатеринбурга вместе с несколькими опытными мастерами. В 1735 — 1743 годах завод изготовил для экспедиции Беринга 2288 пудов различных припасов — якорей, гвоздей, кос, осей...

Именно с работой этого завода, который подчинялся прежде всего уральскому горному начальству —

Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов, и связан документ, обнаруженный в фондах архива Свердловской области. Это — промемория, то есть письмо, от капитана-командора Беринга в Канцелярию Главного правления Сибирских и Казанских заводов, подписанная Берингом 21 июля 1736 года. В это время знаменитый командор уже почти два года находился в Якутске, где экспедиция готовилась к морским путешествиям.

В письме Беринг сообщает уральскому горному начальству, что управляющий заводом А. Соловьев вернул в казну числившийся на нем долг — 78 руб. 15 и $\frac{3}{4}$ коп. (сумма весьма внушительная для того времени) и просит заменить его кем-либо другим, так как Соловьев тяжело заболел («обдержим жестокою чехотною болезнью») и надежды на его выздоровление не было.

Письмо Беринга было получено в Екатеринбурге 1 декабря 1736 года, следовательно, более четырех месяцев находилось оно в пути. Этот документ — свидетель тех суровых условий, в которых славные сыны России выполняли ее задания, свидетель вклада горнозаводского Урала в дело освоения Сибири и Дальнего Востока, в экспедиции Беринга, научные и практические результаты которых неисчислимы. Нахождение пути через Берингов пролив, описание Камчатки, Курильских островов и северной Японии, открытие северо-западной Америки А. Чириковым и В. Берингом, работы Гмелина по изучению Сибири и, наконец, совершенно исключительный подвиг по описанию северных берегов Сибири, делающий имена наших моряков бессмертными в истории географических открытий, — таков лишь краткий перечень того, что было добыто трудами Камчатской экспедиции.

ДЕСЯТИНА, ЧЕТЬ, ГЕКТАР...

**Анатолий
КУХТУРСКИЙ**

Основной единицей измерения земельных угодий в нашей стране является гектар. Слово это не русское, в основе его лежат греческое *hekaton* — сто и латинское *agea* — площадь.

В Россию термин «гектар» проник в начале XVIII века из французского языка, однако длительное время практически не употреблялся. Широкое распространение гектар как мера площади получил только после коллективизации, в 30-е годы. Некоторое время он сосуществовал с традиционными старинными мерами, но постепенно вытеснил их.

Какими же земельными мерами пользовались в России до гектара?

Односложно ответить на этот вопрос нельзя, потому что в каждое время существовали свои единицы площади, причем для различных уголков России они были не одинаковы по названию, а если и однозвучны, то не эквивалентны.

Одной из древнейших единиц измерения земельных угодий можно назвать вервь, известную еще со времен Древней Руси. Первоначально вервь имела значение «община», затем — общественно-территориальная единица и, наконец, определенная территория. Как единица измерения площадей вервь длительное время сохранялась в северных районах России и равнялась 1850 квадратным сажням. (Одна сажень равна 2,13 метра.)

Основной земельной единицей в России считалась десятина. Первоначальное значение десятины — десятая часть дохода, которую установил князь Владимир Святославович после принятия христианства на содержание киевской Десятин-

ной церкви. Впоследствии это значение было утрачено, и десятина стала выражать земельную меру. Существовало несколько видов десятины. В качестве официальной была признана казенная десятина, которая равнялась 2400 квадратным сажням (1,092 гектара). Наряду с ней имелись хозяйственная косяя, или домашняя, десятина (3200 квадратных сажней), хозяйственная круглая (3600 квадратных сажней) и сотенная (10 000 квадратных сажней). Последние три употреблялись довольно редко.

Десятина делилась на чети, осьмины и лехи. Четь — половина десятины. Крестьянину, чтобы засеять полдесятины пашни, требовалась четверть (четыре) ржи. Постепенно эта весовая единица, равно как и осьмина, приобрела значение пространственной.

Чтобы зерна при посеве лежали равномерно и не было огрехов, десятину пашни делили на лехи, полоски шириной 3—4 сажени. Каждую леху засевали отдельно. Так как на подзолистых почвах зерна плохо видны, лешение было важной предпосевной работой. Границы лех, или борозды, служили точными ориентирами сеятелю. Их делали брусом, проволакивая на веревке. На черноземных почвах, где зерна отчетливо видны, лешение не проводилось.

Эталонами для измерения земельных площадей обычно служили окружающие предметы и, в первую очередь, орудия земледелия. Именно они дали названия таким земельным единицам, как соха, плуг, обжа. Характерной особенностью таких мер было то, что они весьма приближенно давали представления о размерах территорий, так как сами «эталонные» подчас бывали далеко не идентичны.

Размеры сохи колебались в пределах от 300 до 900 десятин. Следует учитывать, что это зависело также от качества почвы и характера местности. Так, например, московская соха в 10 раз превосходила по размерам новгородскую. Вполне закономерной составной частью сохи была обжа — оглобля сохи. Среди многочисленных значений обжи наиболее распространен-

ным было пять десятин. Плуг соответствовал трем обжам.

Широкое распространение в России имела и такая старинная единица земельного измерения, как выть. Дословно этот термин означает «подать, налог натурой», что поначалу так и было на Новгородской земле и в соседних землях. Позднее выть приобрела иное значение — участок земли, надел, пай. Как земельная мера выть не имела пространственной определенности и измерялась площадью, которую мог обработать один человек на одной лошади. Так, в центральных районах до середины XVI века выть равнялась пяти десятинам доброй, шести десятинам средней и восьми десятинам плохой земли. В других районах колебания были еще более значительны. Такое непостоянство создавало определенные трудности в земельном хозяйстве, вызывало конфликтные ситуации. В середине XVI века выть была нормирована и приравнена к шести десятинам. Нормированы были также обжа и соха, которые стали составлять соответственно пять и 400 десятин.

В северных районах России земледелие не развивалось. Население занималось здесь охотой и рыболовством. Иногородцы платили подати с лука, главным образом, пушнинной. Лук — это единица обложения охотничьего хозяйства. В дальнейшем луками стали измерять и районы промыслов.

В жалованной грамоте царя Ивана Васильевича жителям Перми Великой от 1484—1485 годов находим:

«А государевы дани за собли и за белку и за бобровые гоны, и за рыбную ловлю и за кречатьи садбища с четырех сотен с тридцати осьми луков десять сороков и полсорока и осьмнадцать соболей, с лука по соболю».

Как видно из грамоты, лук начал уже поземельную меру. За то, что Иван Грозный жаловал жителям Перми Великой 438 луков угодий, они должны были платить дань: одного соболя за каждый лук. Мера учета угодий лук имела исключительное важное значение для жителей северных районов. С вт-

верждением земледелия во второй половине XVI века лук становится поземельной мерой. Его величина достигала 6,72 десятины.

В западных районах Российского государства, в частности в Подоллии, земельные угодья измерялись в моргах. Эта единица была заимствована в Польше и соответствовала 0,56 гектара. Другая земельная мера — груд — была распространена в Полесье. Величина гряда составляла 1,5—2 гектара. Наряду с грядом существовал грядок — 0,25 гектара, а также великий гряд — до 30 гектаров. С XIV века в западных областях известна волока. Термин восходит к слову «волочить». Волока по пашне суковатое бревно, оконтуривали границы земельных участков. Позднее стали использовать волочный шнур. Волока достигала 10 десятин. В новгородских землях она была в два раза больше. В белорусском Полесье волока длительное время была важнейшей единицей измерения.

В центрально-черноземных областях, на Южном Урале и в Зауралье пахотные участки определяли гонами. Гон — часть пашни, обрабатываемой в один прием. Как правило, длина гона не превышала 60 сажней, а ширина — 10.

На Вятке и Каме мерной единицей пашни служил косяк (3200 квадратных сажней).

Наряду с названными земельными мерами существовал целый ряд неопределенных метрологических единиц, которые были распространены на локализованных территориях. К таким единицам можно отнести шест, косье, ужище, коробье, кон, полку, прут и многие другие.

Многочисленны старинные русские меры площади. Их история тянется из глубины веков. В их названиях отражается далекое прошлое: и бытовавшая система земледелия, и способы ведения хозяйства, и применявшиеся орудия труда.

ЭТО ВЧЕРАШНЕЕ СЕГОДНЯ

**Григорий
БРАЙЛОВСКИЙ**

То, что Ленинград — лучший город в мире, знают все. А лучшая улица — это, конечно, наша, улица Герцена. Это знаем мы. Всегда, когда случай собирает нас в Ленинграде, мы идем на нашу улицу, к нашему дому. Идем не сговариваясь: просто каждый из нас знает, что встреча не может начаться иначе.

Нас трое: Цвет, Толька Суворов и я. У Цвета длинное имя — Иннокентий, фамилия — Цветков. Когда ему было десять, кто-то первым сказал: «Цвет». Сейчас ему за пятьдесят.

Раньше нас было больше. Когда мы встретились после войны, никто из нас еще не знал, что она унесла двадцать миллионов жизней. Мы знали только: из семи ребят с нашего двора осталось трое.

...Сворачиваем с Невского и останавливаемся у «Баррикады». Это наш кинотеатр. Мы помним его еще «Светлой лентой» с немymi фильмами. Здесь мы впервые увидели «Чапаева», «Вратаря» и «Веселых ребят».

Как-то, вскоре после войны, мы пошли в «Баррикаду». Надпись «Дети до 16 лет не допускаются» вызвала у длинного Тольки ироническое замечание:

— Слушай, тебя опять не пустят!

В детстве я долго был самым маленьким. Ребята повыше проходили, а я не всегда. На этот раз я был в майорских погонах. Видимо, поэтому и не услышал привычные слова: — А ты куда, мальчик?!

Из дверей текстильного института навстречу нам веселой гурьбой идут студенты, а мы помним, как в этом недостроенном здании ютились беспризорники и бегали одичавшие кошки.

— Ребята, помните, здесь снимали фильм «Профессор Мамлок»? Тут в подвале, напротив института, еще кабачок был с немецкой вывеской, — говорит один из нас.

— А Левка хвастался, что участвовал в съемке; он ведь очки носил и все со скрипочкой своей...

И тут мы замолкаем.

...Левка был действительно очкарик и по мячу бил плохо. Зато у него были самые лучшие марки и

в шахматы он обыгрывал всех (третья всесоюзная категория!). Окончив школу, он поступил на биологический в университет. В армию его не брали из-за зрения. А когда фронт пришел в Ленинград, Левка сбрасывал зажигалки с крыши университета. Сбрасывал недолго: там его и настигла взрывная волна.

Впереди перекресток с улицей Дзержинского, мы знали ее Гороховой, в одном из ее домов жил Обломов. Справа виднеется Адмиралтейский шпиль, рядом Гороховая, 2, знаменитое здание первой ЧК, там работал Дзержинский. Если свернуть влево и перейти через мост Мойку, будет наша школа. Теперь она 211-я, раньше была 12-й Куйбышевского района, а еще раньше — женской Алексеевской гимназией.

Зеленый свет, и мы переходим улицу Дзержинского, справа и слева продовольственные магазины.

— Помните, — замечает Цвет, — как мы тут арбузы покупали?

— А Костька Зубцов их выбирал, сжимал руками и слушал, — добавляет Толька, — вроде бы понимал что.

...Костька Зубцов, или просто Зуб, в нашем дворе играл правого бека и всегда чинил прорехи на крышке единственного мяча. Учился Костя слабовато, бывало, оставался на второй год. Его дядя, известный во дворе как Федюшка Рыжий, не раз угрожал:

— Кискинтин, стариком будешь, а семилетку кончишь!

Семилетку Костька окончил и пошел на завод имени Калинина. А стариком не стал, уже в 41-м пропал без вести.

...Гостиница «Астория». Для нас она памятна не знаменитым рестораном и одноименной пьесой Александра Штейна. Здесь тоже было кино, детское, за 15 копеек. «Красные дьяволята», «Ванька и Мститель» — фильмы о гражданской войне. Тогда, волнуясь за красных героев и освистывая «беляков», мы не думали о военных испытаниях, которые ждали нас в недалеком будущем.

Не знал этого и Яшка, по-нашему — Янкель, как в «Республике ШКИД». Янкель был левым защитником и больше всех спорил во вре-

мя игры. Мы ходили к нему слушать модные в то время романсы Изабеллы Юрьевой и Кето Джапаридзе. К началу войны Янкель еще не успел закончить школу, пошел добровольцем и погиб под Ленинградом весной 42-го.

...Герцена, 41 — гранитное здание бывшего немецкого консульства. Это на его крыше до войны появлялось знамя с фашистской свастикой. Тогда мы многого не понимали. Шла война в Испании, мы носили голубые пилотки с кисточками, шеголяли испанскими словами «вива» и «сальуд», ненавидели Франко и очень хотели, чтобы победили республиканцы. Тогда мы еще не могли знать, что война с фашизмом в Испании скоро станет нашей войной.

...Перейдя переулок Подбельского, мы останавливаемся. Каждый из нас знает, о чем думают оба других. Мы думаем о Мишке.

Мишка любил быть первым. Он был первым в игре в пуговицы, первым пошел заниматься фехтованием в спортивную школу, первым научился танцевать и первым вступил в комсомол. Мы думаем о Мишке и смотрим на здание Дома культуры работников связи. Раньше тут стояла готическая кирха. Однажды ее огородили забором, сломали башню, покрыли красный кирпич штукатуркой. Ждали, когда откроется наш Дом культуры. Особенно Мишка, ведь он был лучший танцор. Не дождалась.

Вдали, на той стороне Мойки, виднеется Дом учителя. Все знают, что это бывший Юсуповский дворец, где незадолго до революции убили Гришку Распутина. Для нас с Мишкой Мойка, 94 — не только княжеский особняк.

13 октября 1939 года мы пришли сюда по повесткам военкомата. В одном из залов была слышна музыка. Но это играл не военный оркестр. Выступал популярный в то время молодежный джаз Смиты-Полянского. Эти музыканты всем оркестром подали заявления в армию. А пела Ирина Полянская. Пела для всех:

Парень кудрявый,
Статный и бравый,
Что же ты покинул нас...

Моя длинная армейская дорога началась здесь. Мишкина — тоже. Я вернулся, Мишка никогда не вернется. Его дорога оказалась короче, она оборвалась на Курской дуге, 5 июля в 43-м...

...А вот и наш дом. Рой воспоминаний швыряет нас в далекое прошлое... Уже нет асфальта с автобусами, вместо него торцовый настил. И мы играем в лапту. И кажется, что вот-вот из подвала высунется дворничиха со знакомыми словами: «Опять стекла бить собралась?»

Как можно быстро помолодеть!

Еще минуту назад среди нас были морской инженер, работник Министерства внешней торговли и подполковник запаса. Но, свернув в подворотню, мы вдруг взбираемся на высокие решетчатые ворота, играем в «маялку», с азартом перепасовываем спичечный коробок. Потом долго ходим по двору... Здесь были футбольные ворота, образованные углом помойки и притащенным кирпичом. Отсюда строчил «пулемет», отражавший психическую атаку «белых», как в «Чапаеве».

Мы ходим и чаще других слов говорим: «Помнишь?».

За эти годы в доме многое изменилось. В квартирах новые жильцы, во дворе новые ребята. Мы знакомимся с ними, быстро находим общий язык. Мальчишки хорошо понимают друг друга: и те, что носили коллекционные монеты в «Торгсин», и те, что никогда не видели продовольственных карточек.

Времена меняются, мальчишки остаются мальчишками. И хотя мы сами варили лыжную мазь, а они свободно ее покупают, и хотя у нас были самодельные клюшки, а у них настоящие, все равно они очень похожи на нас. Мы играли драным мячом на мостовой и матч наш заканчивался не свистком судьи, а звонком очередного разбитого стекла или появлением управдома. Они играют на настоящем поле, завоевывая приз на всесоюзном розыгрыше «Кожаного мяча». Но разве это делает нас непохожими?

У нас в доме живут хорошие ребята. Ведь ребята эти — с нашего двора!

...Расстаемся мы по рукам и они говорят нам: «Счастливо!». Мы тоже говорим: «Счастливо!».

Но нам хочется сказать им больше. Мы приходим сюда втроем, когда позволяет случай. Остальные четверо никогда не придут. Нам очень хочется, чтобы эти ребята возвращались в наш двор всегда. И сыновья их тоже.

...Получилось так, что впервые после выпуска я пришел в родную школу в день 30-летия Победы. Пришел сам, без приглашения. Уже в вестибюле остановился и начал улыбаться. Со стороны могло показаться странным: подполковник в парадном мундире стоит один и чему-то смеется. Но тем, кто смотрел со стороны, было невдомек, что стоял я не один.

Когда кончались уроки, здесь, у этих узких дверей, всегда образовывалась куча-мала. Я улыбался потому, что в пустом вестибюле снова видел кучу-малу.

...Дальше лестница. В этот вечер она была пуста и спокойна, ее многострадальные перила и ступеньки отдыхали. Видимо, обстановка придала мне смелости. Один раз я спустился вниз, прыгая через четыре ступень-

ки, а потом еще раз с помощью перил. Вспоминать — так уж все!

На подходе к кабинету директора меня охватило знакомое, но уже забытое чувство волнения и страха. Правда, на этот раз волновался я напрасно, и боялся тем более зря. Встретили меня хорошо. До начала торжественного собрания оставалось время, и я прошел по школе. Знакомый коридор, и вот наш класс. Он был пустой. Но когда я вошел в него, вместе со мной вошли и все остальные девятнадцатые, те, что учились в 10 «в». Те, кто мог прийти и кто никогда уже не придет. В классе никого не было, но я слышал переключку классной руководительницы и отвечал ей:

- Александров?
- Инвалид войны.
- Мальцев?
- Погиб.
- Федухин?
- Не вернулся с фронта.
- Цельникер?
- Умер в блокаду от голода...

Я знаю: и в других десятых любой школы выпуска 39-го подобная переключка не будет отличаться от нашей.

Можно многое забыть, в том числе имена и фамилии когда-то встретившихся людей. Но если мы помним имена и фамилии наших учителей, помним, как свои собственные, как имена матери и отца, значит, они стоят такой памяти, эти учителя! И я очень хочу, чтобы нынешние ученики, когда они уже станут инженерами, врачами, офицерами, артистами, когда они станут взрослыми и, может быть, окажутся далеко, всякий раз, вспоминая школу, говорили бы «моя» и приходили бы в свою школу на свидание с детством и юностью.

ДОРОГА ПЕРВЫХ

Наталья
Дьяченко

Вспомните: КОММУНАР, ЧОЛОВЕЦ, РАБФАКОВЕЦ, ПЕРВОСТРОИТЕЛЬ, СОЛДАТ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ... Какая сила в этих словах, обозначающих преемственность поколений, но есть люди, судьба которых вмещает их все...

После избрания Панкратия Швердалкина секретарем Суерского райкома комсомола его вызвало местное начальство.

— Посмотри во двор, секретарь, — уже не девятнадцатый год. Жалобы на тебя поступили.

— Уже? В чем я успел провиниться? — Панкратий стоял в дверях — блестящая портупея, револьвер в кобуре — боевой вид.

— Вчера, как закончилась комсомольская конференция, ты на лужайке с молодежью гопака отплясывал. Люди все видели. Упрощенчески ты, товарищ Швердалкин, подходишь к работе с молодежью. Был у нас раньше секретарем Морозов, так он по чину солидно себя вел...

— И при этом не работал! На комсомольской конференции по делу ребята его ругали: бюрократ! По учетным карточкам поглядишь — в районе тридцать ячеек, а действует всего четырнадцать. Да и то многие на ладан дышат. А я ничего дурного в песнях и плясках не вижу. Лучше, думаю, пусть молодежь под мою гармонию поет, чем под кулацкую.

— Предупреждаю тебя, товарищ Швердалкин, не те у тебя методы, хоть и получил ты подготовку в совпартшколе. Не те!

Так и не получилось разговора. А Панкратий вскоре выписал себе из Москвы гармонию знаменитой в то время фирмы Говорова — 180 рублей за нее выложил. Это при скромной секретарской зарплате в сорок целковых! Все заседания, семинары и совещания в райкоме комсомола начинались с песен. Поэт Александр Жаров писал: «Гармонь, гармони! Протяжные меха... И с той же задушевною игрой в простор полей в премудрых переборах вырастает новых, зычных песен строй — о тракторе, о смычке, о селькопах!».

А по вечерам — пляска... И комсомольский секретарь — лучший тан-

цор в селе. Как пойдет вприсядку с вывертом, с присвистом — загляденье!..

Мандат, револьвер и конь — все имущество, которое по должности полагалось секретарю райкома комсомола. Верхом на коне Швердалкин объезжал деревни. Края глухие, люди запуганные. У всех в памяти были зверства кулацко-эсеровских бандитов. К примеру, в коммунах деревни Шуравино кулацкая банда вырезала всех поголовно мужиков, от малых до стариков. А колхоз в той деревне сохранился, только был он однородным по своему составу — чисто женский. Не раз слышал Швердалкин, как мать трепала за чуб сына или за косу дочь и приговаривала: «Не ходи в комсомол! Головы там тебе не сносить!».

Мандат хранился за пазухой. Швердалкин доставал его, если надо было именем Советской власти добиться правды. Он заступался за малолеток-батрачат, которым кулаки строго-настроено запрещали учиться в школе. У секретаря райкома искала справедливости крестьянская молодежь.

А револьвер в те годы был просто необходим. В округе разбойничали бандитские группы из местных кулаков, грабили кооперативные лавки, поджигали колхозные дома, убивали сельских активистов. Револьвер нужен был Швердалкину на случай, если произойдет неожиданная встреча на лесной дороге с бандой, если разъяренный кулак из-под полы достанет обрез, если ребром встанет вопрос о жизни или смерти...

В начале 1928 года Панкратия Швердалкина перевели в Шатровский район, его предшественник — секретарь райкома комсомола уехал в город на учебу. Шатровский район был велик по размеру и численности населения, он считался передовым по кооперированию, экономике и культуре. Дружески принял Швердалкина секретарь райкома партии Василий Леонтьевич Братилов, они знакомы были еще по совпартшколе.

— Главное сейчас — артели, переход от индивидуального хозяйства к коллективному труду, — вводил Братилов в курс дела нового ком-

сомольского секретаря. — Можно похвалиться: в районе уже работают 14 коммун и артелей. Но надо больше. Возьми на вооружение слово, честное и прямое. Если твоему слову поверят, пойдут ребята с чистым сердцем в комсомол и колхозы...

Сам Братилов был прекрасным оратором. Он не боялся схваток в споре на шумных многолюдных митингах. Поднимался на трибуну даже под злобный рев кулаков: «Долой!». Он говорил резко, убежденно — и постепенно стихали суматошные, надрывные выкрики. «Идейный», — говорили о нем мужики, и в их устах эта похвала звучала высшей наградой. Панкратий Швердалкин влюбленными глазами смотрел на Братилова, стремился во всем подражать ему.

Урожай летом 1928 года был щедрым, грех обижаться. Но планы по хлебозаготовкам срывались. Кулаки и зажиточные крестьяне прятали зерно, гноили в земле, лишь бы государству не продавать.

В тот день многие уполномоченные, возвратясь из деревень, руками разводили: «Кулаки скрывают хлеб». Братилов, обычно спокойный и сдержанный, темнел от гнева лицом. Чувствовалось: вот-вот вскипит. Последним отчитывался помощник окружного прокурора Ильин. Он побывал в деревне Ожогино и привез полный портфель протоколов, составленных при подсчете на месте. В протоколах утверждалось, что есть излишек зерна, который прячется по тайникам, а не продается государству...

— Мы тебя, товарищ Ильин, за хлебом посылали, а не за бумажками, — резко сказал Братилов. — А протоколы оставь себе, может, в домашнем хозяйстве пригодятся. Раз не справился с партийным поручением, другого пошлем.

— Разрешите мне попробовать свои силы, — привстав, сказал Швердалкин, самый юный из членов бюро райкома партии.

...Ночью в Ожогинском сельсовете Швердалкин собрал батраков. Рассказал им о лоручении, с которым приехал. Сделал обзор политического момента, объяснил, как ждут

хлеб в городах. Призвал батраков к классовой сознательности.

— Вы, товарищи, наверняка знаете, кто и где прячет зерно. Обещая, что от кулаков за правду не пострадаете. Советская власть возьмет вас под свою защиту. Время есть подумать. До рассвета. Если что выясните, приходите. Буду ждать всю ночь в сельсовете.

К утру в блокноте Шевердалкина было три адреса. Первым записан Кузьма Петрович. В сельсовете он состоял на хорошем счету — середняк, примерный хозяин, а хозяйство в деревне известное, образцовое. «Ошибочка вышла, поди, оклеветали мужика. От зависти, известно, даже мухи дохнут», — приговаривал председатель сельсовета Василий Иванович Безгодов. Неохотно он пошел вслед за уполномоченным в дом Кузьмы Петровича.

— Здравствуйте, гости дорогие! — хозяин был приветлив. — Чем обязан?

— Мне кажется, что вы сдали не все излишки, — сказал Шевердалкин. — Поля у вас большие, Кузьма Петрович, урожай нынче богатый. А продали нашему государству крохи.

— Обогнали меня! Да знать бы, какая паскуда донесла, — Кузьма Петрович ругался, не стесняясь в выражениях. Вспомнил и благодарности, которые получал от сельсовета за свое образцовое хозяйство. Безгодов смущался и был готов с извинениями уйти. Шевердалкин упрямо стоял на своем: «В здешнем хозяйстве есть излишки хлеба, да и не малые».

— Ладно, ищите! — сказал Кузьма Петрович. — Если что найдете, то — ваше счастье! — берите бесплатно. А если с пустыми руками уйдете, я найду у власти на вас управу.

Шевердалкин и Безгодов, пригласив с собой двух депутатов сельсовета, направились в новый дом, построенный для сына. Подняли половицы — подполье было полностью золотистого зерна пшеницы. Четыре тысячи пудов хлеба! Мобилизовали все подводы в деревне, чтобы вывезти зерно на заготовительный пункт.

Кузьма Петрович был расстроен чуть не до слез. Позор, на всю деревню позор! Просил уполномоченного только сыну не сообщать, ведь верой и правдой он служит в Красной Армии. Шевердалкин пообещал.

Ехал по району секретарь райкома комсомола, уполномоченный по хлебозаготовкам Панкратий Шевердалкин, а впереди него летела молва: этот паренек не дает кулакам спуску. Тайники зерна раскрыл в Ожогине, Кодском и Камышловском. За пособничество кулакам арестовал председателя сельсовета Шетинина,

а в селе обнаружил два амбара с пшеницей — 14 тысяч пудов хлеба было припрятано.

В Шевердалкина не раз стреляли. Кулаки устраивали на него засады, обстреливали дом, в котором он остановился. В те дни Шевердалкин ни на минуту не расставался с револьвером. Спать ложился, так под подушку клал. По одной дороге старался дважды не ходить, чтобы в засаду не попасть. В незнакомые дома один не заглядывал...

Это было в селе Камышловское накануне троицына дня.

Прибежали под вечер испуганные мальчишки:

— Уезжай отсюда, дядя секретарь! Тебя завтра убивать будут. Кулаки сговорились, что приедут на площадь, что около церкви, там в праздники гуляет молодежь. А тебя убьют!..

Шевердалкин остался. Спать в эту ночь не довелось. Готовился к завтрашнему дню, как солдат к решающему сражению.

Воскресным утром вся деревенская молодежь, как обычно, собралась на центральной площади. Песни, пляски, смех и шутки. Вместе с молодежью комсомольский секретарь пел и плясал русского всем парням на зависть. Вызывал танцоров на спор: «Давайте в круг! А ну-ка, кто лучше?»

...И вдруг раздался крик ужаса — толпа схлынула. На площадь вырвалась тройка. Раскрасневшийся мордастый парень, кулацкий сыночек, — на облучке, двое его пьяных дружков — в кузове. Коней парень направил прямо на секретаря райкома. Один из сидящих в кузове держал в руках шкворень. Ударом шкворня можно запросто разбить голову.

Рядом с Шевердалкиным вмиг очутился секретарь местной парторганизации Соболев и выхватил из кармана наган. Он был заранее предупрежден и готовился к схватке. Шевердалкин прыгнул к подлетевшей тройке и, схватившись за узду, повис на ней. Кони захрапели и замерли. От резкого толчка кузов опрокинулся, парни покатались в дорожную пыль. А к пролетке бежали комсомольцы. Теперь это было делом одной минуты — кулаков тут же скрутили и отвели в амбар при сельсовете. Соболев дозвонился до милиции: «Приезжайте за бандитами, заберите их до суда».

Словно вестники будущего, вступили в жизнь комсомольцы двадцатых — первое поколение советской молодежи. Они были отважны и сильны, пылая желанием взять на себя ответственность за судьбу страны и всего мира. Молодая гвардия рабочих и крестьян под руководством

всех партий делала первые шаги по великому пути... Нелегка дорога первых!

С доктором исторических наук, профессором Ленинградского университета Панкратием Романовичем Шевердалкиным мы встретились в его домашней библиотеке, у полок, на которых стоят написанные им книги о партизанском движении в годы Великой Отечественной войны... Здесь же вузовский трехтомник «Курс лекций по истории КПСС», который Шевердалкин редактировал. Он возглавлял авторский актив и сам был в числе авторов.

Как известно, в научных трудах не принято употреблять местоимения «я». Вызывает уважение эта естественная скромность ученых. А все-таки мне жаль, что издавна установилась такая традиция. Ведь Шевердалкин, описывая этапы истории Коммунистической партии, мог бы зачастую с полным правом сказать: «Я участвовал...» Красные избы и кружки ликбеза, коллективизация и подъем тяжелой промышленности, совершенствование системы народного образования и партийная пропагандистская работа — это вехи в судьбах партии и страны, это и строки его богатой биографии. От первого комсомольца в далеком сибирском селе — до ответственного партийного работника, от бойца отряда ЧОН — до офицера Советской Армии, от полуграмотного пастушка — до профессора, от селькора — до автора книг.

— Однажды довелось мне участвовать в молодежном диспуте на вечно животрепещущую тему о смысле жизни, — рассказывает Панкратий Романович. — Шумный вспыхнул спор, перекрещивались разные взгляды. Студенты, двадцатилетние ребята, были по-юношески резки, и не виделось конца этой дискуссии. Вдруг кто-то предложил мне, почетному гостю, выложить свое мнение. Честно говоря, я не любитель речей, а тут все хором просят — не откажешься. Я сказал, что самому человеку очень трудно быть объективным в оценке характера своего времени, а тем более — портрета своего поколения. Пусть о наших заслугах судят потомки. Я, оглядываясь назад, на свою большую жизнь, вижу и сражения, и победы, и порой временные отступления, и горькие дни — многих товарищей в пути похоронили... И все-таки мы, коммунисты, жившие единой верой, единой волей и единой целью с народом, были счастливы. Так я и сказал... И никому из молодежи мои слова не показались высокой фразой. А в решении диспута, подводя итоги разговора, студенты университета так и записали: «Единой верой, единой волей...»

ГЕРОЙ ИЗ ВЕРХНЕЙ СИНЯЧИХИ

**Юрий
ШУМАЙЛОВ**

В октябре 1942 года на Ленинградский фронт в район реки Свирь выехала делегация трудящихся Иркутской области с подарками для земляков, воинов 114-й сибирской стрелковой дивизии. Руководил делегацией начальник политотдела Нижнеудинского отделения Восточно-Сибирской железной дороги **Бернард Григорьевич Векслер**; был среди посланцев Сибири и писатель-иркутянин — ныне лауреат Государственной премии **Константин Федорович Седых**.

Трудящиеся области посылали бойцам на фронт танки, изготовленные на средства иркутских комсомольцев, валенки, полушубки, махорку, мыло, сибирские пельмени, омулей...

Выступать приходилось много — в окопах, блиндажах.

В одном из ноябрьских номеров дивизионной газеты «Разгромить врага» появилось стихотворение **Константина Седых** «Парень из Иркутска». Стихотворение было написано под впечатлением случая, рассказанного писателю бойцами.

Над белой гладью мерзлого болота
Дымок тяжелый медленно плывет.
У амбразуры вражеского дзота,
Закрыв собой немецкий пулемет,
Лежит, как глыба серого гранита,
В упор прошитый строчкой огневой
Иркутский парень **Пронька Подкорытов**
С залитой кровью русской головой.
Стоят бойцы над **Пронькой** тесным кругом,
И каждый молча думает о нем:
Вчера он был простым и скромным другом,
Сегодня стал великим земляком.
Не по приказу кинулся он к дзоту,
А по веленью совести своей,
Как подобает в битве патриоту,
Он первым пал, но спас своих друзей.

Скрестивши на груди его ладони,
Шинелью окровавленной накрыв,
В могиле братской **Проньку** похоронят,
Но подвиг богатырский будет жив.
В святом бою с военщиной немецкой
Земляк наш пал в пороховом дыму.
В Иркутске жил он на второй Советской
И там поставят памятник ему.

Минуло четверть века. Как-то, просматривая альбом с вырезками из этой газеты, любезно предоставленной мне **Бернардом Григорьевичем Векслером**, ныне работником управления Восточно-Сибирской железной дороги, я увидел это стихотворение.

Мне захотелось разыскать родственников **Подкорытова**, чтобы подробнее узнать о герое. Я обошел всю вторую Советскую улицу, расспрашивал старожилы, но никто не помнил людей с такой фамилией. Не зарегистрирована она и в довоенных списках домоуправлений. На второй Советской **Подкорытовы** не проживали.

Тогда я поехал к **Константину Федоровичу Седыху**, который ответил, что образ собирательный, но конкретный прототип все же был.

Прошли годы. Однажды **Седых** получил письмо. Его написал командир 114-й Сибирской Свирской Краснознаменной стрелковой дивизии генерал-майор в отставке **Михаил Игнатьевич Панфилович**. Заслуженный генерал поздравил **Константина Федоровича** с присуждением ему Государственной премии за романы «**Даурия**» и «**Отчий край**». Кроме теплых слов поздравления, в письме были и такие строки:

«Не забуду до конца своей жизни, когда вы приезжали к нам в дивизию в годы войны. Бойцы были очень рады приезду земляков. А сибиряки, скажу я вам, самые лучшие войны, каких только я встречал в течение пройденных мною трех войн. Они были способны выполнить самую трудную из трудных задач.

Помню иркутянина **Тараканова**. В одном из боев группа разведчи-

ков — 16 человек — была отрезана огнем вражеского дзота. Разведчик Тараканов пробрался к огневой точке и гранатой взорвал ее, открыв свободный выход из боя остальным. Разведчик Тараканов — это Матросов 114-й сибирской стрелковой дивизии».

Это письмо и показал мне Константин Федорович Седых.

Ни имени, ни отчества генерал в письме не указывал.

Однажды с рассказом о подвиге А. Тараканова я выступил в Черемховской школе № 3. А после беседы узнал, что в ней учился когда-то один из военачальников генерал-лейтенант Виктор Федорович Лобода. После войны он до ухода на пенсию работал начальником одного из отделов Главного управления кадров Министерства обороны СССР.

Я решил направить письмо Виктору Федоровичу с просьбой помочь установить биографические данные Тараканова. Через две недели пришел ответ: «Тараканов Александр Алексеевич 1922 года рождения, уроженец Свердловской области Снячихинского района, поселка Верхняя Снячиха, значит награжденным медалью «За боевые заслуги» Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 ноября 1947 года по должности разведчика 363-го стрелкового полка 114-й сибирской стрелковой дивизии (Ленинградский фронт) в воинском звании рядового. Эта награда ему вручена.

В 1948 году проживал по месту своего рождения, улица Фрунзе, дом 10».

Неужели жив?

Правда, меня смутило несколько обстоятельств, что Тараканов является коренным уральцем, а не иркутянином, как это писали в своем стихотворении К. Ф. Седых и в письме генерал-майор М. И. Панфилович.

Я поскорее отправил ему письмо. И вот... на все интересные меня вопросы ответил сам Тараканов. Мое письмо нашло Александра Алексеевича на Кубани. Оказалось, что в Верхней Снячихе живет его мать. Она и переслала мое письмо сыну.

В Красную Армию А. А. Тараканов был призван Алапаевским райвоенкоматом Свердловской области 28 июля 1941 года. В 363-й стрелковый полк он попал 26 ноября этого же года из полковой школы.

Тот бой, о котором рассказал генерал-майор М. И. Панфилович, происходил на Свири 8 октября 1942 года.

Разведчикам была дана задача перейти небольшую речушку Яндебу и произвести разведку боем, чтобы в обороне противника выявить огневые точки и закрепиться на Петрозаводском шоссе.

В четыре часа утра под прикрытием артиллерии и минометов 16 разведчиков вышли к реке. Падая крупными хлопьями снег. Солдаты в нерешительности замялись. Никому не хотелось первым лезть в холодную воду. Командир группы старшина А. Погодаев подал пример. Он снял вещмешок, поднял над головой автомат, боеприпасы и решительно шагнул в студеную воду... Так, друг за другом, гуськом, все 16 переправились на сторону противника.

Начало светать. Откуда-то подул холодный, пронизывающий до костей ветер. Разведчики залегли у передовой линии белофиннов и стали готовиться к броску.

Но в эту минуту их заметили. Разведчиков взяли в огненное кольцо два дзота. Пути назад не было.

К огневым точкам поползли трое. Слева Тараканов, в середине И. Целуйко, справа В. Рыбаков. Они легко уничтожили первый дзот. Другой же бил свинцом, не давая оторвать головы от земли. Вперед выдвинулся Тараканов. Он приблизился к дзоту на расстояние в пять шагов, рывком поднялся и, на ходу выдернув предохранительную чеку из гранаты, метнул ее в амбразуру. Взрыва гранаты он не услышал. На какую-то долю секунды раньше взрыва грудь разведчика прошила огневая строчка.

В сознание Тараканов пришел в траншее, но скоро снова впал в забытье. Так в беспмятстве Тараканова и увезли в госпиталь.

После выздоровления разведчика признали негодным к строевой и, следовательно, в 363-й стрелковый полк он не вернулся, где его посчитали умершим от ран.

Но солдат выжил.

Демобилизовался Тараканов 19 августа 1945 года. В настоящее время живет и работает в Темрюкском районе Краснодарского края строителем-монтажником. У него растут два сына и дочь.

...После того, как пришло письмо от Тараканова, я снова побывал у Константина Федоровича Седых и сообщил, что герой его стихотворения «Парень из Иркутска» жив.

В канун 30-летия Победы над фашистской Германией Александру Алексеевичу из далекого Иркутска в Краснодарский край ушла книга стихов Константина Федоровича «Степные маки» с дарственной надписью.

Правда, Тараканов в Иркутске никогда не проживал. В стихотворение вкралась ошибка. Но эта ошибка вполне оправданна. Ведь дивизия-то была сибирской.

ПОВТОРИВШИЕ ПОДВИГ СУСАНИНА

В Белоруссии, недалеко от города Солигорска, стоит памятник, на котором изображены два брата — Михаил Самуилович и Иван Самуилович Цубы.

В суровом 1943 году эти белорусские крестьяне повторили подвиг Ивана Сусанина. Когда фашисты потребовали от деда Михаила назвать место, где были в это время партизаны, он отказался и был убит.

Взял «показать» это место дед Иван. Он привел бандитов туда, где они нашли могилы от рук народных мстителей. Сам же Иван Самуилович был застрелен оккупантами. Белорусским Сусаниным называют в народе Ивана Цубу.

Такой же подвиг совершил в январе 1942 года 80-летний колхозник Матвей Матвеевич Кузьмин под Великими Луками. Гитлеровцы заставили старого русского человека провести фашистских разведчиков в расположение нашего боевого охранения. М. М. Кузьмин сумел предупредить наших солдат об опасности, а сам кружил с фашистами по лесу... Советские воины, предупрежденные обо всем, встретили фашистов пулеметным огнем. Отряд был перебит, но немецкий офицер успел застрелить старика.

Подвиг М. М. Кузьмина послужил писателю Борису Полевому сюжетом для рассказа, вошедшего в книгу «Мы — советские люди».

Б. БОРИСОВ

ПЕРЕД ЯРКИМ

Леонид
ФОМИН

Рисунки
Е. Крутских

Передо мной два письма. Очень разные по содержанию, но чем-то неуловимо близкие по сути.

«...В нашей семье двое уже взрослых парней,— пишет Любовь Константиновна Р. из Новокузнецка.— Старший, Володя, родился и рос до школы в деревне. У нас был свой дом, огород, держали корову, разную мелкую живность. Деревня стояла на очень красивом месте: привычные поля — и те каждый раз виделись по-новому. Все, в том числе и маленький Володя, любили вечерами работать на нашем приусадебном участке, посидеть с удочкой на речке.

Потом случилось так, что мы были вынуждены распродать хозяйство и переехать в город. Оба с мужем поступили на завод. Нам выделили благоустроенную квартиру. Володя долго скучал по родной деревне, по тихой омутистой речке с гальянами, по друзьям. Даже вспоминал, что где стояло в доме, во дворе. Но вот родился второй сын, Саша, и все, кажется, стало на свое место...»

Дальше Любовь Константиновна сообщает, что Володя уже заканчивает институт, Саша учится в девятом классе. И тут же с тревогой добавляет: «Здоровые, умные ребята, но какие они разные, хотя и родные братья! Сперва думала, несхожесть характеров объясняется разницей возраста: как-никак Володя старше брата на шесть лет. А потом стала понимать, что дело здесь не только в возрасте, а может быть, еще и в той среде, в той атмосфере, в которой живет младший сын. А разница между ними и впрямь большая: если Володя трудолюбив, добр к людям, любит природу и животных, то Саша — полная ему противоположность. Природу он просто не замечает, его с трудом уговариваешь сделать самую малую работу по дому, ничем, кроме хоккея, не интересуется, терпеть не может кошек, собак, груб с товарищами. И самое настораживающее в его поведении — это глухость ко всему окружающему, потребительское отношение к жизни, неуважение труда взрослых, в том числе и нашего, родительского...»

Откуда это? Разве современный

город с его цивилизацией и истерывающими бытовыми условиями для жизни и учебы мог повлиять на формирование личности школьника? Но ведь Володя-то, можно сказать, свою сознательную жизнь тоже прожил в городе. А совсем другой! Уж не в огороде, не в грядках ли тут дело, не в той ли природной благодати, которая окружала Володю в его ранние детские годы и чего лишен был Саша?..»

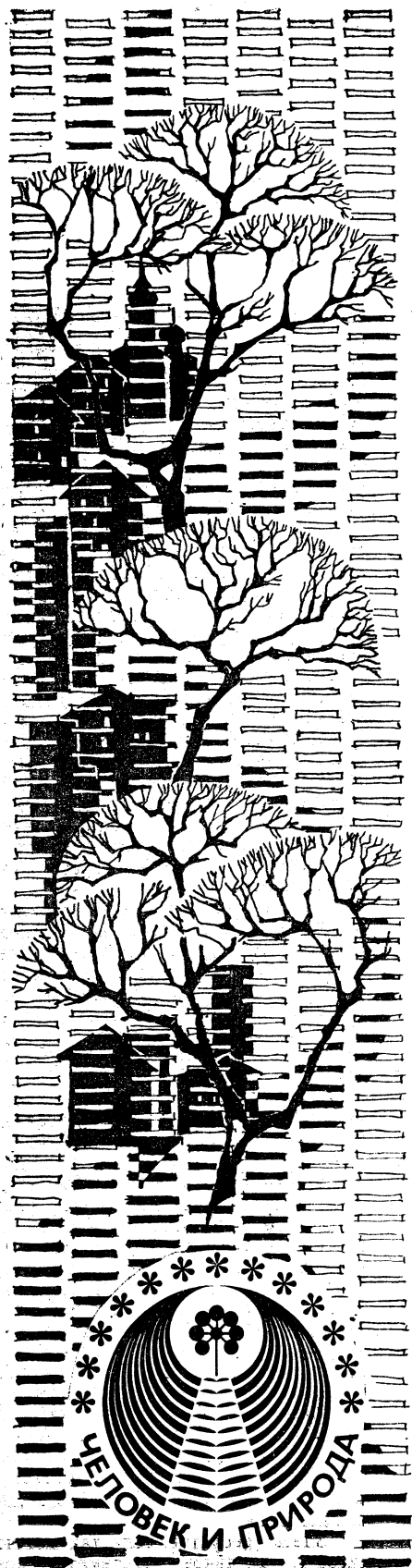
Вот такое это письмо, полное тревоги за младшего сына, нынешнего городского подростка.

И вот другое. Его прислал мастер производственного обучения одного из профессионально-технических училищ города Свердловска Александр Николаевич В.

«...Мы стараемся набирать для обучения сельских мальчишек и девочек. С этой целью я каждое лето езжу по колхозам и совхозам, «вербую», так сказать, молодежь в училище. Почему? Разве мало в городе школьников? Да потому, что ребята из деревни прилежнее, добросовестнее относятся к учебе и почти исключен процент отсеивания. Как правило, эти же ребята, став квалифицированными рабочими, прочно закрепляются по местам распределения и работают с полной отдачей.»

И далее Александр Иванович, как бы подумав, добавляет: «Нет, не оговариваю я огульно всех городских ребят, большинство из них идут в училище тоже с пониманием важности избранного пути, и тоже становятся неплохими специалистами. Но есть и такие, с которыми и в процессе обучения, и потом, уже на работе,— одна маета. Как учились, так и работают из рук вон плохо, постоянно, порой вызывая нарушение трудовой дисциплины. И все сходит им. Они ведь не глупые, знают, какие гуманные у нас условия трудоустройства подростков...»

А в конце письма автор заостряет внимание еще на одном моменте нелегкой его заботы: «Тут надо учесть и тот факт,— пишет он,— что в училища-то в основном попадают те ребята, которые или не прошли в институты, или же которым уже в восьмом классе как бы повесили некий ярлык неполноценности: ты,

ЦВЕТКОМ...

мол, троечник, инженера из тебя все равно не выйдет, так что давай продолжай учебу и получай специальность в техническом училище...»

Я долго размышлял над письмами. В самом деле, где же корень зла, в чем первопричина вот такого «расслоения» наших юных, только вступающих в самостоятельную жизнь людей? И не близка ли к истине корреспондентка первого письма, где она не очень уверенно, но все же склоняется к мысли о том, что нельзя отделять детей от земли, от природы, ибо это не просто земля и природа, а составная часть нравственного формирования человека.

Вспоминается далекая военная весна. Поля только-только освободились от снега, и мы, сельские ребята, отправились с ведрами и котомками выбирать оставшуюся с осени в земле картошку. Ненароком она была оставлена: незамеченные отдельные клубни и мелочь, довольно неприглядная, но дорогая — из нее пекли лепешки. В ту голодную пору такие лепешки пекли не только в нашем селе, пекли, пожалуй, по всей России...

Рассвет застал уже в дороге. Небо на востоке сначала заалело, призрачно высветивая словно бы парящие над дальними полями березовые островинки, потом как-то враз яркой светозорью плеснуло по всему горизонту, и занялось, заиграло огнями новое утро. По-особому в этот ранний час пахло талой землей, полыми овражными водами, цветущей вербой. Вставали в ожидании солнца, смело раскрывали ворсистые бутончики придорожные цветы мать-и-мачехи, радостно смотрели на зарю ликующе-желтыми глазками. По мокрой, парящей, как бы струящейся голубизной пашне лениво бродили еще сонные, лоснящиеся от лаковой черноты грачи — такие черные, что чужими, нелепыми казались их шеголевато-белые клювы. Разливным оранжевым морем полыхал горизонт на востоке, вот-вот из-за лесистого увала взойдет солнце, и там, где оно взойдет, уже сиял в радужном нимбе золотой его венец. Где-то в зените, будто подвешенный, все на одном месте, переливчато, звонкоголосо пел жаво-

ронок. Мы запрокинули головы и долго искали его глазами, пока Сашка Быков, очень изможденный постоянным недоеданием мальчик, не закричал радостно:

— А вона, вона он! Ой, как звездочка, горит!

И все сразу увидели жаворонка, и вправду светящегося; там, высоко-высоко, уже было солнышко...

Я начал этот разговор с воспоминаний для того, чтобы с самого начала утвердить свою точку зрения: дети, связанные с природой, видящие и чувствующие ее, духовно богаче, нравственно чище, морально устойчивее в любых житейских обстоятельствах. Даже в такое трудное время, как война, полуголодные, полубосые, многие лишившиеся отцов, они умели видеть красоту родной земли, не разучились восхищаться, радоваться увиденному, и вполне может быть, что именно это понимание красоты окружающей природы, как бы слитности с нею, придавало им силы, выносливости и многоотерпения.

Помню, тогда же, уже возвращаясь с поля с тяжелой, мокрой, дурно пахнущей картошкой, один из наших мальчишек набрел в кочках на гнездо чибиса, разом выпил все яички и похвастался скорлупками нам. С каким возмущением набросились на него ребята, накричали, нагрозили, а самый старший из нас, Петька Мышковских, бросил свою ношу на землю, сжал кулаки, но не пустил их в ход, только сказал с не по-детски горьким сожалением: — И зачем мы только тебя с собой взяли? Живодер!

Отвергнутый, всеобщее осужденный мальчишка, всхлипывая, понуро плелся далеко позади нас, и мы не жалели его.

Теперь, за далью времени, вспоминая этот случай, я расцениваю его как урок коллективного воздействия на проявление грубости, вреда по отношению к природе, хотя поступок годовалого мальчишки едва ли в ту пору можно назвать предосудительным. В силу возраста мы многого тогда не знали, многого не понимали, вели себя чисто интуитивно, но вот как раз эта интуиция

наталкивает на размышления: откуда у нас было чувство ревниво-бережного отношения к природе, ее обитателям? Не берусь объяснить тогдашней нашей реакции на поведение сверстников, но она здорово повлияла на него, и уже потом он никогда не зорил птичьих гнезд, не носил в кармане рогаток, был среди нас равный на равных.

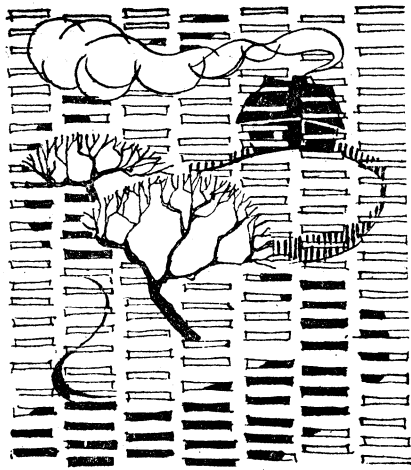
Трудно себе представить, чтобы деревенский паренек и особенно девочка, оказавшись в городе, пробежали по клумбе, обломали в газоне сирень, вытоптали декоративную полянку, не говоря уже о поломке саженцев, молодых деревьев. Скорее они только ахнут и удивятся ухоженным цветам и деревьям, этой рукотворной красоте, подарившей им радость.

К сожалению, дети, по тем или иным причинам лишенные возможности общаться с прекрасным миром естественной природы, видящие ее только в кино и на экранах телевизоров, не замечают этой красоты и уж, конечно, не оценят труда и забот взрослых.

Но как научить детей не быть глухим к голосам птиц, как остановить их взгляд на цветущей липе, как придержать быстротечность мгновения, чтобы вызвать ту светлую радость открытия и душевного озарения, которые так обидно мнут многих детей? Велико влияние примера, умного, своевременно сказанного слова, разъяснения. И не просто разъяснения, а участия, искренней заинтересованности в постижении юным человеком пока не понятного, но чрезвычайно важного для него.

Думается, прежде всего надо приобщать к природе не из окна городской квартиры, не в куцах дачного огорода. Видимо, мало толку дадут и эпизодические выезды за город. Такими наездами, а точнее — набегами на природу теперь никого не удивишь, и еще сомнительно, приносят ли они пользу людям, в первую очередь маленьким. Самой же матушке-природе наверняка нет. Ну отдохнули, ну повеселились. А что узнали, что открыли, чему удивились? И главное, чем отблагодарили, чем восполнили то, чего лишилась она?

Здесь требуется, если так можно сказать, активное, систематическое

приобщение к природе. Хорошо бы в городских школах побольше создавать добровольных организаций типа школьных лесничеств, зеленых патрулей, юннатских кружков и им подобных. Знающие свое дело, глубоко заинтересованные педагоги сумели бы развить и закрепить в детях все те скрытые качества — любовь к живому, к окружающему миру, — какие заложены в них от рождения.

Светла, легкокрыла фантазия детей. Помню, как маленькая девочка, проснувшись утром в палатке и услышав стук дятла, сказала:

— Входите, у нас не заперто...

А когда выбралась наружу и увидела, кто стучит, счастливо засмеялась:

— А я думала, мы у бабушки в деревне, и к нам пришли гости...

И тогда же поразила нас точным, ну прямо-таки поэтическим сравнением:

— Осень ходит по лесу. Слышите, к нам идет!

— Где ты ее увидела?

— А вон, вон, — развела она руками вокруг.

Был август. С берез облетали первые желтые листья и, падая, они тихо шелестели в перестойных травах. Впечатление и впрямь было такое, что по лесу кто-то ходит на мягких, чутких лапах.

— И часы у осени есть, — добавила девочка, показывая на большой, круглый, багряно горячий лист, подобно маятнику, раскачивающийся на серебристой паутинке...

А вот другой случай. В загородной прогулке пятилетний Олег заостренной по бокам палкой-саблей начисто обрубил с молодой елочки ветки. Отец заметил недопустимую игру сына поздно. Он подвел Олега к елочке (вернее, теперь уже к голому стволу) и сказал:

— Как она будет жить без

рук? Вот спрячь свои за спину и попробуй ей помочь. Елочке очень больно.

Малыш спрятал руки за спину, походил вокруг дерева и растерянно посмотрел на отца.

— Так я же не могу ей помочь — нечем!

— Вот, вот, — согласился отец, — она сейчас тоже ничего не сможет сделать...

Всю неделю Олег спрашивал, выросли ли ветки у елочки или она все еще болеет? А когда в следующий выходной отец показал погибающее деревце, сын заплакал...

Кое-кто, пожалуй, возразит мне: «Подумаешь, скажет, деревце! Что теперь ребенку нельзя и поиграть в лесу? На то он и лес, чтобы его рублили, в нем отдыхали».

И если так возражат, то я отвечу: старое, невежественное, обывательское понимание отдыха на природе! Ребенку, конечно, играть можно и надо, и я не исключаю подобного баловства, но в том-то и заключается воспитательная роль родителя — вовремя, доступно и убедительно разъяснить малышу, что так делать нельзя, что вся эта природная благодать, дарованная нам самой жизнью, так же необходима человеку, как хлеб, как вода, как воздух. Ну, а о личном примере поведения в лесу и говорить не приходится.

Представьте себе такую, всем знакомую городскую картину: утренний час пик, в троллейбусе (пусть в автобусе, в трамвае) — битком народу. Не то что стоять — сидеть невозможно. Только на крыше и свободно, да и туда уже пытаются залезть отчаянные головушки... Кому-то отдавили ногу, кого-то притиснули в проходе. Взаимные пререкания, детский плач, возмущение стариков. С тяжким скрипом, на износ срабатывают на остановках двери, на износ работают и нервы пассажиров. С утра-то! И вдруг бы в это время в салоне раздался — не поверите! — жизнерадостный голос:

— Доброе утро, товарищи!

Теперь представьте ответную реакцию. За кого бы, интересно, вы приняли этого гражданина?

Не трудно догадаться — за кого, но в лучшем случае за чудака...

Почему? Не потому ли, что мы в своем жизненном ускорении, успевающие за все возрастающим ритмом технического прогресса, все сумевшие, во всем преуспевшие, теряем доброту? А она, эта самая доброта, ее зарождение начинается от тесного общения с природой, родной землей. Вот почему, повторяю, дети, выросшие под благословенной сенью природы или вовремя приближенные к ней, всегда добрее и чище душой, отзывчивее к людям.

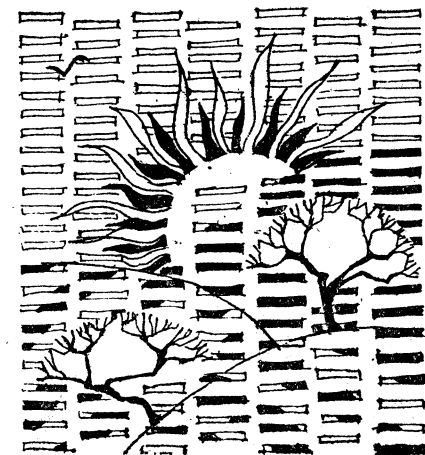
И уж никогда в них не погаснет доброта, наоборот — укрепится с годами, перейдет к другим. Наверное, в этом вы и сами убедились, встречая где-нибудь на полевой тропинке одинокого немолодого путника, который уступит тропу и первый же скажет, сняв головной убор:

— Здравствуйте!

И вы не ошибетесь, если подумаете, что истоки вот такого нравственного здоровья, как и у большинства истинных сельских жителей, были заложены в крестьянском труде, в тесном общении с природой.

Кому не приходилось встречать в городских парках и скверах щиты с призывными надписями беречь посадки деревьев и кустарников? Деревья и кустарники, высаженные руками человека. Их необходимо беречь. Есть же подростки, которые за одну ночь способны выдрать, переломать и сжечь десятки, если не сотни саженцев, бездумно, безжалостно и оскорбительно свести на нет труд людей, даривших им красоту и здоровье. Я уже не говорю об эстетическом уровне, чисто нравственном значении подобного хулиганства.

И все-таки это еще город, где могут остановить, взять за руку зарвавшихся юнцов. Но кто же их остановит в лесу, на реке, в поле? Там, где они одни, не подготовленные ни воспитанием, ни знаниями к общению с окружающей и, увы, беззащитной средой, чувствующие себя в ней безраздельными хозяевами и покорителями, некими всемогущими «робинзонами». Один знакомый лесник с горьким недоумением рассказывал мне, как группа подвыпивших молодых людей, среди которых были и девочки, два дня буквально бесчинствовала на реке Чусовой. Свой

«отдых» на природе они начали с того, что повалили сразу двадцать восемь березок — для шалашей. Потом — в два раза больше — для костров. Не знающие, не видящие леса, ничего не умеющие делать в нем, они даже не подозревали, что сырые стволы деревьев гореть не будут. Изрубленные, задымленные, разбросанные дрова так и остались лежать вперемешку с пустыми бутылками и банками от консервов на вытопанном покое.

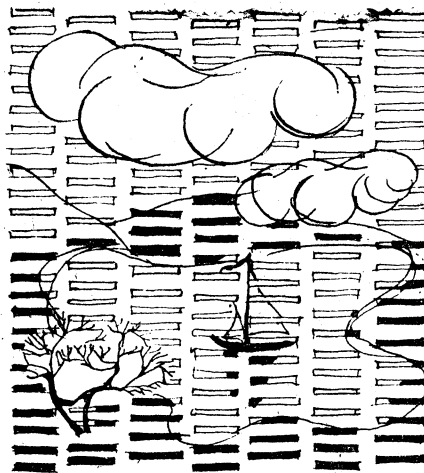
Апофеозом этого дикого спектакля стал вырубленный по берегу черемушник (для удобства есть ягоды) и рассеченный надвое на пеньке еж (из любопытства — что в нем?)...

— Не пойму, ничего не пойму! — сокрушенно качал головой лесник. — Ну для чего столько, за что ежа-то? Души в них, что ли, нет?

А я, слушая лесника, еще подумал и о том, что, наверно, эти молодые люди не какие-то болваны, и уж вовсе не изверги, обыкновенные городские и ясно, что образованные ребята, в чем-то способные, что-то любящие, вот только далекие от природы, не знающие, не чувствующие ее, а потому так безоглядно жестоки к ней.

Больше того, я почему-то винил не столько самих ребят, сколько неизвестных мне взрослых людей, в окружении и под влиянием которых воспитывались и набирались они умаразма. Тем более это никак не увязывалось в сознании сейчас, когда издано столько известных правительственных постановлений в защиту природы, когда даже в новой Конституции, главном документе страны, записано: «Граждане СССР обязаны беречь родную природу, охранять ее богатства».

Набег по весне на цветущую черемуху, непомерный сбор цветущих трав и вытаптывание лугов, «выскребание» всевозможными при-

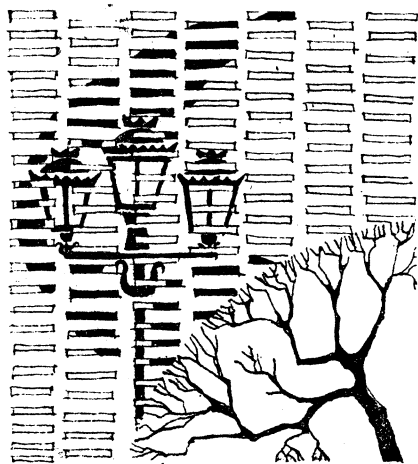

способлениями ягодников и грибных мест — это в общем-то малый, если уместно здесь такое выражение, вред, наносимый природе любителями загородных прогулок. Но он имеет и свое, сугубо воспитательное значение: наламывая охапки той же черемухи, взрослые даже не подозревают, какой пагубный пример дают своим детям, какое отнюдь не эстетическое чувство прививают им.

Да, велика сила примера и, как правило, последующего за ним подражания. Я имею в виду опять же взаимоотношения взрослых и детей. Недаром говорится: с кем поведешься — от того и наберешься. Ясно, что если в туристский поход, за грибами, за ягодами, на рыбалку, просто на отдых за пределы города отправляется организованная группа школьников и во главе ее знающий, любящий природу человек, то он не только упредит нежелательные действия ребят, но и своим отношением к лесу, его обитателям сумеет привить такую же любовь и интерес. Много я знаю людей, своеобразных наставников в этом деле, одно лишь общение с которыми оздоравливает ребят, всю атмосферу ребячьего коллектива, воспитывает чуткое, бережное отношение к природе. Даже в зоологическом уголке школы дети по-новому начинают осознавать свое отношение к миру животных, изучают их повадки, а кое-кто уже всерьез подумывает посвятить свою жизнь охране природы. К таким замечательным людям я прежде всего отношу (к большому сожалению, покойного ныне) Григория Григорьевича Никонова, добровольно, на общественных началах многие годы руководившего клубом юннатов в Доме пионеров Чкаловского района города Свердловска.

Привить маленькому гражданину любовь к природе родного края,

поддержать в нем радостное чувство удивления перед прекрасным, помочь испытать потребность постоянного общения с неповторимыми русскими пейзажами — это обязательно и благородно. Остановитесь вместе с ребенком на росном лугу перед ярким цветком, разделите с ним радость восторга, посидите в вечерний час на берегу тихозвонной речушки, проследите полет шмеля над ромашками — и начало контакта с природой положено. Потом это чувство будет крепнуть и развиваться по мере прожитых на свете лет, подрастающий человек сам увидит красоту родной земли, сам поймет ее очарование. А понимание родной земли — это понимание своей национальной культуры, забот и чаяний своего народа, ощущение кровной причастности к своему Отечеству.

БЕЛЫЕ ЗВЕРИ

Игорь
РОСОХОВАТКИЙ

Рассказ

Рисунки
А. Банных

Семену показалось, что за кустами мелькнула тень. Послышался треск. Он вскинул пистолет.

Белая узкая морда с длинными усами и красноватыми немигающими глазами уставилась на него. Любопытство в глазах зверя сменилось лютящей жадностью, будто он мысленно облизывался. Семен представил, как вот сейчас из его утробы вырвется ликующее рычание... Но белая морда внезапно растворилась в воздухе. Мираж рассеялся...

Семен ударил тыльной стороной ладони по камню. Еще и еще, пока не почувствовал боль. Он оглянулся и увидел Тима. Вытянутая напряженная шея, узкие прорезы глаз, блестящие плиты скул. Значит, и ему что-то почудилось? В таком случае не стоит укорять и стыдить себя. Может быть, это был не мираж?

— Там что-то было? — спросил Тим.

Он в таких случаях предпочитал спрашивать. Иногда загонял своими вопросами в тупик, и тогда Семен предпочитал огрызаться — вопросом на вопрос.

— Ты видел?

— Я видел, как ты прицелился.

«Та же песня, — устало подумал Семен. — Впрочем, это часть платы за право быть ведущим. Так мне и надо. Поделом».

— Передай, пусть запустят зонд в нашу сторону. Для страховки, — сказал он и, мельком глянув на товарища, поправился: — Для пере- страховки.

«Если уж попадешь в смешное положение, то лучше первому посмеяться над собой, — подумал он, заметив, как дрогнули и тут же затвердели губы «оруженосца». — Тим понял истинный смысл моих слов, он достаточно изучил меня. Это еще одна часть платы. Скоро он научится видеть меня «голым» — без прикрас и мишуры. Выдержу ли я проверку? Или он сбросит меня с пьедестала?»

Тим включил рацию, и через несколько минут с корабля пришел ответ, рассеявший последние сомнения. «Вернемся?» — подумал Семен. Видимо, он подумал вслух, потому что сразу же эхом прозвучал голос Тима:

— Вернемся на корабль?

— Досмотрим квадрат, — с сожалением возразил ему и себе Семен. — Чтобы больше сюда не возвращаться.

Он включил электронный щуп, посмотрел на экран, сверяясь с картой, и медленно, как предписывала инструкция, двинулся в обход скалы.

Багровые языки плясали на каменных уступах, наполняя мир вокруг причудливым мельканьем. Тени были совсем не такие, как на Земле. Они многократно окрашивались, становились объемными, словно на голограмме. Скалы и отдаленные холмы густо заросли кустарником — высоким, безлиственным, с тонкими закрученными усиками, по жесткости не уступавшим стальной проволоке. Над кустами распадающимися облаками роились мириады мелких насекомых — единственных живых существ, оставшихся на планете. Всех остальных, в том числе и разумных, уничтожили белые звери, о которых с суеверным ужасом рассказывалось в записях, сделанных синей и оранжевой краской на материале, похожем на ленты грубого холста. Почти два месяца потратили участники экспедиции на расшифровку этих записей. Изучив язык аборигенов, они одновременно узнали, что это мертвый язык, ибо народ, носитель его, перестал существовать.

Семен остановился, вытянул руку. Тим взглянул в указанном направлении и заметил вход в пещеру. На камне синей краской были нарисованы круг и стрела.

— Нас приглашают, — сказал Семен. — Жди здесь. — Он низко согнулся и нырнул в пещеру. Вскоре послышался его голос: — Добро пожаловать...

Пещера оказалась просторной, в ней запросто могли бы уместиться пять человек. Сквозь узкую щель в своде проникали рассеянные лучи, заставляя сверкать влажные камни. Произвольно возникали и распадались орнаменты из росынок. В дальнем конце пещеры громоздились кое-как сколоченные нары, рядом с ними — одноногий стол, другим концом привалившийся к камням.

На этом самодельном столе Семен развернул найденный здесь же свиток, испещренный синими значками. Склонился над ним, всматри-

заясь в знаки и от усердия шевеля губами. Наконец вспомнив о Тиме, сказал:

— Здесь было последнее прибежище ученого. Он оставил для нас послание.

— Для нас? — спросил Тим, заглядывая через его плечо.

— Выходит так. Кроме нас, прочесть его никому. Впрочем, он о нас не знал... Он, пожалуй, предполагал, что умирает последним из людей на этой планете.

— Для кого же он писал? — спросил Тим.

Эхо, будто летучая мышь, ударило о свод пещеры и испуганно бросилось обратно...

Запись первая

«Мы окружили свой город тройной оградой. С самого начала я и мои коллеги не верили в расскази чафхов о дьявольской хитрости белых зверей. Учитывая упорные слухи, мы допускали, что те хорошо приспособились к среде. Но это не означало, что они равны по разумности хотя бы чафхам. Мы боялись их зубов и когтей больше, чем их хитрости.

В то время уже было установлено: белый зверь бросается на жертву всегда сзади и впиивается зубами в затылок. Нападает он молча и только достигнув цели издает короткий писк. Те, кто слышал даже на расстоянии этот писк, уже никогда не могут его забыть. Утверждают, что он ужаснее самого грозного рычания. Он снится людям по ночам, и тогда они вскакивают с постелей и — раздетые — в диком страхе выбегают из жилищ. Они мчатся в ночи, не разбирая дороги, и молят о смерти, как об избавлении. И — раньше или позже, в кустах или в канаве — их ожидает белое гибкое тело с узкой оскаленной мордой. И уже не они, а другие слышат короткий писк, от которого леденеет кровь.

Когда появились на нашей планете белые звери?

Летописи о них не упоминают. Правда, историки находили свидетельства о различных чудовищах, но при тщательном изучении оказывалось, что это не белые звери.

У них есть еще одно название — «небесные звери». Это второе название заинтересовало меня. Откуда и почему оно появилось? Изощренная фантазия, выдумка мистиков, злой умысел жрецов, пугающих непокорных? Или в нем скрыто какое-то свидетельство?

В трудах историка Эртауна я наткнулся на записанные им рассказы охотников из племени чафхов. Чафхам, как известно, нельзя полностью верить. Однако их рассказы показались мне любопытными.

Четыре охотника, находившиеся на холмах у озера Лани, якобы видели, как из небес, подобно молнии, явился раскаленный шар. Он упал на берег озера в болото. На месте его падения вырос столб пара, раздалось громкое шипение.

Охотники упали на землю, закрыв глаза руками. Когда шипение стихло, они осмелились подойти поближе и увидели, что на шаре появилась трещина.

Один из охотников был послан за вождем. Но и вождь, конечно же, не мог объяснить появление «небесного подарка». Он просто велел отнести шар на священную гору.

А через несколько дней во время молитвенного шествия на священную гору охотники увидели белых зверей. Чафхи утверждали, что тогда звери были совсем маленькими — «карманными зверьками». Жрец объявил их священными животными.

Одного из них жрец принес в храм. Он кормил его из рук, и зверек быстро привязался к человеку: прибежал на его зов, принимал некоторые слова. И рос, превращаясь в послушного зверя-охранника. Однажды он даже спас священные храмовые таблички от грабителя.

В то время жрец находился в саду. Он услышал душераздирающий вопль и поспешил в храм. Грабитель лежал на полу лицом вниз. На его спине сидел белый зверь и облизывался. Из прокушенного затылка грабителя текла узенькая струйка крови.

Согласно утверждениям жреца, с того дня зверь стал расти особенно быстро. Вскоре он уже был по пояс человеку. Зверь оставался таким же послушным, как и раньше. Но почему-то жрец старался не поворачиваться к нему спиной.

Однажды жреца нашли в храме мертвым с раной на затылке.

Зверь исчез...

Это и есть, как утверждает историк Эртаун, первые свидетельства о белых зверях.

Я решил проверить его утверждение. Для начала необходимо было собрать и систематизировать свидетельства очевидцев о встречах с белыми зверями, установить их достоверность, затем — сверить и сравнить их между собой.

Но события развивались слишком быстро, моя работа не поспевала за ними. Белые звери стали появляться всюду — на дорогах, в селениях. Они уже нападали на группы людей.

Меня включили в правительственную комиссию. Попрощавшись с женой и малолетним сынишкой, я выехал в местность, где было зарегистрировано несколько таких нападений. Нас сопровождали сотня солдат и проводники-охотники.

Вскоре проводники обнаружили логово белых зверей и устроили облаву. Я мог воочию убедиться, что слухи о неуживимости и хитрости

белых зверей сильно преувеличены. Правда, самка пыталась увести охотников от логова, но так поступают и другие животные.

Одного из детенышей мне удалось привезти домой. О выводах комиссии было доложено собранию жрецов, а те оповестили о них народ. Паника немного улеглась.

О, если бы я мог предвидеть будущее!

— А если это были вовсе не звери? — прошептал Тим, округляя прозрачные глаза-ледышки и приподнимая редкие брови.

— Кто же еще? — невинно спросил Семен.

— Он пишет «небесные» и утверждает, что они появились из космического аппарата, — осторожно начал Тим, обманутый тоном товарища. — Кроме них, если верить свидетельствам, в аппарате никого не было. Значит, они сами управляли кораблем. Роковая ошибка могла заключаться в том, что их приняли за зверей.

— Неужели? Вот молодец! И как это ты сразу догадался?

Это бурное словоизвержение насторожило Тима. Он ответил несколько обиженно:

— Ты сам не раз говорил, что нельзя так просто отвергать даже самые невероятные гипотезы...

Семен прищурился и покачал головой.

— Что-то ты стал чересчур обидчивым. А может быть, я всерьез восхищаюсь твоей прозорливостью?

Лицо Семена оставалось участливо доброжелательным. Темные, почти черные глаза посветлели, в них словно открылись оконца. Казалось, что вот сейчас на собеседника устремятся два луча света, а твердые, четко очерченные губы раздвинутся в улыбку.

«Как он похож на своего знаменитого брата, — подумал Тим. — Такой же блистательный, неуязвимый и безжалостно насмешливый».

Он бы, пожалуй, не очень удивился, если бы узнал, что в эту минуту и Семен вспомнил о своем брате. «Он сказал тогда: «Я уже давно разучился ошибаться, брат. Вывод отсюда может быть лишь один». И ушел, даже не взглянув на меня. Зачем ему было рассматривать преграды, когда он научился через них перешагивать. И тогда подошла Валя...»

Запись вторая

«Белого звереныша я назвал Беднягой. Уж очень несчастным он выглядел в первое время. Бедняга тихо скулил и тыкался розовым носиком в стенки своего дома-коробки, будто искал выход на волю. Он мог подолгу лизать мои пальцы, когда я опускал их в его коробку.

Конечно, больше всех обрадовался появлению зверька в доме сынишка Гуруу. Только увидев его, он закричал:

— Я буду с ним играть!

— Он предназначен для другого, — ответил я, уже жалея, что показал ему зверька.

Гуруу тотчас пустил в ход испытанное средство — многократно повторяемый сквозь слезы вопрос «почему?».

На помощь ему, как обычно, поспешила моя жена. Она вкрадчиво спросила, почему бы и в самом деле не разрешить ему поиграть со зверьком? И я, как обычно, уступил...

Гуруу часами забавлялся зверьком, болтал около его носа веревочкой и заливался смехом, когда Бедняге не удавалось ее схватить. И мою жену также забавлял звереныш. Ксанде нравилось гладить его по шелковистой белой шерстке, нравилось, что он ведет себя тихо, почти не издает звуков, разве что иногда тихонько пофыркивает.

Мать Бедняге заменила длинношерстная сульгипа Маса. Она вылизывала его, позволяла играть со своим хвостом; есть из своей миски.

Спустя две недели после моего возвращения в столицу меня вызвал верховный жрец Талиу. Его длинное острое лицо выглядело изможденным, словно он перенес болезнь.

Я вежливо осведомился о его здоровье.

Талиу молча склонил голову, благодаря меня за заботу.

— Я познакомился с твоим отчетом. Мы давно знаем друг друга, я доверяю тебе. Ты уверен, что белые звери не представляют большой опасности для людей?

— Во всяком случае, меньшую, чем мы для них, — ответил я, улыбаясь. — Мне рассказывали, что два полка отправлено для истребления в провинцию Эмэ. Видимо, скоро у меня останется единственный экземпляр, и я смогу выгодно продать его в зверинец.

Жрец никак не реагировал на мою шутку.

— И еще ты писал, — продолжал он, теребя клинышек бороды, — что слухи о силе и хитрости белых зверей сильно преувеличены...

Я уловил рокошующие нотки в его голосе и насторожился. «Что-то случилось? Новое нападение? Почему же мне неизвестно об этом?»

— Мы без особых усилий истребили семью из восьми особей, — сказал я. — Самец, самка, шесть детенышей. Они вели себя, как обычные звери, не проявили ни особой силы, ни хитрости.

— А слухи?

— Можно ли верить рассказам безграмотных охотников? Чафхи готовы напести что угодно, лишь бы их слушали!

Я внимательно следил за жрецом и все-таки упустил момент, когда выражение его лица начало меняться.

— Ну так слушай! Два полка, о которых ты

упоминал, истреблены полностью. Провинция Эмэ превращена в пустыню. Уничтожены люди и скот, посевы и сады. Погибают леса, так как кора на деревьях изгрызена...

— Верны ли сведения? — пролепетал я.

Жрец небрежно пожал плечами. Он смотрел на меня так, словно я уже стоял на помосте перед палачом.

— Наказание ждет тебя впереди, — сказал он. — А пока по моей рекомендации ты включен в группу расследования. Нужно выяснить, как бороться с белыми зверями. Собери необходимые инструменты и завтра с утра отправляйся к жрецу Сандуу.

В смятении я вернулся домой. Как ни велики были мой страх и тревога, не мог не удивиться тому, что у порога меня не встретила длинношерстная Маса. Я позвал жену, но ответа не было. Обошел комнаты — ни Ксанды, ни сына...

Я вышел на улицу и тут столкнулся с ними. Жена вела сынишку за руку, а второй рукой он размазывал по лицу слезы.

— Что случилось, Гу? — ласково спросил я, взяв его на руки.

Он прижался ко мне и заплакал еще сильнее. За него ответила жена:

— Исчезли Бедняга и Маса. С утра их нет. Мы обыскали весь дом, сад.

Как мог, я успокоил сына. Старался не показывать жене своей тревоги. На ее вопросы о причинах вызова к верховному жрецу отвечал уклончиво: надо уточнить некоторые данные о белых зверях, придется для этого на несколько дней уехать в провинцию. Ксанда промолчала. Неужели не поверила?

Вместе мы еще раз обыскали комнаты, кладовки...

— Взгляни, что это такое? — вдруг вскрикнула Ксанда.

Невысоко от пола на стене кухни виднелось несколько красных пятнышек. Я присмотрелся к ним, попробовал поскоблить. К одному из них прилипла шерстинка. Длинная, серая, как у Масы...

Ксанда вышла из комнаты, а я опустил на стул и оцепенело уставился на брызги. Временами мне чудился тяжелый взгляд, упершийся в затылок. Я оглядывался, но сзади никого не было.

В конце концов я резко встал со стула и внезапно увидел два красноватых светлячка, глядевших на меня со шкафа. Я инстинктивно отпрянул, но тут же мне стало стыдно за свой страх.

Светлячки оказались глазами Бедняги. Он сидел на шкафу, поэтому мы не увидели его. Но он-то нас отлично видел! И не подошел, не отозвался. Почему?

— Иди сюда, Бедняга, — позвал я. — Иди сюда, что же ты?..

Пришлось повторить призыв несколько раз, прежде чем он словно бы очнулся от забытья и узнал меня. С его красноватых глаз сползла пелена, они утратили пугающую неподвижность и смотрели теперь как прежде — преданно и ласково.

Я позвал Ксанду и Гуруу. При виде любимца слезы мгновенно высохли на лице сынишки. Я снял Беднягу со шкафа, почесал за ухом, и он блаженно зажмурился. Гуруу тут же выхватил его у меня и прижал к себе. Зверек лизал ему лицо узким розовым языком.

Мне удалось уговорить себя, что не в порядке нервы, вот и чудятся всякие страхи. А сульгипа Маса еще отыщется. Небось тоже сидит где-нибудь за шкафом или в кладовке... Но полностью успокоиться я не мог. Когда Гуруу заявил, что возьмет Беднягу в постель, я возражал самым решительным образом. В конце концов договорились, что зверек останется ночевать в его спальне, но на коврике в углу, — там, где раньше спала Маса.

Уснуть я не мог. Мне чудились шорохи, косматые тени ползли по стенам. То и дело я прислушивался, несколько раз заходил в спальню сына. Как бы тихо я ни ступал, на звук моих шагов Бедняга неизменно поднимал голову.

В конце концов я перенес его вместе с ковриком за дверь спальни — и только тогда, успокоившись, уснул.

Уже под утро мне почудился крик жены. «Может быть, приснилось?» — подумав я, пробуждаясь. В доме было тихо, совершенно тихо, как и положено быть в мирно спящем доме. Но вот я уловил скрип двери. Он доносился со стороны спальни жены.

— Ксанда, — тихо позвал я.

Ответа не было, но скрип повторился.

— Это ты, Ксанда? — спросил я чуть громче.

И снова мне никто не ответил, хотя дверь продолжала скрипеть.

Я встал с постели, стараясь не шуметь, направился к спальне жены. Уже в коридоре, почувствовав легкий сквознячок, я понял, почему скрипела дверь. Она была прикрыта неплотно. Я распахнул ее и убедился, что Ксанды в ее спальне нет.

Не в силах унять дрожь в руках, я еле зажег светильник. Тени заплясали по потолку и стенам, повели вокруг меня хоровод. Я осмотрелся. Все вещи были на местах. Может быть, она вышла к сыну?

Опрометью бросился я к детской. Светильник подпрыгивал в моей руке, и племя теней устремилось туда же, опережая меня, выплывавая на стенах коридора дикий танец. У самой двери детской я остановился, покачнулся. Из-под двери вытекал темный ручеек...

Крик бился в моем сузившемся горле, но когда я наконец распахнул и эту дверь, он за-

мер, загустел, стал плотным сухим комком, который невозможно проглотить.

Мой сын лежал в кровати лицом вниз...

Помню, что в те страшные мгновенья я больше всего боялся наступить на темный ручеек — на кровь моего Гуруу...

Я долго еще не мог вымолвить ни слова, не мог крикнуть, позвать Ксанду. Я искал ее, переходя из комнаты в комнату, стараясь не думать о том, что увидел в детской.

Наступал рассвет. Приближалось время, когда я должен был явиться к жрецу Сандуу. Необходимо как-то сообщить ему о случившемся и попросить отсрочки. Может быть, кто-то заменит меня? Я передам им мои записи, инструменты. Вот они, собраны в походном ящичке... Машинально я раскрыл его. Сверкнули анатомические инструменты. Мне показалось, что на полированной поверхности лопатки-топорика для отделения хрящей виднеются красные пятна. Я потер их, они не исчезали. И вдруг я понял, что это за пятна: лопатка, словно зеркало, отражала часть комнаты, находившуюся за моей спиной...

Я обернулся, взмахнул лопаткой. Бедняга прыгнул со стола и в несколько прыжков выскочил в соседнюю комнату.

Колени дрожали, я чувствовал лопатками взмокшую рубашку... Закрыв дверь на защелку, в изнеможении опустился на стул. Надо было что-то решать, а думать не хотелось...

Послышался щелчок, скрип двери. В комнату скользнуло белое гибкое тело, но я успел сорвать оружие, висевшее на стене.

Все решали доли секунды. Успеет ли он прыгнуть раньше, чем я взведу курок?

— Бедняга! — крикнул я. — Бедняга!

Он на мгновение остановился, и этого было достаточно.

Я стоял над его трупом. Не было ни сожаления, ни страха, только растерянность. Мне казалось, что Бедняга вырос за ночь чуть ли не в полтора раза. И все время думалось: как же он сумел открыть защелку двери? Ни один известный мне зверь не был способен на такое...»

Запись третья

«Вместе с жрецом Сандуу и отрядом отборных воинов я прибыл на границу провинции Эмэ. Мы расположились в небольшом поселке. По дороге к нему нам рассказывали беженцы о нападениях белых зверей, об их жутком, сводящем с ума писке. Теперь я уже не отмахивался от рассказов об их поразительной хитрости. Вот ведь и Бедняга сумел открыть дверь. Видимо, он сначала толкал ее, а потом, когда дверь немного отошла, сильно нажал на нее и одновременно когтями через щель зацепил пружину защелки...

От местных жителей мы узнали, что в лесу обитает стая белых зверей. Это подтверждали ободранная кора, изглоданные ветки.

Мы наметили план действий, разделили солдат на загонщиков и стрелков. Выстрелы, гул труб, дробь барабанов наполнили лес. В листе — солдаты видели это — мелькали гибкие белые тела. Но когда загонщики и стрелки сомкнули кольцо, в нем не оказалось ни одного белого зверя — ни живого, ни мертвого.

Мы прочесали лес. И... недосчитались шести солдат. А еще трое обезумели. Они слышали писк — и теперь металась среди своих товарищей, сжимая руками головы, затыкая уши, сея панику.

Отбрав опытных охотников, я приказал им поставить загодя приготовленные капканы. Кроме того, солдаты вырыли немало ловчих ям, со дна которых торчали острые колья. У каждой ямы, у капканов мы выставили посты в таком порядке, чтобы каждый солдат видел по меньшей мере двух других. Но и эта мера не помогла. К утру ловушки остались пустыми, а трое постовых исчезло.

Используя свои полномочия, жрец Сандуу мобилизовал на охоту все мужское население провинции. Отряды заняли заранее намеченные позиции и стали медленно продвигаться один навстречу другому. Приказано было уничтожать густые заросли, не жалеть ни лесов, ни посевов. Что ж, нам удалось убить десятки белых зверей. Но при этом мы потеряли почти столько же людей...

В дальнейшем мы уничтожили еще несколько логовищ. Я не смог удостовериться в том, что хитрость белых зверей равна уму человека, зато установил, что размножаются они с поистине молниеносной быстротой. Каждые три недели самка способна принести приплод от семи до девяти детенышей. Но тут я натолкнулся на непонятное явление. Все детеныши рождались крохотными — не больше детенышей сульгипы. Между тем одни уже через пять дней достигали величины взрослых особей, а другие за этот же срок почти не прибавляли ни в росте, ни в весе. Так же медленно рос вначале и Бедняга...

От чего зависел рост белых зверей?

Если бы удалось ответить на этот вопрос, то, возможно, удалось бы найти и действенные способы борьбы...»

Запись четвертая

«От нашего отряда осталось меньше десятой части. Поселки провинции Тупи обезлюдели. Жители уходили целыми семьями, забрав из домов кто что мог унести. Но далеко не всем удавалось уйти далеко. Если не белые звери, то болезни и голод убивали их в пути.

Жрец Сандуу торопил меня.

— Еще день, и мы не сможем уйти.

Я отвечал, что, если не закончу опытов и не найду средства борьбы, белые звери настигнут нас и в столице.

За эти дни я исхудал так, что одежда висела на мне, как на вешалке. Спал не больше четырех часов в сутки. Кружилась голова, огненные круги плыли перед глазами. Но зато воспоминания реже терзали меня...

Четырех крохотных белых зверенышей мы принесли в поселок и поместили в загородки, огороженные со всех сторон сплетенными ветками колючего кустарника лыху — единственного растения, которое белые звери не ели и, как я выяснил, к которому старались даже не приближаться. Одного звереныша я кормил древесной корой и листьями, другому к растительной пище добавлял мясо, третьему давал только мясо, а в загородку к четвертому, которого также кормил мясом, поместил еще и здоровенную сульгипу.

В первый же день он попытался напасть на нее, но справиться не смог. Ночью он дважды подкрадывался к ней сзади, но оба раза сульгипе удавалось увернуться. Второе больше, его, она металась по загородке, пытаясь выскочить из нее, спастись от страшного соседа, которого могла бы свалить одним ударом лапы. К утру сульгипа изрядно обессилела и проголодалась. Видимо, устал и белый звереныш. Он свернулся в углу и, казалось, спал. Настороженно поглядывая на него, сульгипа подобралась к кормушке. Она медлила, но запах пищи дразнил ее, заставляя забыть об опасности. Она опускала голову к кормушке и тут же поднимала ее, оглядываясь на соседа. Он лежал неподвижно.

Но как только сульгипа позволила себе увлечься пищей, к ней метнулась белая молния. Борьба была закончена в одно мгновение.

На следующий день мы впустили к нему еще двух сульгип. С ними он справился гораздо быстрее и заметно прибавил в росте и весе. Теперь он был уже намного крупнее любой сульгипы, и я приказал поместить в его загородку уйзара. Я надеялся увидеть их схватку. Но, к моему удивлению, свирепый уйзар, не боявшийся даже человека, забился в угол, ошетинился и зарычал, не спуская глаз с белого зверя. С ним случилось то же самое, только сейчас слышался короткий писк — впервые за все это время. Может быть, писк появляется у белых зверей лишь с наступлением зрелости? Мне оставалось только гадать...

У дежуривших солдат были предусмотрительно заткнуты уши. Но я-то не мог позволить себе подобной предосторожности. Я должен был слышать этот писк.

От него действительно сыла кровь. В нем были злоба и вожделение, безграничное, бес-

крайнее. Вожделение, оправдывающее любую жестокость, ведущее через любые опасности. Остановить и оборвать его могла только смерть...

Уйзар был уже мертв, а белый зверь продолжал висеть на его туше, сжав зубы и зажмурившись от удовольствия. Я оценивающе разглядывал его. Всего за сутки с небольшим он превратился из детеныша в большого зверя. Только слишком тонкие лапы отличали его от взрослой особи.

За то же время контрольные звереныши, в том числе и тот, которому давали мясо, но не позволяли охотиться, росли очень медленно, не быстрее детенышей сульгины или уйзара.

Но почему самой лакомой для них является затылочная часть? Не там ли содержится вещество, ускоряющее их рост?»

Запись пятая

«Белые звери размножаются с пугающей быстротой. Короткий срок беременности и большой приплод являются решающими факторами. Уже никто из нас не рискует выходить за ограду укрепления...

Мы скормили затылочную часть свежей туши одному из зверенышей. Потребовались сутки, чтобы убедиться: мои предположения оправдываются.

О результатах я поспешил доложить жрецу Сандуу. Он взглянул на меня снизу вверх, на его переносице собрались мелкие морщинки, как будто он собирался чихнуть:

— Значит, ты убедился? И наконец-то можешь посоветовать, как с ними следует бороться?

Я хорошо понял скрытый смысл его «наконец-то». Но не испугался. Мне нечего было терять, кроме жизни, а ею я уже не дорожил. И я ответил откровенно:

— Пока нет.

Он уколол меня быстрым взглядом:

— Знания, которые мы добыли, бесполезны?

— Бесполезных знаний не бывает. Раньше или позже они дадут плоды.

— «Позже» нас не интересует. Или ты решил оставить сведения о белых зверях их потомкам?..»

«...— Я всегда удивлялся, какими мы стали разными, брат,— сказал Евгений.— Но на этот раз ты превзошел самого себя. Разве Григорий Александрович в данном случае может быть для меня примером? Он — старый человек. Все, что он успел сделать, осталось позади. Больше всего он боится потерять то, что приобрел.

Валя смотрела на негб, и ее щеки пылали румянцем.

— Но он не просто оборачивается назад! Он перепроверяет себя, чтобы исключить возможность ошибки,— упрямо возразил я.

— Истину нужно уметь чувствовать,— сказал Евгений.— Интуиция ученого — удивительный инструмент. Это тот самый «прутик», который безошибочно предсказывает воду там, где другим приходится изрывать землю сотнями скважин.

— И все-таки рано выносить опыты за пределы лаборатории! Надо выждать, надо проверить результаты предыдущих опытов,— пробубнил я, чувствуя, насколько пресны и неинтересны мои слова. Я понимал, что Вале и другим уже надоело меня слушать.

Евгений тряхнул головой, и густые длинные волосы на миг закрыли его лоб. Он сказал:

— Как говорил Леонардо, «не оборачивается тот, кто устремлен к звезде!»

Валя откровенно любовалась им. А он косил взглядом на представителя Президиума Академии.

И тогда я сказал... Что же я сказал?..»

Тим потянулся к свитку. Он не понимал, почему Семен медлит...

Запись шестая

«Стаи белых зверей появились в окрестностях столицы. Их натиск не сдерживают ни мощь оружия, ни глубокие рвы, ни отравленные куски пищи, которые мы разбрасываем повсюду. Они погибают тысячами, но рождаются сотнями тысяч. Они нападают на одиноких путников и на большие отряды вооруженных солдат. Они берут приступами поселки и города...

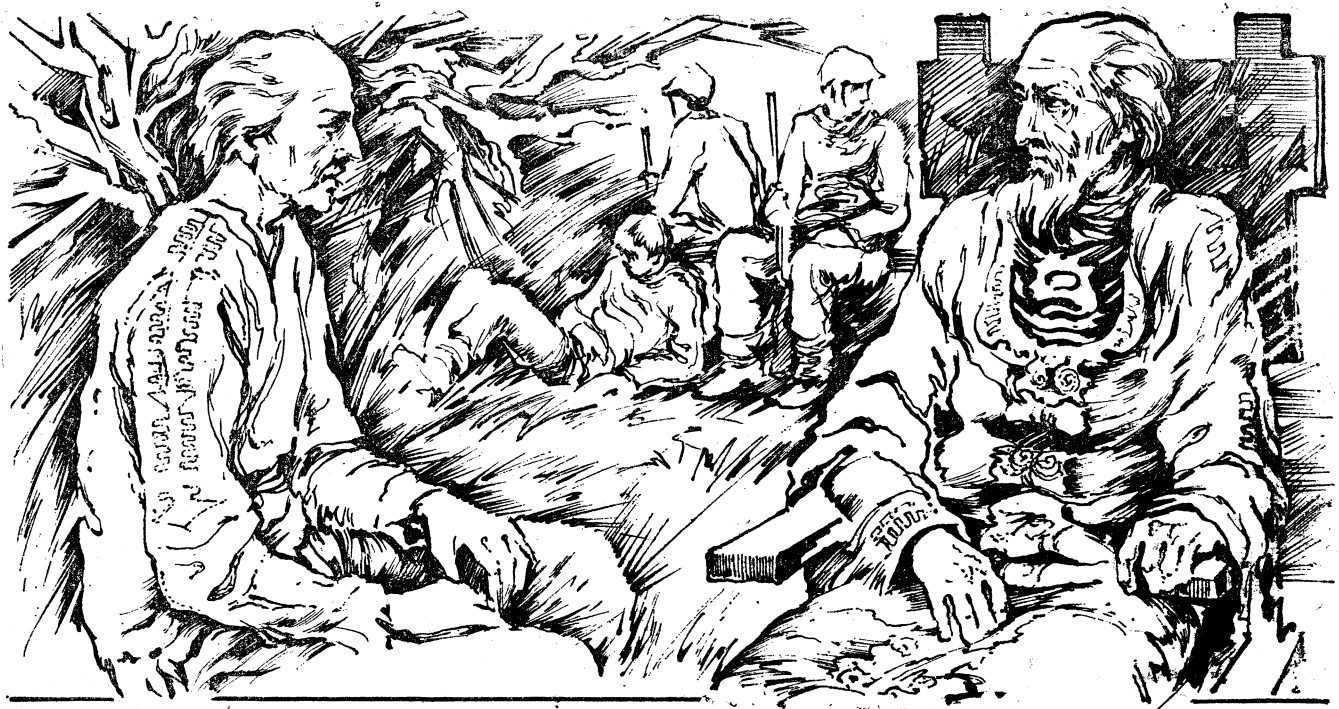
Я уже писал, что они питаются не только мясом. Они уничтожили запасы пищи, опустошили поля, леса. Люди гибнут не только от их клыков, но и от голода и болезней. Эпидемии, о которых уже стали забывать, теперь пожирают обильный урожай. Остановились предприятия. Люди постепенно возвращаются к первобытному образу жизни, становятся игрушками стихий...

После возвращения нашей экспедиции собрание жрецов лишило меня звания ученого. Но какое значение имеет это теперь?

Одно желание гложет меня. Чтобы удовлетворить его, я с радостью трачу остатки опустылевшей жизни. Я пытаюсь добраться до озера Лани, где охотники впервые заметили белых зверей, «свалившихся с неба». Может быть, мне удастся раскрыть их тайну.

По дороге я выяснил: там, где растет кустарник лыху, белые звери не водятся. И как только они поедают на каком-то участке растительность, он густо зарастает этим кустарником...»

— Удивительный человек! — воскликнул Тим,

когда они закончили чтение записок.— Каждому бы ученому быть таким одержимым...

— Жаль, что он все-таки не дошел до озера Лани,— сказал Семен.

Душная угарная тьма окружала пещеру. У входа колебалось сизое марево, окаймленное серебристыми блестками,— это работал «сторож». Аппарат, создававший энергетический барьер.

— Нужно дойти до озера,— проговорил Семен, рассматривая карту, приложенную к запискам.

— Завершить его путь? — полувопросительно произнес Тим, опершись локтем на каменный выступ.

— Почему «его», а не наш? — в тон ему ответил Семен, достаточно изучивший «оруженосца».

— Ну, это ведь он хотел выяснить...

— А ты не хочешь?

— Да я же согласен идти, старик, чего ты нервничаешь? — с оттенком досады произнес Тим.

— И думаешь при этом: ради чего? Чтобы спасти его народ, его цивилизацию? Но ведь уже некого спасать...

— Некого... — растерянно сказал Тим, в который раз удивляясь, как это Семену удается читать его мысли. Тим стремился подражать ему во всем — в бесстрашии, в добросовестности, в невозмутимости, — и это частенько удавалось. Но как подражать в отгадывании мыслей? Впрочем, он изучил и слабинки своего товарища.

Он исподлобья взглянул на Семена и сказал, как бы думая вслух:

— Это будет ему лучшим памятником.

Он знал, что эта реплика подольет масла в огонь, и не ошибся. Темные глаза Семена вспыхнули, лицо оживилось.

— Памятником? — переспросил он.— Ты полагаешь, мы идем, чтобы поставить памятник?

— А зачем же?

Семен испытующе посмотрел на Тима.

— Помнишь, он пишет: «Бесполезных знаний не бывает»...

Уснули они быстро. Семен беспокойно ворочался во сне, стонал. Ему снилось, будто их окружили белые звери. Самый большой из них, вожак, разинул пасть, усеянную острыми клыками, и зарычал:

— Знаешь, кто я? Я — Бедняга! Ты думал, мы исчезли вместе с людьми. А мы остались! Но ты пока не бойся. Мы не будем сейчас есть вас. Мы ждем вас у озера...

— Нет! — закричал Семен и проснулся.

На него встревоженно смотрел Тим.

— В чем дело? — спросил Семен ворчливо.— Чего ты на меня уставился? Спать не даешь...

— Ты кричал во сне,— сказал Тим.

— Подумаешь, большое дело. Голосовые связки тренировал... — Стараясь, чтобы голос звучал сонно, сказал:

— Если уж мы все равно проснулись, будем собираться в путь.

Включив ранцевые гравитры, они летели невысоко над дорогой. Через каждые десять километров выходили на связь. Но командиру корабля эта мера безопасности казалась недостаточной. Запросы следовали один за другим, и Семен уже начинал ворчать на слишком заботливое опекуństwo...

Справа от них громоздились скалы, уходя зазубренными пиками в пустое бледно-сиреневое небо. Слева дорога по краю круто обрывалась, иногда попадались полусгнившие деревянные столбики, оставшиеся от бывшего ограждения. И всюду — в расщелинах скал, по краям дороги — щетинились, будто проволочные «ежи», кусты лыху.

Разведчики спустились в долину, густо поросшую все тем же кустарником. Изредка, как оазисы, попадались рощицы молодых деревьев. Кора на них была нетронутой.

— Похоже, здесь нет белых зверей, — с подчеркнутой беззаботностью сказал Тим. — А хотелось бы наконец встретить хоть одного из них... Неужели нам не повезет?

— Может, еще встретим, — «утешил» Семен. — Правда, неизвестно, для кого это будет везением.

— Скорее всего, они повымерли от голода, — бодро сказал Тим. В его голосе отчетливо сквозила надежда.

— Пожалуй, это было бы неплохо, — улыбнулся Семен.

Они миновали гряды холмов, и за излучиной реки открылся город. Блестели разноцветные крыши домов, отливала сталью гладь водоема в центре круглой площади. Прямые улицы тянулись от нее, как лучи звезды.

Разведчики долго рассматривали город в бинокли. Казалось, что хоть кто-нибудь должен появиться на этих улицах, выглянуть в окно, отворить дверь дома. Но город был безнадежно пустынен, и дома походили на соты, из которых выкачали мед и выкурили пчел.

Осмотр города ничего не добавил к тому, что уже было известно им из записок... Они сидели, отдыхая, в одном из домов, в комнате, которая, по-видимому, служила гостиной. Овальный стол, шкафы в нишах, кресла с высокими спинками. Ничто не было перевернуто, разбито, — никаких следов борьбы. Пыль толстым слоем покрывала мебель, лежала на полу.

Память опять увела Семена в прошлое.

«...И тогда я сказал Евгению:

— По крайней мере, нам нужен еще год.

Я знал, что представитель Президиума Академии прислушивается к моим словам, что от него зависит финансирование наших опытов. Но и Евгений помнил об этом.

— Наши опыты уже стоили достаточно! Мы не можем без конца тратить государственные деньги!

— Но это может кому-то обойтись еще дороже, — возразил я.

Валя с сожалением, почти с презрением, посмотрела на меня и демонстративно отвернулась.

— Кому же? — засмеялся Евгений. — Марсианам?..»

Семен мотнул головой, отгоняя навязчивые воспоминания, и неловко поднялся. Потянулся, разминаясь после долгого сидения, достал карту, сверился с ней и сказал:

— Можем лететь к озеру Лани. Отсюда недалеко.

«Он так привык ко мне, что забывает о необходимости объяснять свои решения, — подумал Тим. — Но кто из нас больше виноват в этом?»

Выйдя на улицу, они включили гравитры и поплыли в прозрачном воздухе, не загрязненном деятельностью цивилизации. Под ними тянулись долины, сплошь заросшие кустарником лыху.

— Белые звери съедали деревья и людей, а их съел кустарник, — невесело пошутил Тим.

Семен резко повернул к нему голову, будто только что вспомнил об «оруженосце».

— Ты прав! И в записках сказано, что они боятся кустарника. Но в таком случае здесь мы найдем их останки. Начинаются болота, а кустарник лыху, как мы знаем, растет всюду, кроме болот.

Внизу проплывали луга, гряды холмов... Потом заблестели цепочки озер. Судя по описаниям и карте, разведчики были недалеко от цели.

Семен круто спикировал вниз. Тим последовал за ним.

— Смотри! — воскликнул Семен.

Берега большого круглого озера были усеяны скелетами. Сотни тысяч скелетов в одной позе — устремленные к озеру, — распластанные в последнем прыжке...

— Они шли умирать туда, откуда пришли, — внезапно охрипнув, сказал Семен. Он указал вдаль, где поднимался конус потухшего вулкана. — Это и должна быть священная гора.

Они опустились на самой вершине и недалеко от кратера наткнулись на выступающие из грунта металлические обломки. По их конфигурации нетрудно было определить, что когда-то они являлись частями сферического сооружения. Семен достал нож и стал осторожно выкапывать их, счищать налипший грунт. Его лицо становилось все более угрюмым и замкнутым. Губы что-то шептали. Тим попытался по движениям губ уловить слова. Это не удалось.

...А Семен вспоминал губы Евгения. Они вытянулись в две узкие полоски, капризные морщинки исчезли с них.

— Я прощал тебе многое, брат, когда ты мешал мне, — говорил Евгений. — Думаешь, я не

понимал, почему ты поступаешь так? Не только из-за Вали. Ты просто завидовал мне! всю жизнь, с самого детства! Как будто я был виноват в том, что родился не таким, как ты.

Он даже не задумывался о том, как ранят его слова и правда, заключенная в них.

— Но теперь ты хочешь помешать науке, которой я служу,— продолжал Евгений,— а этого я тебе не позволю!

Семен отвернулся, чтобы не видеть бледного негодующего лица с изменившимися губами, сделавшими его почти неузнаваемым. И так, не глядя на Евгения, он проговорил:

— Я уйду из твоей лаборатории. Навсегда. Меняю профессию. Улетаю. Я больше не буду иметь никакого отношения к твоим опытам.

Только на один миг он встретился глазами с братом и увидел: тот понял, какую боль причинил ему.

— Делай, как знаешь,— сказал Евгений.— Но помни: то, что остается после нас,— это и есть наша истинная цена, наша суть, то есть мы сами.

...Тим притронулся к плечу Семена, чтобы напомнить о себе. И тогда тот с трудом произнес:

— Легенда права. Это действительно небесные звери. И знаешь, с какой планеты?

В его глазах появился недобрый блеск, не понравившийся Тиму. Он заглянул через плечо товарища и увидел буквы, выбитые на металле.

— Черт возьми, неужели это...

Тим умолк, подыскивая подходящие слова. Его лицо исказилось. Он хватал воздух ртом, как рыба, захлебываясь от обиды и злости, от глупой беспомощности, от сознания того, что уже ничего нельзя вернуть, что все уже случилось...

Резко прозвучал голос Семена:

— Можно считать установленным, что на этой планете белых зверей практически не осталось. Мы можем двигаться обратно. Но сначала я передам кое-что на корабль.

Он включил передатчик. Тим услышал его слова и понял: на корабле удивятся, но рекомендации выполнят. Семен просил немедленно всей команде и подручным автоматам начать сбор семян и сока кустарника лыху.

Тиму хотелось спросить, зачем они нужны в таких количествах, но он промолчал и принялся помогать Семену укладывать скелет белого зверя, готовить его для транспортировки.

— Челюсти у них в точности, как у земных грызунов,— заметил он.— Только увеличенные во много раз...

— Ничего удивительного,— откликнулся Семен.— Когда их предки находились в биоспутнике, они назывались белыми мышами...

Его кадык дернулся несколько раз. Он повторил:

— Да, да, белыми лабораторными мышами! Генетики вывели чистейшую породу!

— Это был тот самый биоспутник, который утащила комета? — спросил Тим. Он бы предпочел не спрашивать, но необходимо было выяснить все до конца.

— Да. Она притянула его и увела за собой, как бычка на веревочке...

Тим видел: губы Семена пересохли, он то и дело облизывает их. Пытаясь хоть чем-то утешить товарища, Тим сказал:

— Путешествие с кометой могло вызвать мутацию...

— Нет, — отрубил Семен. Он не признавал подачек. — Сюда прибыла чистая порода, та самая пресловутая «ЧП-1». С нее все и началось...

Его глаза блестели двумя стальными шариками, отражающими свет и не пропускающими его внутрь. Брови, застывшие и напряженные, казались двумя стрелами, уже наложенными на тетику. Тиму припомнилось: у Семена был кодекс правил для себя. И одно из них звучало так: «не избегать ответственности». Этот кодекс он не навязывал никому, кроме себя...

А Семен вспоминал, как однажды Евгений сказал: «Эта порода мышей хороша еще и тем, что размножается в три раза интенсивнее любой другой. За время полета спутника сменится по меньшей мере четырнадцать поколений, каждое из которых будет находиться в космосе на три недели меньше предыдущего. Мы сможем выяснить с большой точностью, что значит эта разница для воздействия космического излучения на мозг животных. Тогда я отвечу на твой вопрос о психических сдвигах у некоторых космонавтов на дальних рейсах...» И еще звучали в его ушах слова Евгения: «То, что остается после нас, — это и есть наша истинная цена, наша суть, то есть мы сами...»

Корабль сел на космодром искусственного спутника. Подъемник принял металлическую сигару капсулы в упругие объятия и опустил на нижний ярус. На этот раз, нарушая субординацию, Семен первым вышел из капсулы. Он поздоровался с диспетчером и, глядя на его золотые нашивки, спросил:

— Ну что там, на Земле?

— Вы уже знаете? — удивился диспетчер. — Но каким образом?

— О чем это вы толкуете? — спросил астронавигатор. — Что случилось?

— На Земле повивались какие-то белые звери, — ответил диспетчер. — Рассказывают, они...

— Мы привезли средство против них, — перебил его Семен. — Необходимо срочно доставить его на Землю.

ПО СЛЕДАМ ВИКТОРИНЫ

«Встречалась ли вам в фантастике гора Олимп? — спросили мы читателей в прошлогодней викторине. — А планета Олимпия? В каких произведениях?»

Встречалась, как выяснилось, и гора, встречалась и планета... Как уже отмечалось в нашем обзоре ответов (см. прошлогодний № 12), среди участников викторины не нашлось, пожалуй, никого, кто так или иначе не высказался бы по этому вопросу.

Не будем останавливаться ни на беглых, ни на развернутых упоминаниях легендарного земного Олимпа: в фантастике он ничуть не менее редок, чем в обычной беллетристике. И — как «реальное» местообиталище древних богов, и — как метафора. Обратимся сразу к фантастическим сверхзаоблачным высям.

А в сверхзаоблачных высях фантастики обнаружим, прежде всего, высочайшую вершину Марса, нареченную «Никс Олимпика» — то есть «Снега Олимпа». В одноименном рассказе Д. Биленкина (давшем название последней его книге) эта труднодоступная вполне реальная вершина становится местом заочной встречи двух цивилизаций.

Кстати, с этого же 24-километрового (!) вулкана Никс Олимпика запускали свои корабли к Земле коварные марсиане в «Войне миров» Герберта Уэллса. Самому Уэллсу эта подробность, правда, не была известна (поскольку гору открыли только в наше время, в результате полетов автоматических станций), так что поведать о ней пришлось уже современному английскому фантасту Кристиану Присту в романе «Машина пространства».

Но как ни высоки марсианские Снега Олимпа, второй наш Олимп еще выше. На рукотворной планете Поззия герои повести Г. Гуревича «Мы — с переднего края» воздвигают высочайшую во всей Солнечной системе гору — «ростом» в 33 километра! А имя ей дают — Олимп...

В другой повести Г. Гуревича, «Пленники астероида», участники викторины (пожалуй, каждый второй) нашли и малую планету с олимпийским именем: «В дальний путь проводили мы Атлантиду, провозжаем сейчас Сирену и Олимпию. Межзвездными кораблями стали эти астероиды, их камни — топливом и броней. В толще их высверлены города...»

Отыскали участники викторины (каждый третий) и еще одну космическую Олимпию — на этот раз полностью, с собственным населением, планету в системе звезды Волк-359 (рассказ Дж. Смита «Отверженные», в другом переводе — «Отщепенцы»). Вот уж здесь-то, по справедливому замечанию студента-ростовчанина Сергея Битюцкого, «всякий чемпион может считаться олимпийским!».

И, наконец, специально для крупнейших спортивных соревнований служит значительно менее известная (лишь каждому пятому участнику викторины, не более!) Олимпийская планета в романе М. Белова «Улыбка Мицара». Она, эта искусственная планета, создана на высоте трехсот пятидесяти километров над Землей. Ее стадион вмещает восемьсот тысяч человек — однако и он оказывается тесен в дни всенародных спортивных празднеств...

СОЗВУЧНЫЙ ЭПОХЕ

**Виталий
БУГРОВ**

Считается общепризнанным, что первый журнал, целиком посвященный фантастике, появился в апреле 1926 года в Соединенных Штатах Америки: им стали «Удивительные истории», основанные выходцем из Люксембурга инженером Хьюго Гернсбеком. Тем самым Хьюго Гернсбеком, чье имя носит едва ли не самая почетная в мире западной НФ премия, с 1953 года ежегодно присуждаемая американскими любителями фантастики — «фэнами», как они себя называют.

Правда, по свидетельству критика Вл. Гакова¹, и шведские «фэны», роясь в архивах своей фантастики, не так давно раскопали у себя предтечу многоликой сегодня НФ журналистики. Но этот предтеча, десятью годами раньше «Удивительных историй» издававшийся состоятельным шведским энтузиастом, печатал в основном произведения своего не слишком талантливого хозяина и оттого оказался бессилем составить конкуренцию детичу Гернсбека...

Ну, а у нас, в России?

Казалось бы, чего спрашивать: кто не знает, что специализированного НФ журнала у нас нет и сегодня? Его функции выполняет в нашей стране группа журналов, с большим или меньшим постоянством представляющих свои страницы фантастике. Традиция эта — давняя, даже и не довоенная: еще до революции фантастика шла у нас «в одной упряжке» с путешествиями и приключениями. Из старых журналов, воздававших должное неразлучной триаде, наиболее, пожалуй, известны сойкинский «Мир приключений» (1910—1930)

и выживший на ветрах эпох «Вокруг света». Были, впрочем, и другие, не менее именитые: «Журнал приключений», «На суше и на море», «Природа и люди», а из ранних советских — «Всемирный следопыт», «Борьба миров». Но, как уже сказано, ни один из них не связывал свою судьбу только с фантастикой.

И все-таки... Вдохновившись примером коллег из других стран — давайте пороемся все-таки и на наших архивных полках! А чтобы долги трудами не отбить себе напроць охоту к исканиям — заглянемка прямехонько в 1907 год.

1907-й!.. Ручаюсь: эта дата у каждого тотчас вызовет в памяти образы первой русской революции!

Она уже идет на спад, реакционеры уже торжествуют — хотя и не без оглядки на грозные дни 1905-го — временную свою победу над пролетариатом, посмевшим усомниться в незыблемости заведенных порядков... И вот в это-то время, в октябре 1907-го, появляется в Петербурге новый журнал. Констатируя в редакционно-издательском предведомствии к первому номеру, что «Россия переживает момент всеобщего брожения умов», журнал так определил свою задачу: «...мы хотим наших читателей познакомить с наиболее выдающимися произведениями той литературы, которую, главным образом, интересует жизнь будущего. Мы хотим показать, какие каждая эпоха выдвигала запросы, идеалы и стремления, порой удивительно смелые, порой весьма наивные и фантастические, временами же весьма трезвые и не оторванные от действительности».

Журнал научной фантастики? Как будто бы да. Но...

Русский журнал резко отличался от «Удивительных историй» Гернсбека, превыше всего ставившего в фантастике тот «особый чарующий тип романа, в который вкраплены научные факты и картины смелых предвидений». Лишь истинно возможное для техники и науки интересовало «отца» американской фантастики! В России же, сотрясаемой бурями революции, самым интересным в романах о будущем представлялась

никак не техническая оснащенность гипотетического завтрашнего дня.

В первом выпуске нашего журнала вслед за цитированным выше предведомствием шла редакционная же, без подписи, программная статья. Характерно уже ее название: «Значение утопий». В литературе, «интересующейся жизнью будущего», издатели журнала особо выделили именно утопию, — не технический, но социальный разрез грядущего! Отсюда становится понятным и название русского журнала — «Идеальная жизнь».

Тему будущего и путей к нему журнал, надо сказать, трактовал более чем широко. Он искал ее, в частности, и во взглядах современных читателю мыслителей.

На страницах журнала было помещено, например, «Учение о жизни» — специально подобранные (и носящие характер переложения) выдержки из опубликованных к тому времени сочинений и писем Л. Н. Толстого. Безусловно, сильной стороной «Учения» была критика господствующих порядков, — не случайно составитель в качестве одной из основных трудностей, перед ним стоявших, указывал на сложность приспособления «острого и свободно писанного материала к теперешним цензурным условиям». Тем не менее, несмотря на цензуру, в тексте прошла выделенная курсивом центральная мысль: «Человек не затем живет, чтобы на него работали, а чтобы самому работать на других. Кто будет трудиться, того будут кормить». (Не правда ли, сколь созвучно это будущему революционному лозунгу: «Кто не работает, тот не ест!») «Человечество будет иметь высшее, доступное ему благо на земле, когда люди не будут стараться поглотить и потребить все каждый для себя...» — писалось в «Учении». Впрочем, в те годы уже очень многим было ясно, что через одну лишь любовь к ближнему, проповедовавшаяся Л. Н. Толстым, не достигнуть всеобщего благоденствия...

Был напечатан в журнале и обширный (по нынешним нашим меркам — недостаточно, к сожалению, критичный) очерк философской утопии Ф. Ницше, превыше всего на свете ставившей «я», декларировавшей право силы как единственный рычаг и регулятор межчеловеческих отношений, утверждавшей и на будущее неизбежность деления людей

¹ Его статьи о Х. Гернсбеке и премии «Хьюго» см. в нашем журнале: 1980, № 10 и 1981, № 3.

на касты. Впрочем, после знакомства с этой реакционнейшей утопией, сверхмодной в начале века, читателя очередного выпуска журнала ожидала переложенная с немецкого работа совершенно противоположного характера — «Экономическая и семейная жизнь в народном рабочем государстве» австрийского юриста А. Менгера. Работа эта, в чем-то, возможно, излишне академичная, однако же прямо заявляла, что в таком государстве «за отдельными лицами ни в коем случае не будет признано право господства над средствами производства».

Любопытно отметить и очерк Д. Городецкого «Попытки осуществления идеальной жизни на земле», печатание которого было начато во втором выпуске журнала. К сожалению, только начато: продолжения — вероятно, по цензурным условиям — не последовало. Между тем, очерк действительно был интересен. «Во все времена, — писал автор, — мечты и фантазии о лучшей жизни человечества шли рядом с опытами и попытками к осуществлению на земле такой жизни. Философы, поэты, мечтатели рисовали идеал, законодатели и реформаторы пытались проводить этот идеал в жизнь. При этом между ними происходило постоянное взаимодействие...» И дальше рассказывалось не только о реформаторах Древней Греции и Рима, но, к примеру, и о революционных преобразованиях Томаса Мюнцера, вождя масс в Крестьянской войне 1524—1526 годов в Германии. Восторженный читатель «Утопии» Томаса Мора, Мюнцер пытался осуществить на земле идеальный строй, при котором не было бы ни классовых различий, ни частной собственности...

Кстати, сама «Утопия», оказавшая большое влияние на многих мыслителей последующих эпох (вплоть до представителей утопического социализма), была включена в список произведений о будущем, которые редакция предполагала поместить со временем в своем журнале. Значился в этом списке и роман Э. Беллами «Взгляд назад», необыкновенно популярный не только на его родине, в Америке, но и в России начала века: по свидетельствам современников, этой книгой зачитывались в революционных кружках — наряду с «Что делать?» Н. Г. Чернышевского; «Оводом» Э. Войнич и «Спартак» Р. Джованьоли.

Однако поместить на своих страницах журнал успел лишь два из обещанных романов, — они печатались одновременно, шли с продолжением и были неплохо иллюстрированы.

Первым из них, открывая выпуски «Идеальной жизни», шел фантастический роман Л. Олифанта (Э. Бульвер-Литтона) «Грядущая раса». Его герой попадал в подзем-

ный мир — своего рода Плутонию, но лишенную собственного, местного светила: высокообразованные обитатели здешних мест для освещения — как и для множества иных целей — использовали универсальный «вриль», чудесную жидкость, совмещавшую в себе все силы природы — электричество, магнетизм и т. п.

В этом мире, не знаящем потрясений, достижем, благодаря «врилю», всеобщего благополучия, живут счастливые беспорочные долгожители-вегетарианцы. Они всем довольны (поскольку весьма умеренны в потребностях), во всем равны, ничто лишены честолюбия и зависти, покой рассматривают как высшее благо и... не дискутируют, верят в бога и загробную жизнь. В целом это однообразный и довольно скучный мир, сами хозяева которого невозмутимо констатируют: «Ведь о нас ничего нельзя сказать, кроме одного: они рождались, жили счастливо и умирали». Естественно, герой Бульвер-Литтона стремительно бежит из этого мира, подгоняемый тревожным ожиданием — не вырвется ли подземные жители наверх, не сокрушат ли могущественным своим «врилем» бастионы буржуазной цивилизации...

Герой второго романа «Идеальной жизни», напротив, опечален своим возвращением из мира сбывшихся грез. Ведь там, на страницах романа В. Морриса «Вести ниоткуда», он встретился со счастливым миром свободных тружеников. Вот уже полтора века как покоченено с капиталистическим гнетом и насидием. Труд, тяжелые формы которого переданы машинам, давно уже превратился в наслаждение (что не преминуло сказаться на повышении качества его продуктов). Каждый может найти себе работу по сердцу, такую, выполнение которой столь же волнует и облагораживает, как и приобщение к искусству... Что же касается великого переворота, то он, по В. Моррису, был естествен, как смена дня и ночи. Но английский «социалист эмоциональной окраски» (так называл В. Морриса Ф. Энгельс) не верит американскому социалисту-реформисту Э. Беллами, полагавшему, что социализм можно построить мирным, парламентским путем, путем постепенных реформ. Не верит он и в бескровное построение счастливого общества при помощи сколь угодно удивительных открытий — вроде «вриля» из романа Бульвер-Литтона. «Нет, — твердо говорит В. Моррис, — это была борьба, борьба не на жизнь, а на смерть», революционная борьба хорошо организованных рабочих, которые, «победив, увидели, что у них достаточно силы, чтобы создать новый мир, новую жизнь на развалинах старой. И это свершилось!» Будущий мир освобожденного труда с большой любовью изображен В. Моррисом,

искренне и безгранично верившим в его осуществимость. Ведь, по свидетельству журнала, будучи уже неизлечимо болен, В. Моррис и свой последний новый год — 1896-й — встречал с радостью: тот приближал его к заветной цели...

«Утопии — не пустая болтовня наивных фантазеров, — утверждал журнал в упомянувшейся уже редакционной статье. — Лучшего агитационного приема, лучшего, более верного способа пропаганды, более надежного орудия борьбы с существующими предрассудками, неуверенностью, нерешительностью — нельзя придумать».

С высот сегодняшнего дня нам, разумеется, нетрудно в этой оценке утопий (безусловно верной применительно, скажем, к роману В. Морриса) углядеть определенную близорукость. Ту близорукость, что была свойственна, например, реформисту Э. Беллами. Ведь только просвещая, только агитируя — новый мир на земле не построишь. Не случайно же лишь партии революционеров-ленинцев, сумевших организовать рабочий класс на борьбу, оказалась по плечу великая задача коренного переустройства общества.

Но не был ли внешне сугубо просветительский подход к делу («...мы не навязываем читателю своих симпатий, мы предлагаем ему только те сочинения, которые уже давно получили всеобщее признание, но были мало доступны для широкой публики...») своеобразной уловкой редакции «Идеальной жизни»? Журнал этот, до сих пор остававшийся практически неизвестным нашему литературоведению, требует специального изучения, прежде чем можно будет дать четкий ответ на поставленный вопрос. Так же, как и на другой вопрос, более частный: случайно ли остросоциальный роман В. Морриса (написанный, к слову сказать, в качестве своеобразного ответа на утопию Э. Беллами — с ее чересчур заорганизованным и бесцветным обществом будущего) шел в журнале на втором плане, уступив первый безобидному в этом смысле («наивному», по определению самой редакции) роману Э. Бульвер-Литтона?

Во всяком случае, объективно деятельность «Идеальной жизни», поставившей целью знакомить своих читателей с картинами будущего счастливого мира, была, конечно же, прогрессивной. Подобная деятельность не могла долго продолжаться в условиях наступившей реакции: двоянный четвертый-пятый выпуск, датированный декабрем 1907 года, оказался последним для этого первого в России журнала социальной фантастики...

УДИВЛЕНИЕ

**Руслан
ЛЫНЕВ**

— Вдарим по змеям,— сказал мой знакомый, местный журналист, Я согласился.

— Посмотрим, как живет простой советский факир.

Факир жил довольно далеко от центра. По дороге шофер рассказывал нам:

— Видел я его по телевизору. Потом мне целую ночь змеи снились.

Первый же прохожий указал нам дом барачного типа, в котором проживал, змеевед со своими ползучими питомцами. Отыскиваем нужную квартиру, стучим, ждем. Я говорю: «Пахнет змеями».

Тут надо заметить, что «вдарять» по ним мы начали еще накануне, побывав в серпентарии здешнего зоокомбината. Едва мы вошли в его помещение, как приостановиться нас заставил — нет, не ряд клеток с кишущим в них содержимым, негромко шипящим и потрескивающим, а неожиданно тяжкий запах, ударивший в нос.

— Змеи — не пчелы,— произнес приятель.

Нам объяснили: неприятный запах не столько от самих змей, сколько от их корма — лягушачьего мяса.

Тут запах был тот же, только слабее.

Дверь открыла пожилая женщина, жена хозяина, и, узнав, кто мы, предложила подождать на улице, поскольку сам хозяин еще спит.

— Он всю ночь работал. Я разбужу его.

— Факирка,— сказал приятель, когда мы вышли на теплое солнце и свежий воздух.

Накануне в серпентарии нам показывали «доение» змей — извлечение из них яда, идущего для медицинских нужд. Лаборантка крючком сгребает из клеточки в ящик несколько десятков гадюк. Герпетологи — мужчина и женщина в белых халатах — хладнокровно извлекают из ящика очередную извивающуюся пациентку, точным движением нажимают ей на ядовитые железы, и из ядовитых зубов брызжет в плоскую капля желтоватого цвета. Расставшись с ней, ползучий донор сразу обмякает, его макают головой в вед-

ро с дезинфицирующим раствором и берут следующего. До обеда такой процедуре подверглось тысяча двести гадюк, пойманных на Васюганских болотах. Надой их составил в тот день тридцать граммов яда.

Невозможно сразу же не проникнуться уважением к труду людей на этом уникальнейшем конвейере, где не существует ни механизации, ни средств защиты — даже перчаток. Только марлевые повязки, прикрывающие рот, да сыворотка наготове.

А что нам покажут сегодня?

Мы ждали недолго. К нам навстречу вышел человек с красивой седой головой. С учтивостью, нынче уже не столь частой, назвался:

— Василько Васильевич Озаровский.

— Почему Василько, а не Василий? — сразу спросили мы.

Он чуть смутился.

— Я недослышу. Это со мной после укуса кобры. Так что прошу: спрашивайте громче.

— Давно вы увлекаетесь змеями?

— С пяти лет. И не только ими. Я хотел иметь слона. Кто повлиял? Думаю, что мама. Она была очень одаренной.

— Она биолог?

— Нет, она окончила Бестужевские курсы по специальности физика и математика. Вместе с подружкой они были первыми из женщин в России, которых приняли на государственную службу. Разрешения пришлось просить у премьер-министра Витте. В службе была в палате мер и весов у Дмитрия Ивановича Менделеева. Мать выпустила книгу о нем.

Он говорил так, что хотелось слушать. Но еще больше хотелось спрашивать. И мы с коллегой спрашивали наперебой, невпопад, не стесняясь несурзанности и банальности иных вопросов. Сколько вам лет? Кто вы по профессии? Что делали сегодня ночью, если сейчас придется отсыпаться? Он терпеливо улыбается.

— Ловил жаб. Ими питаются кобры. А сейчас сушь стоит — жабы зарылись. Приходится брать электрический фонарь. Иногда мне помога-

ют молодые люди, а вчера я сам... Хотя, честно скажу, видеть я стал значительно хуже.

— Хлопотно это — держать дома змей?

— Чтобы держать их, надо много знать. Им нужен живой корм: мыши, жабы, кролики. За всеми надо ухаживать, всех кормить.

— А много съедает, например, питон?

— Кролика в месяц. Кроликов я держу вон там, — он указал на пристройку в глубине двора. Рядом с ней была еще одна — для белых мышей. Посредине двора стояла веерная пальма в кадке, а вокруг — ограда из панцирных сеток. Это, как мы догадались, был загон для прогуливания змей на воздухе.

Расхрабрившись, мы спросили, можно ли нам посмотреть пожирателей кроликов и жаб.

— Конечно. И некоторых лучше смотреть не в террариуме, а здесь. Вы не против?

— Нисколько! — заверили мы со всей возможной бодростью, прикинув, что двор достаточно велик, чтобы мы могли быстро и достойно отступить.

— Хорошо. Посмотрим, что у нас с солнцем, — сказал Озаровский.

Солнце между тем поднялось высоко, день выдался теплый и приветливый. Василько Васильевич ушел, а вскоре шофер наш закричал:

— Идет! На себе несет! На себе!

Он был прав: Василько Васильевич шел к нам, придерживая возлежавшую на его плечах довольно толстую гюрзу. Приподнятая головка змеи упруго колебалась при каждом его шаге, дрожащий раздвоенный язычок быстро выплескивался наружу и исчезал вновь, глазки смотрели равнодушно и хищно.

— Во дает, — сказал приятель.

— Это моя гордость. Зовут Папа. — Василько Васильевич машинально тербил, поглаживал кончик змеиного хвоста. — Его подарил мне двенадцать лет назад змеелов номер один — Орлов Юрий Александрович. Папа дал потомство — четыре гюрзы. Это впервые в нашей стране в искусственных условиях. С виду он меланхолик. Но это довольно обманчивое впечатление.

— Папа, ты не хочешь нас укусить? — спросил приятель, слегка приблизившись.

— Он никого не хочет укусить, — сказал хозяин. Затем пошли кобры — Победа и другие. Имена у них — это названия мест, где каждая змея отловлена. Но имена змей — это проформа. Ведь змеи глухи.

— Тогда как они могут танцевать, когда факир играет на флейте?

— Флейта прежде всего — палка для змеи. А музыка — это для публики.

— Скажите, гюрза — дорогая змея?

— Цена за ее отлов 20 рублей. Но я бы не продал и за тысячу.

В молодости, в конце двадцатых годов, Василько Васильевич окончил учебное заведение с причудливым для наших дней названием: главная военная школа физического воспитания трудящихся. Занимался штангой. В свое время был чемпионом Москвы в легком весе. Затем приехал с молодой женой в Киргизию — «на экзотику потянуло». В прямом и переносном смысле привез в республику штангу. Преподавал физвоспитание в пединституте — за вычетом, как он выражается, четырех лет войны, где он был сержантом. После демобилизации встретил своего школьного учителя биологии Михаила Михайловича Завадовского, ставшего директором Московского зоопарка, возрождавшегося после войны. Бывший учитель учредил для демобилизованного сержанта должность агента по заготовке зверей. Озаровский отлавливал и доставлял в Москву из Киргизии горных баранов, снежных барсов, змей.

— Я их поймал не меньше двух тысяч и теперь жалею об этом.

— Почему?

— Потому что губил их. А сейчас считают, что зоопарки должны сами разводить зверей.

— Вы долгие годы были тренером. У вас есть ученики?

— Да... И ученики моих учеников. Но как тренер я не стал известным. Ведь чтобы стать известным, заслуженным, надо из ста сильных спортсменов отобрать самого сильного и сосредоточиться на нем. Ну, а меня привлекали слабые. Я всегда старался помогать им стать сильнее, обрести себя.

— Змеям, на ваш взгляд, тоже надо помогать?

— Во всяком случае, они нуждаются в защите от нашего к ним предубеждения и от истребления.

— А змеиные укусы?

— Это средство не нападения — обороны. Притом, единственное. Обычно же змея избегает встреч с человеком. Но и он должен быть осторожнее, особенно там, где много змей.

— А как же вас кусала кобра? Обороняясь?

— Она у меня жила всего три дня, привыкнуть не успела. Накануне ее очень долго держали в мешке, возможно, причинили неприятности при отлове, словом, разозлили. Странно: она укусила меня подряд два раза в одно и то же место, вот сюда, — он указал старую рану на руке.

— И как же?

— Я попал в больницу. Но через неделю попросил: выпишите, мне необходимо кобр кормить.

— А как же та, что вас укусила?

— Я отдал ее в зоопарк. Навещал. Вид у нее был вялый, невеселый. По-моему, ей там не очень-то хорошо.

Тут вступила в разговор жена Озаровского, Клавдия Дмитриевна.

— Когда его укусила змея, врачи утверждали, что он безнадежен. Но я сказала: не может быть, вы моего мужа просто не знаете.

— А вас кусали змеи?

— Что вы! Я не такая сумасшедшая, как он.

— Вы к ним привыкли?

— Я их терплю только как биолог. — На плече ее сидело существо вроде бы более мирное, чем кобра, — попугай Люся. — Муж купил ее в Москве на Птичьем рынке за 222 рубля. Это недорого, потому что Люся, во-первых, одноглазая, а ему всех необходимо пожалеть, во-вторых, она не говорит ничего, кроме «кукареку» и то — исключительно для детей. И лишь детям она разрешает гладить себя, а взрослых клюет. Удивительно храбрая. И мужа клюет, когда он говорит с посторонними. И правильно делает. Потому что за всем его выводком придется ухаживать мне, а он, как все мужчины, беззаботен.

— Не придавайте значения словам женщины, — возразил супруг.

Тут между супругами возникла незлая перепалка на тему привычную: зачем змеи в доме, зачем отдавать им всю квартиру, силы, время.

— Посмотри, у нас бывают иностранцы, а нам с тобой негде их угостить даже чашкой чая.

— Конечно, — говорил он, — многие меня считают чудачком, не более. Квартиру я превратил черт знает во что. Но не будет змей — что я без них? Ничего. Гол, как сокол.

Слушая, я снова вспомнил наш недавний поход в серпентарий, разговор с его руководителем Ю. И. Сударевым. После дойки змей он выглядел усталым.

— Что же удивительного? — Сударев крепко затанул сигаретой. — Работа особо опасная и вредная. Спрашиваете, миловал ли нас бог от укусов? Еще никого не миловал. И иммунитета на змеиный яд не существует. Как было со мной? Укусила змея. Попал в реанимацию. Спасибо врачам. А вскоре на ВТЭК — этот палец плохо гнется. Фактически для герпетолога это инвалидность. А доктор жмет плечами: ничего нет, кроме следов двух крохотных ранок. Как от гвоздики. Понимаете? — он нервно хохотнул.

— Помогай десяткам миллионов людей, мы сами работаем в атмосфере, насыщенной ядовитыми испарениями. Я это доказывал в Госкомитете по труду, добиваясь пенсионных льгот для нас, показывая снимки, акты комиссий, — бесполезно.

Короче говоря, Юрий Иванович был не расположен обсуждать раз-

влекательную сторону «змеиной проблемы». Но когда мы спросили, какого он мнения об Озаровском и его увлечении, то обнаружили, что профессионал Сударев вовсе не считает любителя Озаровского чудачком и только.

— Он делает большое дело, разъясняя людям бессмысленность истребления змей. Выступая в школах, клубах, он пропагандирует человеческое отношение к змеям, к природе в целом. Особенно интересными я считаю его попытки приручать змей.

На вопрос, что нравится змеям, Сударев ответил: все то же — человеческое отношение.

— А что для них губительно? — На это отвечал уже Василько Васильевич:

— Никотин. Небольшая горсть табака, попав в рот, убьет змею сразу.

Затем «змеиные смотрины» продолжались в квартире. Ее внутренность невозможно описать. Но попытаюсь. Как войдешь, налево — кухня. Туда мы не пошли, а миновав одну комнату, пошли в другую, направо. Это и была «змеиная» комната. Ничего подобного в жизни не видел. Вдоль всех четырех стен, в два этажа, стояли стеклянные и освещенные лампами ящики с тварями разных пород, рисунков и габаритов. Часть ящиков занимала место и посреди комнаты. Тут же — детская ванна для купания питонов, клетка для попугая Люси, банки с кормом, стереофонические колонки (хозяин — поклонник оперетты), ружье, фотоаппарат. Словом, всякая всячина и книги, книги — до потолка. Как хозяин умудрился втиснуть сюда стол и собственную кровать — уму непостижимо. И совсем уж непостижимо, как в комнату протиснулись мы вчетвером и попугайка Люси, вдруг зарывшая «Кукареку!».

Хозяин сказал:

— Теснота, сами видите. Развиваться, расширяться больше некуда.

Встреча с обитателями комнаты прошла в атмосфере вполне деловой.

— Вот моя прима, — представил хозяин питона Машу из Пакистана, подаренную ему зоопарком.

Четырехметровое создание толщиной с добротное бревно блаженно грелось на песке. Оно весит почти двадцать два килограмма. То есть имеющиеся в квартире двадцатикилограммовые весы Маша переросла, и взвешивать хозяин носит ее в соседний овощной магазин. Это выглядит так: как только он, водрузив на плечи переднюю часть питона, возьмется за ручку входной двери, Машин хвост, не желая расставаться с теплой клеткой, цепляется за ножку стола и тянет его, круша все на пути. Когда же ножка свободна от цепкого и сильного Машиного хвоста,

голова питона уже где-нибудь в радиоприемнике.

Приятель осторожно погладил Машу и остался очень доволен.

— Можно, я в следующий раз приду с дочкой? — спросил он. Хозяева не возражали.

Затем следовал питон Джамба, что на суахили означает «здоровствуй», боливийский удав Оливия, два совсем еще маленьких перуанских, присланных из ГДР, и кубинский удав. Трудно поверить, что комната стала вторым в мире местом после канадского центра по разведению редких рептилий, где кубинский удав выведен в неволе.

— Вы можете его погладить. Не бойтесь. Это безобидное существо.

Я погладил. И не жалею. И не потому не жалею, что удав вовсе не противен на ощупь. А потому, что хоть чуть-чуть сдвинул в себе убеждение к «гадам», «аспидам»: ведь часто именно предубеждение союзник вражды и недруг истины.

— Что же ты мышь не ешь? — озабоченно спросил Василько Васильевич гюрзу, сидевшую в следующем ящичке.

Кобры — эти содержались отдельно. Завидев нас, зловеще зафукали и приняли характерные позы — привстали, жутковато сплющили шеи. Так кобра обычно предупреждает о нападении, лишь потом бросается. Гюрзы панически боятся их. На очередное наше «почему?» хозяин пояснил: кобры, будучи по массе тела меньше гюрзы, кусают и поедают их, да и всех других змей, включая... самих кобр.

Что и говорить, содержа в доме 26 змей, будь готов ко всему. И бывало всякое. Как-то раз, во время выступления, Джамба, вероятно, чем-то раздраженный, принял сворачивать голову хозяину и осуществил бы свой замысел, не приди на помощь сосед.

— Один вы с удавом не справитесь, но если рядом есть хотя бы еще один человек — бояться нечего.

— В другой раз, — продолжает Василько Васильевич, — исчезла кобра. Это было страшно. Все деревья рядом с домом срубили, боясь, что беглянка взберется на них. Тридцать пять дней и ночей мы ждали крика «Змея!». И дождалась. Она поселилась рядом с домом, в сарае. Узнав, все соседи собрались, конечно, возбужденные, напуганные. Я взял все, что нужно для поимки. Но в последний момент решил: рискну, но возьму голыми руками у всех на виду — успокою людей.

Взять удалось, а вот успокоить... Тут надо сказать о выводах, к которым давно пришли соседи по дому, сам Озаровский, все, кто побывал здесь, включая и автора заметок. Выводы эти таковы: попытки Василько Васильевича по разведению и приручению змей давно вышли за

рамки личного увлечения. И, с одной стороны, вызывают немалый научный интерес, в том числе за рубежом, с другой — продолжать подобные опыты в обычной квартире, рядом с соседями, их детьми — явно рискованно. Ясно, что для опытов необходимо другое место. Скажем, отдельный дом. И обещания на этот счет уже поступали. Только дело не сдвинулось. Не случилось бы неожиданного с Озаровскими! Давно ли миллионы людей были буквально потрясены трагедией в квартире бакинцев Берберовых, когда вроде бы одомашненный лев стал вновь некротимым зверем...

— Я не принадлежу к людям с сильными локтями, — говорит Василько Васильевич. — И ни в чем не считаю себя исключением. Как я могу настаивать создать особые условия для змей, если в жилье нуждаются люди.

Мы чувствовали: он уже устал от встречи, от наших расспросов. Признаться, от впечатлений порядком устали и мы. Но перед прощанием нам предстояло удивляться еще. И еще. Оглядывая корешки книг на полках, мы видели «Мертвые души», изданные в прошлом веке, «Трагедию о Гамлете, принце датском», изданную в начале этого, сборник восточных пословиц. Раскрыв страницу наугад, прочитали: «Убить змею — Шиву задеть».

— А самая дорогая для вас книга которая?

Василько Васильевич достал сборник русских народных сказок, вышедший в издательстве писателей в Ленинграде в 1931 году. На титульном листе — знакомое: О. Э. Озаровская.

— Ваша мать?

— Да. Я не рассказывал вам, что, работая у Д. И. Менделеева, она увлеклась эстрадой. Да, да! И в один прекрасный день решила стать профессиональной артисткой эстрады. Это был всемирный скандал. Она поступила в театр «Кривое зеркало», выступавший в Петербурге, затем в Москве, где публика ей больше нравилась и лучше ее принимала. И вот, представьте себе, что ее, артистку эстрады, заинтересовал русский фольклор. И меня тоже. Мы с нею объездили архангельский север, записывая сказки. В Пинеге был создан музей моей матери. Я и сейчас еще получаю письма оттуда. Эта книга — плод ее труда. Почти весь тираж в свое время ушел за рубеж на валюту.

— И вы не пытались хлопотать о переиздании?

— К сожалению, совершенно нет времени этим заниматься. Нет времени даже, чтобы сесть спокойно и написать статью. Поэтому единственный мой «научный труд» за все эти годы — полустрастичная заметка в журнале «Природа».

Нет леса без огня?

Юрий
ЛИПАТНИКОВ

На книге дарственная надпись матери сыну, тогда тридцатилетнему. Читаем, что первый экземпляр книги подарен «нашему английскому гостю писателю и драматургу Б. Шоу, второй — художнику, оформившему книгу», третий ему — Василько Озаровскому.

— Смешные сказки есть, — говорит Клавдия Дмитриевна. — Живот надорвешь.

— Одна из наиболее интересных — «Волшебное кольцо», — считает супруг. — Интересно, что змея в ней показана положительно.

— Почитай, — просит жена.

Он вздохнул, улыбнулся, снял очки и... разве знали мы, что хозяин прекрасный чтец? Что за чтение сказок он еще до войны был удостоен артистической категории? Разве предполагали мы, идя сюда за «змеиной экзотикой», что не меньше, чем ей, а может быть, больше будем удивляться простоте, лукавству, удивительному языку русской сказки.

«Жили Ванька двойма с матерью. Житьишко было само последно. Ни послать, ни окутаца, ни в рот положить нечего».

Слушая, мы то и дело хватались за свои блокноты, чтобы не потерять, не забыть вроде: «Шляпа-широкоперка», «Усохни моя душенька», «Царица чай в коленки пролила», «На свадьбе той десять генералов с вина сгорели», «Кабы ты не собака, так министр была бы».

Слушая, я забыл, зачем пришел. Про тесноту забыл. Забыл, что комната набита змеями. Не утверждаю, что сказка служит ключом к судьбе нашего знакомого. Но в чем-то они похожи — сказка и жизнь этого человека.

Ныне люди вездесущи и огнеопасны не только весной и летом, но и осенью, и даже зимой. В основном теперь люди, а не молнии заносят первую искру пожаров, причиняя громадный ущерб природе и обществу. Однако сегодня наш разговор о пожарах и пожарищах не столько с экономической, сколько с биологической и экологической точки зрения.

Рассказывает заведующий лабораторией лесоведения Института экологии растений и животных Уральского научного центра кандидат сельскохозяйственных наук Евгений Павлович Смолоногов:

— Да, биологи, конечно, понимают, что экономике, народному хозяйству, а значит, и человеку только вред от лесных пожаров. Ну, а самой природе огонь, быть может, не только вреден? Ведь леса-то горят уже миллионы лет и, наверное, жизнь как-то приспособилась к этому явлению? Да, существуют древесные виды, буквально рожденные огнем! В частности, они могли появиться там, где обычное явление повторяющиеся многие миллионы лет извержения вулканов. Я бывал на Камчатке у подножия Ключевской сопки, где, видимо, не единожды совершалось чудо возрождения жизни на мертвой, засыпанной пеплом земле. Сначала на ней появляется скудная трава, а затем поднимаются и древесные заросли, особый вид березы — каменной. Извилисты, странны ее стволы. Биологи знают: это — огнестойкие деревья. Не менее огнестойка и лиственница камчатская. Она обрела в ходе огнедышащей эволюции бутылкообразную нижнюю часть ствола, надежно защищенную от пламени корой, которая вдвое толще, чем, например, кора у лиственницы сибирской. Какая от этих приспособлений камчатского дерева польза человеку? Самая очевидная: из нижней части ствола можно получить более крупный пиломатериал, больше коры для прессования облицовочных плит. Но важно другое: под воздействием огня возникли новые, генетически устойчивые признаки, специфичные только для названных видов. Хотя, строго говоря, у лиственницы сибирской также утолщена нижняя часть ствола, и произошло это в ходе эволюции также под воздействием пожаров.

Полезен ли огонь лесам? Если не учитывать людских интересов (а природа их никогда и не учиты-

вает), тогда этот вопрос не имеет смысла. В природе нет ничего абсолютно хорошего и абсолютно плохого. Коли огонь как фактор эволюции был неизбежно, то у древесных видов и появилась толстая кора и способность к интенсивному воспроизводству: поврежденные огнем деревья дают повышенные урожаи семян. Природа так справляется с последствиями пожара: первыми на горях появляются береза, осина, сосна, лиственница — пионерные виды. На горельниках почва богата азотом, зольными элементами питания, оттого тут и появляются лиственные. Шведские лесоводы специально сжигают всякий сор на вырубках, чтобы обогатить почву. У нас такие палы запрещены. Не потому, что советские лесоводы не видят пользы от огня, а потому, что палы у нас, увы, слишком часто превращаются в огненные бури, в катастрофические пожары.

Кто более виноват в лесных пожарах — молнии или спички? Не легко найти истинные причины пожара в том или ином районе страны. И не просто вовремя заметить начинающийся пожар даже воздушному патрулю или с космического корабля. А если вообще не летать, не патрулировать, а установить телеметрические датчики, которые заметят дым и подадут сигнал? Пожар, разумеется, социальное зло, но огонь может быть и полезным. В северной тайге низовой огонь как бы расшевеливает жизнь: сгорает мох, прогревается почва, активизируются микробиологические процессы, повышается природа у деревьев. Огонь стимулирует возобновление сосны, не говоря уже о лучшем «поселении» здесь кедра. Однако все сказанное не говорит о том, что, исключив пожары, мы ухудшим возобновляемость леса. Биологи уже изучают огнезащитные свойства леса, чтобы познать во всех тонкостях специфику экологического воздействия огня и то, как трудно восстанавливается лесная жизнь там, где она была уничтожена одним взмахом руки, бросившей непогашенную спичку...

ЗЕМЛЯ И НЕБО

АЛЕКСАНДРА ДЗЮБЫ

См. 2-ю стр. обложки

Александр МАХЛИН

...Александр ту же затянул ремень шлема, проверил замки парашютного ранца, поправил автомат. Все нормально.

Включилась зеленая лампочка, поплыл тревожный звук сирены. В открытые бортовые двери самолета врывается холодный поток воздуха.

Пошли. Один, второй, третий... Отчего-то страшно. Перед каждым прыжком страшно.

— Пошел!..

Это уже ему.

Александр шагнул.

Через полчаса, замаскировав парашюты, разведчики двигались по лесной тропе, выбитой дикими кабанами. У закраинки отряд разделился. Большая группа отправится дальше, ей предстоит выполнить главную задачу — уничтожить стратегические объекты. Меньшей, где гвардии сержант Дзюба, следовало дожидаться двух зеленых ракет — сигнала о том, что объекты уничтожены, быстро заминировать дорогу и мост и возвратиться к месту сбора.

Местность не ахти... Между шоссе и лесом старое торфяное болото шириной более полукилометра. Десантники выбрали чокки посуше, залегли. Минуты ожидания были изнурительными. Зверели комары, осознав свою безнаказанность Мох, как губка, выдавливал из себя холодную влагу.

Но вот над лесом взвились две зеленые ракеты. В считанные минуты заминированы мост и дорога. Теперь — отходить. И тут дозор сообщил: на дороге колонна боевых машин «противника». По цели передается приказ: «Отход отставить. Даем бой!». Машины совсем рядом, видны номера на боковой броне...

Увлечшись боем, десантники не сразу обратили внимание на выкатившуюся из-за дальнего поворота, скрытого лесом, еще одну колонну БМД. Одна из машин съехала с шоссе и теперь катилась по торфянику, намереваясь отрезать разведгруппу от леса.

Во время боя Александр ушел

от своих на сотню метров вперед и теперь оказался далеко позади бегущих к лесу товарищей. Машина близко, а до первых елей несколько сот метров... Добежать, во что бы то ни стало добежать! Сейчас машина отрежет путь, и он, Александр Дзюба, — пленный.

Чтоб позор на всю роту?.. Ну уж, нет! Собрав остатки сил, Александр на последнем дыхании одолел метры, оставшиеся до леса.

Оценка действиям разведчиков в тылу «противника» была дана самая высокая. Снова говорили о лейтенанте Васькине, о том, как он без раздумий принял бой. И еще одна фамилия повторялась из уст в уста — сержанта Дзюбы: уйти от преследования на «своих двоих» с полной экипировкой — такого еще не было в части. Находились и такие, что сомневались: конечно, Дзюба отличный спортсмен, но чтоб уйти от машины...

Вскоре пришлось поверить и скептикам, потому что нашелся очевидец... В соседней части проходили отборочные соревнования на первенство округа по вольной борьбе. Во время одной из тренировок к Александру подошел незнакомый сержант:

— Эй, дружище, не тебя ли гоняла «бээмдешка» по торфянику?

— Ну, меня. А что?

— А то, что я вел машину-то... Ребята из-за тебя, черта, теперь прохода не дают. — И он от души рассмеялся: — Оплошал я с тобой, ой, оплошал...

Проводы увольняемых в запас всегда событие. Статные парни, настоящие мужчины, стоят на плацу, где в свое время постигали азы армейской службы. Трое — даже знаменитости: они принимали участие в съемках фильма «В зоне особого внимания». А вот одного из них и сейчас выделишь в общем бравом строю — до сих пор он производит впечатление необструганного новобранца...

Гвардии ефрейтор Марченко. Вряд ли о нем долго будут помнить в части. Войн как войн, сотни таких. Зато надолго запомнит его Александр Дзюба, не раз сводила их вместе солдатская судьба. Марченко из старослужащих; однако за всю службу так и не было у него бравой выправки, какой умеют щегольнуть десантники, показной удалости. Марченко всегда был не по-солдатски нетороплив, даже чуток неповоротлив: штопал ли гимнастерку, укладывал ли парашют или пропускал над собою танки.

Александр привык чувствовать на себе внимание окружающих. Так было на гражданке, когда он учился в профтехучилище, и позже, когда пришел работать на орский Южуралмашзавод. Неплохо учился, отлично работал, делал успехи в спорте. К призыву в армию был уже кандидатом в мастера спорта по вольной борьбе. К товарищам по работе относился, быть может, с некоторым снисхождением: вроде не всем вам дано столько достоинств. Бригадир Абузьяров нередко говаривал ему:

— Всем ты, парень, хорош. Вот с людьми бы тебе попроще...

Словам бригадира Александр не придавал никакого значения.

В части авторитет его тоже все сразу признали. Точнее, почти все. Совершенно равнодушно, отнесся к появлению в роте нового сержанта, к его славе и спортивным победам, пожалуй, единственный человек — Марченко. И это было неприятно Александру.

Неприятность возросла после учебных стрельб. Результаты ефрейтора Марченко были блестящими, и каждый считал нужным поздравить товарища. Не мог не подойти и Александр.

— Да что там, — отмахнулся Марченко, — белке в глаз с пятидесяти шагов бью без промаха. Хочешь, научу?

Не похвальба это была. Сказал, как об обычном. Марченко прибыл из таежной Сосьвы, что в Тюмени,

где работал промысловиком-охотником.

Но Александра заело. Молодецкий эгоизм: кто-то лучше тебя есть...

— Спасибо, уж как-нибудь... — процедил сквозь зубы Дзюба.

В тот зимний вечер их отдых прервала сирена. Вскоре они уже были в самолете, а еще спустя некоторое время опустились на небольшую площадку, стиснутую со всех сторон лесом. Им предстояло до рассвета совершить пятидесятикилометровый бросок.

— Дзюба, замыкающим!

— Есть замыкающим!

Быть замыкающим доверяется только крепким и выносливым.

Самой трудной оказалась вторая половина пути. И еще пошел мокрый снег... То один, то другой десантник отставали от группы. Кто-то, пошатываясь, подошел к дереву и обнял его.

— Браток, — Александр тронул вздымающиеся плечи солдата. Тот обернулся. Карманный фонарик высветил конопатое лицо ефрейтора Марченко. — А ну, не отставать!

Марченко, ни слова не говоря, поправил ремень автомата и тяжело затопал сапогами. Осилит он всего несколько метров и снова остановился.

— Вперед! — уже со злостью кричал на него Дзюба.

— Я сейчас... Отдышусь чуть... Я догону.

— Иех, аника-воин... Дай сюда автомат, и вещмешок тоже. Теперь — вперед!

К цели вышли вовремя. Марченко молча принял от сержанта автомат и вещмешок и так же молча отошел в сторону.

Потом их вместе назначили в дозор: сержанта Дзюбу, рядового Антонова и ефрейтора Марченко.

Они вышли к быстрой крутобережной речушке, вышедшей о большие черные валуны. Перехода не нашли, зато выбрали к полуразрушенному деревянному мосту. Антонов и Марченко, не рискуя переходить его по нескольким оставшимся бревнам, спустились с высокого берега и вошли в ледяную воду.

Александр досадливо плюнул им вслед и шагнул на бревно. Ему оставалось пройти совсем немного, когда сапоги вдруг соскользнули с мокрого бревна, и он потерял равновесие. Успел ухватиться за металлическую скобу. Ситуация возникла серьезная. Будь налегке — подтянулся бы, выбрался. Вниз тоже не прыгнешь — почти восьмиметровая высота, валуны в воде.

— Потерпи, сержант, я сейчас!

Александр увидел ползущего к нему по бревну Марченко. Тот был босиком. Разулся, чтобы не соскользнуть. Еще немного, и цепкие, жилистые руки ефрейтора подтянули его вверх.

На берегу Марченко обулся, достал помятую пачку сигарет и, словно ничего не произошло, чиркнул о коробок спичкой.

...Демобилизованные на плацу отшагали прощальный торжественный марш. Все. Команда «вольно!».

Александр протолкался через десантников, плотным кольцом обступивших уходящих в запас, и подошел к Марченко.

— Домой, значит?

— Домой.

— Ну... Так ты пиши.

— Ты тоже.

— Отслужу — приезжай в гости.

Степи наши покажу, с родителями познакомлю.

— Нет, сначала давай ты ко мне.

Тайги, небось, никогда не видел?..

— Спасибо, Марченко. Всего тебе!

— Не поминай лихом, сержант...

В часть прибыло пополнение. Старослужащие солдаты уже были тут как тут. Каждый надеялся встретить земляков: «Москвичи есть?», «С Новосибирска — никого?..» «Не с Ташкента, случайно?»

Не усидел и Александр. Наугад тоже бросил:

— Оренбуржцы имеются?

— Е-есть!

— Откуда?

— Орские...

— А ну, давай сюда, орские!..

Десятка два молодых десанников обступили сержанта Дзюбу. И пошло! Смех, дружеские рукожатия, расспросы...

Один из солдат, грудь которого украшал знак парашютиста-спортсмена с жетоном «90» — количество совершенных прыжков — показался Александру знакомым. Где-то встречал этого худощавого улыбчивого парня.

— По-моему, виделись мы с тобой раньше, а?

— Так мы ж с тобой... виноват, товарищ сержант, так точно, виделись. Мы с вами в одном цехе работали. Только у разных бригадиров: вы у Абузярова, я — у Ефименко. Наши бригады соревновались, если помните.

— Стоп, не Есин твоя фамилия?

— Так точно, Есин.

Александр Есин из учебного центра пришел старшим стрелком. Зачетные стрельбы провел на «отлично». В десантные войска попал не сразу: ему не хватало двух сантиметров роста... Но Есин на сборном пункте добился-таки своего — учли его отличное здоровье, девятносто совершенных прыжков и, главное, стремление служить в десантных войсках.

Разговоры, разговоры... О брига-

де, о родном городе. И, конечно, о службе.

Не секрет: первыми идут на противника ракеты, вторыми — десантники. Они могут оказаться в сложнейшей оперативной обстановке, и действовать, может, придется в полном отрыве от своих. Здесь без мужества и чувства товарищества пропадешь.

...Гвардии рядовой Анатолий Колесник приготовился к прыжку. В этот день он намеревался встретить свое девятнадцатилетие под куполом парашюта.

По привычной команде «Пошел!» Колесник оттолкнулся от люка. В это время в другом потоке прыгнул гвардии рядовой Сергиенко.

Отсчитав положенные пять секунд, Колесник рванул вытяжное кольцо. Неожиданно сильный порыв бокового ветра бросил десантника в сторону. И тут он почувствовал под собой что-то упругое. Глянул вниз и... Он стоял на перекле чужого купола. Это был парашют Сергиенко. Помятая инструкция, Колесник попытался оттолкнуться, однако соскользнул не в сторону, а в стропы, которые моментально оплели его ноги. Парашют Анатолия стал вытягиваться и гаснуть. В довершение беды потоками воздуха десантника перевернуло вниз головой.

Мгновенно оценив обстановку, Сергиенко рванул кольцо запасного парашюта. Но и запасной, не успев наполниться воздухом, был отброшен ветром на погасшие купола двух основных парашютов. Стремительно приближалась гудящая земля: уже различимы кустарники, видно, как к площадке приземления мчится санитарная машина...

Собрав все силы, Анатолий одной рукой подтянулся на стропе, а второй вырвал кольцо своего запасного парашюта. Купол раскрылся мгновенно, а в следующий миг десантника встретила земля.

Позже этот случай опишет газета «Красная звезда», а представитель отдела воздушно-десантной подготовки ВДВ даст оценку этому факту: «Случай относится к категории редчайших... Причиной схождения парашютистов явилась ограниченная видимость ввиду густой облачности и сильные боковые потоки воздуха. Счет шел буквально на мгновения».

Об этом случае рассказал землякам Александр Дзюба. Польщенный вниманием, с которым его слушали, хотел рассказать еще и о ефрейторе Марченко, но заметил стоящего за спинами солдат политрука Ермакова...

— Встать, смирно! Товарищ...

— Отставить, сержант, все слышал. Продолжайте!..

КОРАБЛИК

**Владимир
КАРПОВ**

*Рисунки
Ю. Калмыкова*

Мальчик сидел у лужицы и пускал кораблики. Постороннему человеку кораблик мог показаться просто щепкой, куском сосновой коры. Но мальчик добросовестно трудился, сооружая его: подстругивал ножичком, даже мачту с парусом сделал — вбил посередине гвоздик и нацепил на него бумажку. Он все сделал так же, как папа. Правда, у папы кораблики получались красивее, лучше, чем в магазине, а у мальчика вышел кривобокий, какой-то обгрызанный, мачта торчала косо, а парус сразу слетел в воду и размок. Но плавал кораблик хорошо. Мальчик пускал его давно, уже замерз, но домой не уходил — дома никого: мама на работе, а папа... Мальчик сидел у лужицы, то куксился, то начинал чему-то улыбаться. В его голове сами собой поочередно оживали две картинки, два случая из жизни.

ВЕЛОСИПЕД

КУПИЛИ...

Он стоял на деревянном прилавке, словно присевшая на мгновение гордая птица. Рама обмотана промасленной бумагой, руль, втулки, обода, спицы лоснятся жидким солидолом.

— Нравится? — услышал мальчик знакомый глуховатый басок откуда-то сзади.

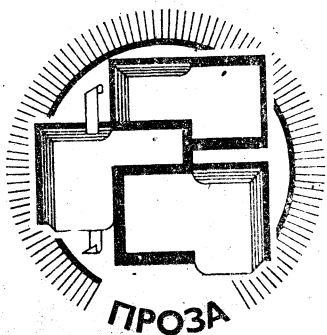
— Нравится, — тихо, почти бездыханно ответил он.

Из-за спины его, сверху, потянулись руки в клетчатых, закатанных до локтей рукавах. Крепкие пальцы обхватили сиденье и руль. Велосипед оттолкнулся от прилавка двумя своими колесами и опустился перед мальчиком.

— Придется купить. Именинник сегодня он у нас. Четыре года!

Женщина-продавец смотрела, улыбаясь, проникаясь счастьем покупателей.

На улице, прямо у входа, у деревянного крыльца отец содрал бумагу с рамы, скомкал,

обтер покрытые смазкой части велосипеда, бросил мазутный ком в урну. Поискал глазами вокруг, достал носовой платок и еще раз тщательно протер велосипед. Сынишка стоял рядом и, выпучив глазенки, неотрывно следил за работой. Отец закончил. Туда же, в урну, кинул платок, вышел с велосипедом на асфальтированную дорогу, поставил его и приказал неотступно следовавшему сыну:

— Садись.

Мальчонка мигом забрался куда следует.

— Держи руль крепче.

Отец покатиł сына, подталкивая велосипед под сиденье. Мальчик сидел уверенно, с усердием давил на педали. Отец ускорил шаг, побежал и вдруг с силой толкнул велосипед, оставив сына без поддержки. Мальчик восторженно вскрикнул, вильнул рулем, но не упал. Он, видно, даже не заметил, что остался один. Дорога шла на спуск, велосипед катился все быстрее, педали мелькали, их уже не нужно было крутить — они сами поднимали ноги. Мальчик сжался, напряженно вцепился в руль: он только понял, что едет без помощи. В испуге заплакал.

Отец, смеясь, легко догнал мчащийся велосипед, на бегу повернулся вполборота к сыну, не обращая внимания на его плач, радостно закричал:

— Молодец, Вовка! Молодец! Сам едешь, сам!

Почувствовав опору, застыдившись своего малодушия, мальчик всхлипывал через нахлынувший восторг. Все еще испуганные глаза светились победой: сам едет, сам!

Ноги работали задорно. Приближался перекресток. Отец на всем ходу схватил велосипед с сыном, пробежал по инерции несколько шагов и остановился. Глядел на сына и громко, на всю улицу говорил:

— Вот это по-нашему! Раз — и поехали! Вот сейчас мать удивим! Купили велик и ездить умеем!

ПАПУ

ПРОВОДИЛИ ...

В вагоне, старом, прокопченном, с деревянными потемневшими полками, не людно. На одной из полок, упершись руками в липкое дерево, сидит мальчик. Рядом с ним женщина. Лицо ее несколько изъедено оспой, волосы сплетены в косы и уложены венком вокруг

головы; толстоватые губы, какие бывают обычно у людей добрых, слабо улыбаются; большие темно-карие глаза внимательны и умны — такие редко бывают веселыми, но не выдают они и горя, в них полнота, сила, какое-то внутреннее нежелание выплескивать душу по пустякам.

Мать для столь маленького сына старовата. Над ними в зеркале мелькает клетчатая спина. Спина исчезает, появляется серый зад, наконец лицо. Оно возбуждено и тоже немолодое. Однако движения отца бодрые, резкие, не молодые даже, а молодецкие. В руках у него бутылка лимонада и кружка. О металлическую кромку стола сорвал пробку, налил лимонад в кружку, подал сыну.

— Вот и выпьем за отъезд, — сделал несколько глотков из горлышка.

В поезде лимонад вкуснее: сын причмокивал, глазенки — поверх кружки — с интересом оглядывали купе.

— Что, Севастьян, не узнал своих крестьян, со мной охота?

Сын улыбнулся, ничего не ответил.

— Сейчас нельзя. Вот поеду, осмотрюсь в теплых краях, тогда и вы приедете.

Мать как-то сконфуженно опустила глаза, торопливо поправила сыну треугольный чубчик. Отец это заметил, точнее, просто отметил, поерзал глазами и полез поправлять чемодан, которому вроде не с чего было сдвинуться. Садясь, глянул недобро на жену, уставился в окно.

Мальчику теплые страны представлялись очень красивыми, похожими на павлина, которого он видел в приезде зверинце. Они туда ходили втроем, и папа говорил, что павлины живут в теплых странах...

— Нигде, собаки, без пьянки обойтись не могут! — отец, заинтересовавшись, даже привстал.

Сын тоже посмотрел в окно, но увидел лишь ветви деревьев да небо, посеревшее от грязного стекла.

Мальчик все держал и держал пустую кружку в руках и почему-то боялся поставить ее, пошевелиться.

Отец вдруг повернулся и выпалил:

— Что? Думаешь, я совсем хочу уехать?! Сказано: огляжусь — вызову, — пробуровив жену взглядом, добавил: — Что молчишь?

— Что говорить, Саша? Вызовешь — приедем.

— Нет, ты, дура, думаешь: не вызову! И этого балбеса научила! Сидит, воду дует, слова не добьешься!

Мать привычно молчала, не нервничала, но думала, видно, о чем-то тяжелом.

Мальчик осторожно поставил кружку на стол, насупись. В последнее время он привык

к ругани отца, но эта была какой-то непонятной.

— Нам, наверно, уже пора, — несмело сказала мать.

Как бы в подтверждение слов поезд дрогнул.

На перроне стоял мальчик. Его держала за руку женщина чуть выше среднего роста, среднего сложения. В пыльном окне торчало лицо отца. Женщина посматривала то на мужа, то вдоль вагонов, то куда-то вниз: время для нее шло мучительно долго.

Поезд фыркнул, тяжело задышал. Мальчик смотрел на шевелящиеся немые губы отца, улыбнулся смешно сплюсненному о стекло носу.

Поезд уходил...

Кораблик утыкался в противоположный берег. Мальчик обходил лужицу, приседал и снова отправляя кораблик в плавание. Две картинки, два случая из жизни оживали, но никак не соединялись, не смыкались в его голове.

И совсем уж он ничего не знал о том, что картинки эти будут оживать через пять, десять, двадцать лет... Они будут оживать всю жизнь, но так и останутся несоединенными.

УСЛЫШАТЬ ЗВУКИ МАРАКАСА...

**Юрий
РЯЗАНОВ**

Рисунок
В. Малюковича

В заметке о создании музея «Уральского следопыта», опубликованной в № 9 нашего журнала за 1979 год (Д. Часов «Оставить след, продолжить память...»), говорилось, что некоторые экспонаты прибывают из журналистских командировок.

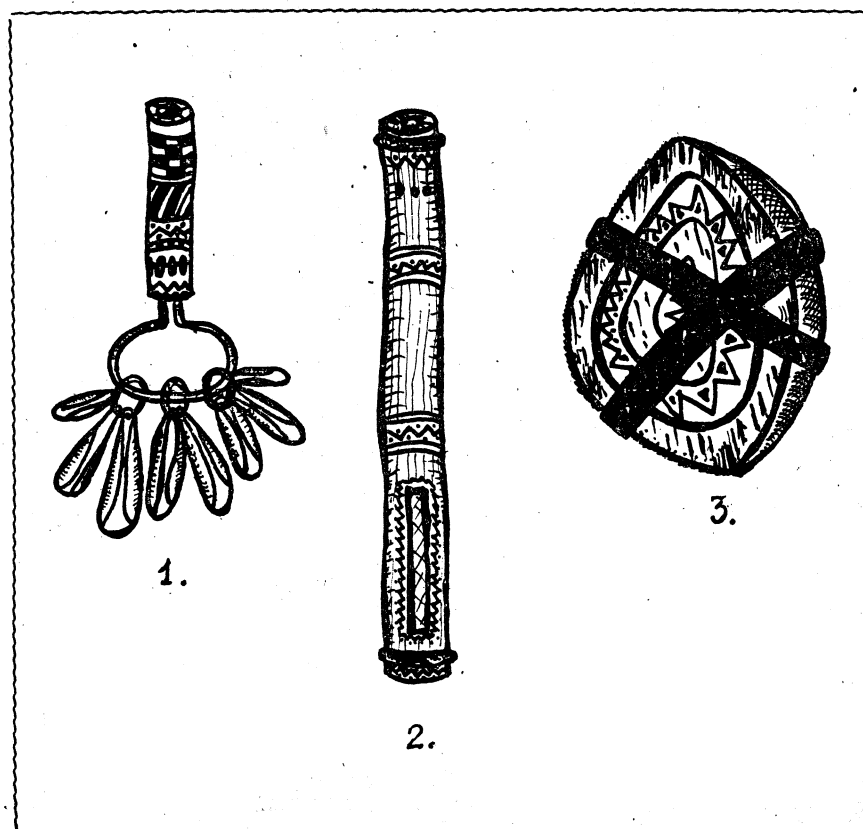
Вот и из этой командировки в самую отдаленную область нашей Родины — на Камчатку — я вернулся с сувенирами для журнала.

Не во всяком минералогическом музее, не говоря о других, увидишь минерал, который называется «гейзерит». Чрезвычайная редкость его обусловлена тем, что образуется он

из осадков выбрасываемых из жерл гейзеров потоков.

Внешне ничего особенного, будет лежать на дороге — внимания не обратишь: белый, с сероватым оттенком камушек. А ведь он свидетель грандиозных, даже страшных картин, когда из земной утробы через определенные промежутки времени, с невообразимым ревом выбрасываются на десятки метров ввысь потоки кипятка и клубы пара — явление совершенно уникальное.

Могут спросить: какая же это невидаль, если из гейзерита состоит целая долина, там его, поди, экскаватором грузи?

В том-то и дело, что гейзерит составляет как бы стенки немногочисленных колодцев, из которых бьют потоки и пар.

Одна из причин, как мне объяснили на Камчатке, закрытия свободного доступа в Долину гейзеров — неумное желание некоторых туристов прихватить на память кусочек гейзерита. А ведь крошка за крошкой — и гору можно растащить...

Вообще-то, Долина гейзеров состоит из различных веществ, в том числе из красных глин разных оттенков. И образец этой глины, как и гейзерит, и коллекция других минералов с Камчатки представлены теперь в следопытском музее. Здесь минерал в кварцевой породе, вулканическая порода подводного образования, обсидиан, глинистый сланец, вулканическое стекло, или пермит, пемза с вулкана Авача...

Кстати об Авачинском вулкане. О нем знает каждый школьник. Но одно дело рассматривать фотоснимок в книге, совсем другое — оказаться рядом. Авачинский и Корякский вулканы нельзя не увидеть, побывав в Петропавловске-Камчатском. Впечатление, которое производят эти два великана на прибывающего в аэропорт, едва ли возможно высказать словами.

Старожилы Камчатки постоянно дивятся бесконечно меняющимся оттенкам Авача и Коряка. Посмотрев на вершины вулканов, любой петропавловец с абсолютной точностью предскажет, какой будет погода.

Еще более разнообразна зоологическая часть коллекции с Камчатки: разные по форме и расцветке раковины из Авачинской бухты, перламутровые раковины из района Командорских островов, пяти-шестилапые морские звезды, морской еж...

Один из экспонатов — рог дикого снежного барана. Это животное сейчас на Камчатке встречается редко. Рог, судя по виду, принадлежал старому самцу.

Неплохая этнографическая часть коллекции — музыкальные инструменты коренных жителей региона — камчадалов, алеутов, ительменов и коряков. Старший научный сотрудник Камчатского областного краеведческого музея В. Н. Малюкович подарил музею из своей личной коллекции корякский конконпиль, ительменский коун, алеутский маракас и камчадалский рожок.

Получая их в дар, я поинтересовался, как эти дудочки и погремушки к нему попали.

Рассказ его передаю почти словно.

— Поезжай-ка в тундру к чавчувеным, много интересного там увидишь, — посоветовал мне однажды директор крупного оленеводческого совхоза «Пенжинский», что в Корякском автономном округе, Григорий Данилович Яковенко.

Чавчувены в переводе на русский язык — оленные люди, то есть оленеводы.

И вот неторопливая беседа у костра — о кочевке, о каюю (телята оленух), которым очень трудно идти по каменистым тропам и через перевалы, о повседневных заботах, которыми заполнен весь день чавчувенов.

— Можно начинать праздник, — говорит бригадир Нутэлкут чумработнице Нуталле (с корякского языка — Мать тундры), уже немолодой приветливой женщине. — Гость нашу музыку хочет слушать.

Это он обо мне.

Оленеводы — очень гостеприимный народ, и меня они встретили радушно, как родного.

Маленький, на низких ножках, столик Нуталля оставила самым вкусным, что нашлось у чавчувенов — сушеным мясом, юколой (вяленая рыба), галетами, туесами с моршкой и жимолостью, маслом.

Своеобразный концерт начинает бригадир. Он берет бубен, и по тундре разносится песня. Нутэлкут поет о том, что соскучился по своей жене и детям, особенно — о самом маленьком, пятилетнем Камаке.

Все пять человек — пастухи и хозяйка походной яранги — танцуют под эту песню, сопровождаемую ритмичным грохотом большого бубна, звоном колокольчиков, стальных колечек. Гудит толстая струна, натянутая на обруч бубна, дробно стучат большие алые бусы...

Вдруг к мелодии примешались какие-то скрипучие звуки, напоминающие кряканье утки, и другие — похожие на посвист кулика. Это молодой пастух Дима Чечулин пополнил оркестр двумя незамысловатыми инструментами. Один из них — типичный для коряков व्यопчаг (сви-рель), сделан из полярной ивы. А другой, реже встречающийся, рожок из древесной коры, свернутой спирально и заканчивающейся расщепленным пером чайки. Это своеобразный манок, он употребляется и для охоты на птицу.

Манок был широко распространен в Сибири и на Северном Урале. Такую же большую известность имел и рожок. Им пользовались ханты и манси.

Обычно после окончания концерта эти музыкальные инструменты сжигались коряками в ритуальном костре, а для следующего праздника делались новые.

Нутэлкут, подаривший мне рожок и व्यопчаг, так объяснил этот странный древний обычай. Считали, что во время праздника в инструменты забивалась, загонялась всякая нечистая сила. Ее-то и уничтожал всеслышный огонь.

— Да, инвнты, — рассмеялся бригадир, — так старики раньше нечисть называли. Обычай сжигания

кое-где и сейчас сохранился, по традиции. Так что вместе с дудками, считай, ты себе взял все несчастья, которые в них набились.

...На раскрытой ладони Малюковича лежит раскрашенная ракушка, стянутая резинкой.

— Что это? — спрашивает он с хитрецей. И поясняет: — Из раковин моллюсков, украшенных рисунками народного орнамента, командорские алеуты изготавливают так называемые маракасы: в двустворчатые раковины помещают небольшие камешки.

Звуку ветра, крику зверя или птицы, всплескам мягкой речной волны и грохоту морских валов подражают коренные жители Камчатки голосами своих инструментов.

В. Н. Малюкович горячо верит, что в ближайшее время будет создан ансамбль музыкальных фольклорных инструментов народностей Камчатки.

— Тогда я пришло в ваш музей магнитофонную ленту с записью выступлений ансамбля, и посетители не только увидят музыкальные инструменты с далекого полуострова, как его считали — края земли, но и услышат их.

На рисунке:

1. Конконпиль корякский,
2. Коун ительменский,
3. Алеутский маракас.

Спутник Арсеньева

**Валерий
МОГИЛЬНИЦКИЙ**

Рисунок
В. Сысоева

Большую часть своего успеха я отношу к примерной самоотверженности и честной службе солдат и казаков, бывших со мной в путешествиях. Мне не только не приходилось их пропускать или подбадривать, а наоборот, приходилось останавливать из опасения, что они надорвут свое здоровье. Несмотря на лишения, эти скромные труженики терпеливо несли тяготы походной жизни, и я ни разу не слышал от них ни единой жалобы.

В. К. АРСЕНЬЕВ. Из предисловия автора к первому изданию книг «ПО УССУРИЙСКОМУ КРАЮ» и «ДЕРСУ УЗАЛА».

Я приехал в Таганрог на студенческие каникулы к своей тете и почти все дни проводил на диком пляже, у залива. Пляж был тихим и скучным. Сюда, как правило, приходили пожилые отдыхающие. Неподалеку от меня расположился незнакомый старик. Был он высок, худощав и сед как лунь. Все на нем — фуражка, залатанная куртка и брюки — было потертого серого цвета. Старик часами лежал неподвижно в тени старой акации и читал книжку в зеленом переплете. Я подплывал к берегу, громко фыркая, чтобы он обратил на меня внимание, но старик был на редкость сосредоточенным человеком. Только один раз он оторвался от страниц и его лицо посветлело. Это произошло, когда на пляж по деревянной лестнице сбегала моя младшая сестра Тамара. Он неожиданно спросил ее:

— Скажите, вас зовут Анна?

— Не угадали, — игриво ответила она и пожала плечами. — А что?

— Так просто, — ответил старик. — Знал я одну женщину, она очень была похожа на вас в молодости. Ее звали Анна.

На песчаную отмель сели чайки. Одна из них смело подлетела к нам.

— Знаете, давайте кормить чаек! — нарушил молчанье старик.

— Как это кормить? Голуби они, что ли? — опять удивилась Тамара.

— А вы смотрите!.. — Чайки жадно проглатывали щепотки хлеба, которые бросал старик. — Вы уж меня извините, но вот перечитываю книги Арсеньева, вспомнилось. Я ведь у Владимира Клавдиевича в конно-охотничьей команде служил, бывал у него в гостях... Это жена его, Анна Константиновна, очень похожа на вас, — старик повернулся к

Тамаре. — Такая же белокурая, кареглазая.

С этого все и началось. Слова старика тронули какие-то потаенные струнки моего сердца.

Его звали Василий Иванович, фамилия — Комаров. Он так же, как мы, приехал в Таганрог всего на одну неделю — погостить у своего сына Николая.

— Зауссурийский край — это древняя загадочная страна. Кто туда попадет, тот свой клад найдет! — говорил Комаров и с любопытством поематривал на меня через книжку. — Не будь я так стар, давно бы опять поехал в страну Арсеньева! Тем более, что там осталось немало неразгаданных тайн, связанных с именем капитана.

Родился Василий Иванович Комаров в Матвеево-Курганском районе в 1883 году. С 1904 года на Дальнем Востоке, вначале служил во Владивостоке в одной из конно-охотничьих команд, а затем — в Хабаровске, в 23-м стрелковом Сибирском полку. Во Владивостоке он впервые увидел офицера Арсеньева, который в то время командовал конно-охотничьими отрядами, сведенными в разведывательный батальон.

Однажды Комаров прогуливался вдоль Амурского залива. На одной из лодок он увидел солдата-татарина, который полоскал рот морской водой.

— Зачем ты это делаешь? — спросил его Комаров.

— Не видишь, лечусь, — хрипло ответил тот. — В воде полно йода, а у меня горло простужено. Должно помочь. Так мне посоветовал хозяин.

Солдат Исаков был денщиком капитана Арсеньева.

Уходя с берега, он сказал:

— Долго не гуляй сегодня. В крепости будет вечером беседа капитана, вот и приходи, услышишь его...

Так Комаров стал другом Арсеньева. Узнав о желании донского казака путешествовать, Арсеньев стал брать его с собой. К сожалению, вскоре капитана Арсеньева перевели в Хабаровск, в штаб Приамурского военного округа. Уезжая, Владимир Клавдиевич пообещал Комарову добиться и его перевода туда. И вскоре молодой солдат был переведен в Хабаровск. Трудов это стоило немалых, потому что Арсеньеву пришлось хлопотать у самого генерал-губернатора Гондатти.

С 1905 года Арсеньев начал готовить к большой экспедиции. В то время он много писал — о тайге, зверях, описывал субтропические ливни и ход кеты по рекам... Эти маленькие новеллы он печатал в книжных и журнальных издательствах Москвы, Петербурга, Владивостока, Иркутска. Подписывал он их псевдонимом, так как тогда считалось предосудительным офицерам действительной службы заниматься литературой.

С лета 1907 года начались длительные походы Арсеньева по Уссурийскому краю, в которых принял участие Комаров.

В дни подготовок к путешествиям в доме вспоминали дни былые. Тогда в дом пришла и скорбная весть о гибели Узала.

— Я тот день запомнил на всю жизнь, — говорит Комаров. — Весь вечер Владимир Клавдиевич доставал фотоснимки Дерсу, которые делал сам, перекладывал с места на место. А затем сказал: «Надо ехать на Корфовский каменный карьер, не может быть, чтобы убийца не был обнаружен, наказан...»

Дерсу Узала подарил Арсеньеву одну из самых богатых своих плантаций женьшеня в верховьях реки Лёфу — несколько сот корней! Владимир Клавдиевич собирался побывать на плантации, да так и не осуществил свой замысел. И тайна этого клада долго еще будет будоражить умы следопытов. Ведь и поныне не найден план расположения плантации. А что он был, в этом Комаров убежден...

В 1905—1910 годах Комаров был неизменным участником экспедиций Арсеньева. Бывал он с Владимиром Клавдиевичем на Имане, Бикине, ходил вместе с ним в самую изнурительную 14-месячную экспедицию по северу Сихотэ-Алиня.

Как-то отряд пробирался в сопках Сихотэ-Алиня по лазу. Неожиданно тропа настолько сузилась, что двигаться можно было только боком, прижавшись лицом к утесу. У некоторых солдат не выдерживали нервы, когда под ногами срывались камни и с шумом падали вниз, в пропасть. Один из спутников судорожно приник к горячей скале и не двигался. Он настолько испугался, что, казалось, его теперь ничем не оторвешь от утеса.

И вдруг послышался веселый голос Арсеньева:

— Братцы, у меня в рюкзаке корень женьшеня! Кто первым пройдет по карнизам, тот получит его.

Казалось бы, о каком женьшене можно было говорить в эти минуты? Но все дело не в том, что сказал капитан, а как он сказал это...

Было и такое: лагерь окружили голодные белые волки. Страх охватил молодых спутников Арсеньева. Но он нашелся, крикнул:

— Это же просто одичавшие собаки, чего их бояться?

Со смехом солдаты бросились к костру за горящими головнями, схватили их и стали отгонять зверей...

Трогательным было расставание донского казака со своим учителем, старшим товарищем — капитаном Арсеньевым, с его семьей.

— А теперь куда? — спросил Владимир Клавдиевич.

— Домой, — ответил Комаров.

— Отчего на Дальнем Востоке не остаешься?

— Мать у меня на Дону, земля моя кровная там...

— Так береги их, — напутствовал Арсеньев. — Земля и мать одинаково дороги человеку.

В 1914 году Василий Иванович принимал участие в первой империалистической войне, после Октябрьской революции вступил в коммуны, а затем в колхоз. Все годы трудился садоводом. Недавно, на 93-м году жизни Василий Иванович Комаров умер. Ушел из жизни последний соратник Владимира Клавдиевича Арсеньева, его верный участник экспедиций в Приморье...

Слева - Азия, Европа - справа

**Владислав
КАРЕЛИН**

мастер спорта
по туризму

Удивляет меня порой нелогичность людская, даже в серьезных вопросах. Почему две огромные части Америки, соединенные узеньким перешейком, назвали одним именем — материком Америка? И в то же время двум частям огромной суши, соединенным между собой на расстоянии нескольких тысяч километров, дали самостоятельные названия. Европа и Азия! Какие силы соединили их? Где проходит граница между ними? Ученые мужи не одно столетие ведут спор по этим вопросам.

Для меня же ясно другое — Европу и Азию соединяет Урал. Граничка эта имеет ширину от 100 до 300 километров. Есть где разгуляться! Да и сама граница эта — не ровная полоска. Гряда гор, а местами целый веер горных хребтов.

Своеобразна красота уральских речных долин с их прибрежными скалами, говорливыми перекатами, блеском радужного спинного плавника хариуса, выпрыгивающего из воды за комарами; с сочным разнотравьем нагорных лугов, с болотами, усыпанными морошкой или клюквой, и остроконечными вершинами с типичными альпийскими формами рельефа, следниками и снежниками. Все это не зря полюбили туристы, приезжающие на Урал со всех концов страны. Туристы как-то по-своему, с необычными мерками подходят к оценке прелестной природы, «опорный край державы» котируется у них весьма высоко. Недаром на границе Европы и

Азии родилась традиция, подобной которой нет в стране. Слетам Дружбы туристов на границе Европы и Азии десятки лет, нынче у них тридцатилетний юбилей.

А начиналось все зимой 1952 года. В то время свердловский туризм набирал силу. Городская секция вела оживленную переписку. В одном из писем студенты Московского высшего технического училища сообщали о своем желании совершить путешествие на лыжах по Среднему Уралу. Свердловчане посоветовали пройти маршрут, связанный со сказаниями П. П. Бажова. А в конце письма предложили встретиться у столба на границе Европы и Азии, что стоит на 42-м километре Московского тракта около города Первоуральска.

И вот в морозное первое воскресенье февраля 1952 года у обелиска «Европа — Азия» состоялась встреча. Свердловчане из педагогического, политехнического и горного институтов принимали друзей — москвичей и челябинцев. Всего-то три десятка человек и присутствовало. И под вечер, прощаясь у обелиска, договорились встретиться на этом же месте через год — в первое воскресенье февраля. Эта встреча и была началом массовых, в будущем традиционных туристских слетов на границе Европы и Азии. Они — теперь старейшие в стране, из тех, что стали регулярными.

Вот так идея первой встречи, принадлежащая Раисе Борисовне

Рубель, к тому времени у нее уже был 15-летний туристский стаж, воплотилась в жизнь. Сейчас Раиса Борисовна находится на заслуженном отдыхе. Но и на тридцатом слете она принимает рапорт команд, как на первом. Только перед нею стоит не 30 человек, как когда-то, а несколько сот туристов: слет, задуманный ею, живет, ширится.

Стало традицией встречу на слете совмещать с туристским путешествием по Уралу. Благодаря этому туристы из теплых краев нашей страны могли познакомиться с седым Уралом. Уже на третьем слете, посвященном 300-летию воссоединения России и Украины, побывали гости из Харькова, Одессы, Днепропетровска, Запорожья. Потом на Урале побывали туристы Молдавии, Казахстана, Узбекистана, Латвии, Эстонии, Литвы. Когда пойти в путешествие — до слета или после него — дело вкуса. Мне лично больше импонирует такая последовательность: поход — слет.

Поэтому ярче всего вспоминается именно тот, когда мы прибыли на слет сразу из похода.

Зимой 1957 года наша сборная путешествовала на Приполярном Урале. В предыдущем году свердловчане пытались штурмовать Манарагу. Но безуспешно. Мы решили повторить попытку. Полторы сотни километров от реки Косью прошли в морозную — до 50 градусов — погоду на едином дыхании: вперед, к Манараге... И вот наш лагерь —

близ устья реки Ломесь-вож. Метет поземка. Тяжелые облака ползут вверх по долине. Мы сидим у костра, пьем обжигаящий чай. Лица невеселы. Только что вернулись с неудачного восхождения. Мороз, ураганный ветер и снегопад не пустили нас на скальную пилу Манараги. Что же делать дальше? Переждать непогоду, а потом попробовать подняться на вершину? Но сколько дней будет держаться непогода? Два, три, четыре?.. Тогда опоздаем на «Европу — Азию». Сделать выбор — слет или Манарага — было не просто. После второго ведра чая выбрали слет. Из тринадцати городов страны приехали тогда туристские команды. И опять нам в пламени костра чудилась гряда горящих бревен в долине Косью, крутой берег с мохнатыми елями, вой ветра и вдалеке, в дымке — недоступная нам Манарага...

Этот необычный для меня слет я выделяю среди всех других и называю его «Чудо праздничный слет после морозного приполярного похода». Воспоминания о нем яркие и сочны, вероятно, потому, что слет эмоционально окрасился в походные тона и от этого обогатился природными оттенками, обостряющими общее мировосприятие.

Слеты на границе Европы и Азии я всегда воспринимаю как большой праздник, дружбы. С его торжественной церемонией открытия. С его туристскими соревнованиями. С его многочисленными конкурсами. С фотографиями и слайдами. С кинофильмами и туристскими песнями.

Каждый такой слет — замечательный пропагандист и агитатор туризма. Стоит один раз побывать здесь, как какая-то магическая сила повлечет тебя на следующий, и даже в поход по горам и лесам уральским. Посмотришь фотографии, слайды, кинофильмы на встречах — и хочется в городе всем рассказать о виденном: «Посмотрите, горожане, какова уральская природа!» Слет «Европа — Азия» стал основой, базой для ряда туристских мероприятий союзного мас-

штаба. В 1958 году он был совмещен с первым Всероссийским слетом туристов, который позднее стал проводиться регулярно. На встрече 1965 года проводился первый матч 15 городов Советского Союза по туристскому ориентированию, которое затем стало самостоятельным традиционным видом соревнования.

На интересных слетовских трассах всегда идет острая спортивная борьба. Попасть в призовую тройку не так-то просто. В личном первенстве, например, за все годы дважды победителем не становился никто — так велика конкуренция! Среди командных победителей чаще всего были свердловчане. Но вкус победы познали и туристы Перми, Куйбышева, Москвы, Нижнего Тагила, Ленинграда, Новосибирска, Риги, Красноярска.

И немного о том, «что такое хорошо и что такое плохо».

Много команд выступает на слете. Иногда более сотни. Это хорошо! Но вот реже встречаешь ветеранов. Некому рассказать о первых походах и встречах. Может быть, следует дать возможность соревноваться на слете и ветеранам, в своей отдельной возрастной группе?

Много стало соревнований. За последние годы проводятся и соревнования по тактике. Это хорошо! Но эти спортивные состязания занимают до 90 процентов всего слетовского времени. Некогда рассказывать участникам о туристской общественной работе. Нет времени поговорить о туристских маршрутах по Уралу, его возможностях и достопримечательностях. Может быть, следует спортивную часть слета проводить в один день? А на другой день пусть проходят конкурсы, обмен опытом туристской работы и т. д.

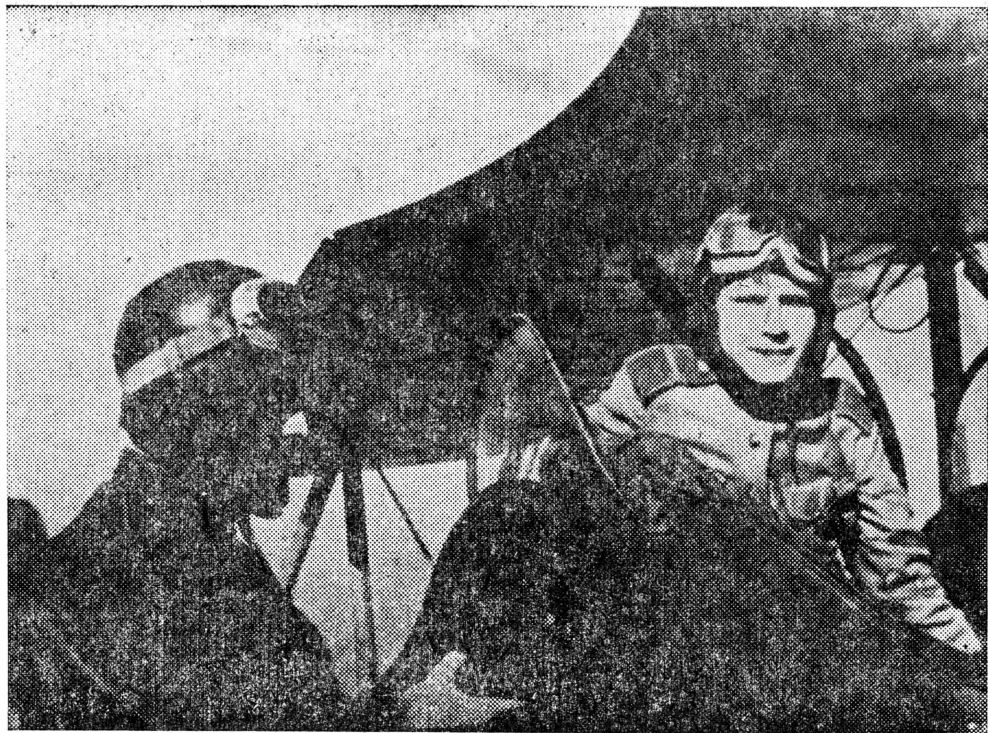
Есть команды коллективов физкультуры, есть сборные команды, но не стало на слетах команд, которые в слетовском составе совершили бы туристское путешествие до или после слета. Сейчас приезжают в основном команды, которые формируются специально для участия в соревнованиях. А вот

смогут ли слетовские команды путешествовать в таком составе по Уралу? Могут ли они вообще рассказать о своем походе по Уралу? Когда они последний раз вместе путешествовали? Может быть, следует в отдельном зачете разрешить участвовать в слете туристским группам, которые перед традиционной встречей или сразу после нее совершают путешествие?

Много проводится различных конкурсов, это хорошо! Но вот в конкурсной программе недостаточно находят отражения непосредственно сами путешествия, в том числе и по Уралу.

Какие тектонические силы соединили воедино Европу и Азию, я так и не дознался до сих пор. Но точно понял: туристов Европы и Азии объединяют общность взглядов, интересов и увлечений, теплота задумчивой туристской песни да сила туристской дружбы. А выражаются все они на границе Европы и Азии — на Уральском туристском слете.

Пятнадцатилетний

ас

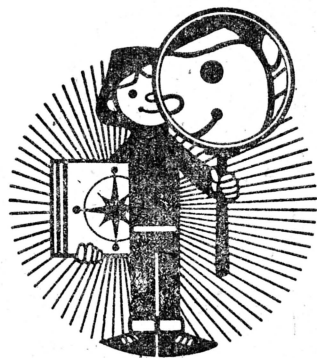
Художественный широкоэкранный фильм «И ты увидишь небо» посвящен отважным летчикам, их беспримерным подвигам в дни войны. В основу сценария взяты эпизоды из жизни семьи Героя Советского Союза Николая Петровича Каманина. Главный герой картины — Аркадий Каманин, воевавший вместе с отцом с четырнадцати лет.

15-летний военный летчик А. Каманин был награжден тремя боевыми наградами. Фильм «И ты увидишь небо» воскрешает в памяти подвиг юного героя.

На снимках: Аркадий Каманин в жизни и в кинофильме Свердловской киностудии.

Б. ЗЕЛИЧЕНКО

МИР

НА ЛАДОНИ

Первые чернила

В Ленинградском университете есть уникальные рукописные книги, написанные 800—900 лет назад. Красивыми чернилами выведен «Куллият» — сборник древних поэтов Востока, ему 650 лет. А миниатюрному корану, размером со спичечную коробку, скоро исполнится 900 лет. Совсем молодо выглядят ценная историческая рукопись «Победа в Сирии», сочинение Сайфузафара Бухарского «Жемчужина бесед» и другие памятники народов Востока.

Все эти книги написаны соком галлы — нароста, встречающегося на дубе. Из галлы получали стойкие красивые чернила. Уродливые плоды до 15 миллиметров длиной использовались для производства красивых чернил и в странах Европы, пока на помощь не пришла химия. Галлов несколько видов. Растут они не только на дубе, но и на некоторых других деревьях.

В. ПЕТРОВ

Удобно и безопасно

В Англии создан скафандр, в котором водолаз может работать на глубинах до 610 метров. Скафандр снабжен замкнутой системой жизнеобеспечения и рассчитан на 14 часов работы под водой. В этом скафандре можно быстро подниматься на поверхность, так как декомпрессии не требуется. Изготавливается он из алюминиевого сплава.

В. ИВАНОВ

Топорная работа

Наши предки к такому определению относились совершенно иначе, чем мы. Когда-то на Руси топорная работа была высшим классом плотницкого мастерства. Об этом свидетельствуют многие деревянные постройки двух-трехвековой давности, сохранившиеся в селах северных областей европейской части страны и на Урале. Старые плотники превосходно знали свойства дерева и умели использовать их наилучшим образом. Для жилых построек, например, отбирались толстые смолистые сосны. Их рубили зимой, когда дерево спит. Тщательно высушивали летом и в сруб клали не как-нибудь, а с расчетом, чтобы северная сторона дерева, имеющая более плотные слои, была повернута наружу.

Особенно славились умением строить дома костромские и вологодские плотники. Их услугами охотно пользовались москвичи и нижегородцы, ярославцы и рязанцы.

Луч в проводе

При диагностике заболеваний нервов и органов зрения одним из эффективных методов является исследование глазного дна. Это очень сложное обследование, оно проводится в затемнении.

В нашей стране создан офтальмоскоп, позволяющий исследовать глазное дно при свете и без расширения зрачка. Это намного упрощает осмотр пациента, повышает точность диагностики.

В основе действия новинки — особый световод, управляющий лучом. Стекланный «провод» состоит из волокон тоньше человеческого волоса, сплетенных в жгут.

А. ШАРАПОВ

Ружье вместо телефона

Автоматическая телефонная связь соединяет все больше и больше городов страны. Это самый быстрый способ передачи бытовой информации на большие расстояния. Разумеется, прежде всего автоматика соединила Москву с Ленинградом. Это традиция: с давних пор придумывались самые разные способы передачи известий между этими главными городами России...

О начале коронации Павла I, например, было решено сообщить в Петербург как можно скорее. Для этого между городами поставили в тот день три тысячи солдат. Первый из них стоял на Красной пло-

щади, последний — в Петербурге, вблизи Петропавловской крепости. Лишь началось торжество, солдаты стали стрелять, и пальба в 640-километровой цепи продолжалась без малого три часа, прежде чем известие достигло берегов Невы.

А в начале нашего века московские велосипедисты устроили эстафету, чтобы возможно быстрее доставить петербургским спортсменам серебряную трубочку с приветствиями. Путь был пройден за 38 часов. Кстати, бегуны тогда же на эстафетный пробег Москва — Петербург затратили 52 часа.

В. КРИВОШЕИН

Плавники взамен глаз

Слепых речных дельфинов, обитающих в Инде, можно, оказывается, спасти. После того, как 170-километровый участок реки стал охраняемой зоной, число пресноводных дельфинов за шесть лет удвоилось. До того же они находились на грани вымирания.

Речные дельфины индийского субконтинента — напоминание о море, некогда покрывавшем территорию теперешних Северной Индии и Пакистана. Примерно в эпоху окончания периода эоцена нынешняя поверхность земли стала медленно подниматься. Мелкие зубатые китообразные, обитавшие до того в морских глубинах, смогли приспособиться к этим изменениям и привыкли к пресной воде. Как у индийских крокодилов, у них вытянулись челюсти, а сами они ослепли. Глаза в мутной воде стали для них лишними, но зато плавники развились в высокочувствительные органы осязания, которые действуют примерно как у летучих мышей.

Как пловцов, этих млекопитающих мало кто может превзойти. Плавают они в течение почти всей жизни против бурного течения Инда или Брампутры. Биологи установили, что пресноводные дельфины спят в сутки всего несколько секунд.

Л. АЛЕКСАНДРОВ

Футбольная команда — брatья Чарльзвордз

Да, все одиннадцать игроков футбольной команды английского городка Скентрип были сыновьями некоего Чарльза Чарльзвордза. Самому старшему из братьев, Алексу, было 43 года, а самому младшему исполнилось 18 лет.

Об этом редком в истории спорта случае писал в начале нашего века русский журнал «Вестник спорта и туризма».

Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Подводный мотороллер

Транспортное средство для водолазов сконструировано в Институте морских исследований в Констанце. Созданный здесь подводный мотороллер весит около 30 килограммов, развивает скорость до шести километров в час и может эффективно работать на глубинах до 40 метров.

Резиновые рифы

Специалисты, научного института рыбного хозяйства в Пенанге (Малайзия) разработали оригинальный проект. В морских водах они построили пять искусственных рифов из старых автомобильных покрышек. Эксперимент дал положительные результаты — в этом районе заметно увеличилось количество рыбы, раков и креветок.

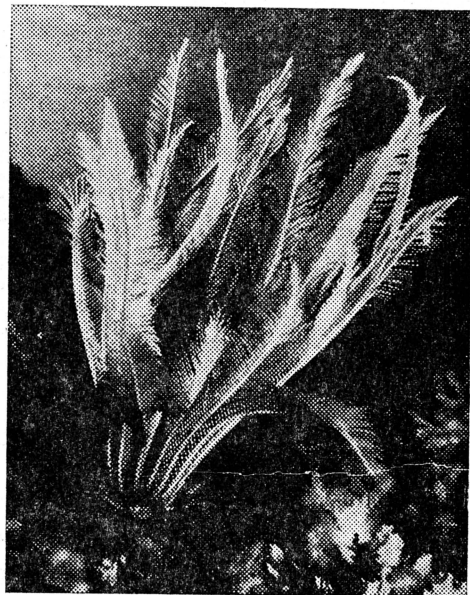
Д. ПЕТРОВ

Поймали статую

Турецкие рыбаки с трудом вытаскивали из моря тяжелую сеть, заранее радуясь большому улову. Каково же было их удивление, когда они обнаружили в сети... хорошо сохранившуюся полутораметровую бронзовую статую. Археологи установили, что возраст позеленевшей статуи атлета — более 2500 лет, а ее создателем был древнегреческий скульптор Поликлет. находка передана в археологический музей в Самсуне.

Еще одну статую выловили недалеко от острова Лимноса греческие рыбаки. Она представляет собой верхнюю часть тела всадника. Как предполагают археологи, это фигура первого римского императора Октавиана Августа. находка имеет большую археологическую ценность, так как бронзовые фигуры этого периода обнаруживали на территории современной Греции очень редко.

А. ДАВИДОВ

Цветок со дна моря

Диковину природы подняли из глубин Северного моря советские ученые — животное причудливой формы тела, похожее на экзотический цветок. Это — один из 630 видов морских лилий, сохранившихся до наших дней. Временами он отрывался от подводных скал, плавал, двигая тонкими веточками-руками, как плавниками. Животное-цветок питается парящими в воде мельчайшими организмами. Его родичи составляют на дне морей и океанов красивые колонии-сады. Из них они то уходят в средние и верхние слои воды, то возвращаются обратно. Лишь отдельные виды — без стебельков, не способные плавать, всю жизнь сидят на одном месте.

На снимке: добытое в Северном море животное-лилия.

В. ИВАНОВ

Не исчезло дерево!

Долгие годы считался исчезнувшим, без остатка поеденным свами, единственный вид деревьев, росший только на острове Пасхи. Но вот любопытное известие пришло из Швеции: в Гетеборгском ботаническом саду удалось вырастить три таких дерева из семян, которые четверть века назад привез Тур Хейердал из путешествия на знаменитый остров.

Л. ГАРЯЕВ

Чтобы племя выжило...

Лет пятнадцать пришлось ждать островитянам этого момента. Невесту и жениха вождь племени благословил на счастливую совместную жизнь. А потом началось празднество с песнями, танцами и обильным угощением. На огне жарились дикie свиньи и куры, ящерицы. В больших котлах бурлила похлебка из рыбы, ракушек и черепашьего мяса.

Все гости желали новобрачным долгой жизни — особенно — побольше детей, потому что иначе не выжить племени, состоящему всего из десяти женщин и четырнадцати мужчин. До следующей свадьбы придется ждать лет десять...

Аборигены Андаманских островов, расположенных в Бенгальском заливе и принадлежащих Индии, находились еще в каменном веке, жили охотой и сбором плодов, когда в конце XVIII столетия участь их решила британская Ост-Индская компания. Европейские поселенцы не

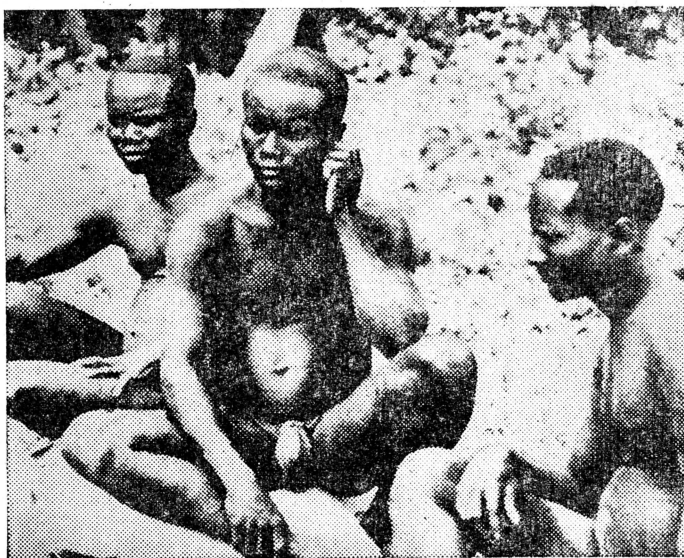

Фото перепечатано из журнала NBJ (ГДР)

только теснили коренных жителей, вырубая леса, но и принесли с собой малярию, грипп, корь и другие болезни. И теперь народу, многочисленному еще столет назад, грозит вымирание. Из двенадцати ветвей андаманцев восьми уже нет. Оставшиеся насчитывают не более чем по 100—200 человек.

Индийское правительство, стремясь сохранить народность, говорящую на необычном, непохожем на другие, языке, переселило остатки самой малочисленной из ветвей племени на небольшой остров, доступ на который открыт только врачам.

Г. ЛЕОНИДОВ

Дом в доме

Экономист с Урала Анатолий Александрович Первушин уже около двадцати лет на пенсии, но все эти годы самозабвенно трудится за домашним верстаком. Он создал за это время около трехсот вещей, которые много раз демонстрировал на выставках и в музее.

Кроме художественных поделок Анатолий Александрович сделал из выброшенных горожанами на свалку новгородных елок несколько водяных мельниц, модели старинного дома и крепостной башни. Немало речек исходил на Урале восьмидесятилетний энтузиаст, чтобы отыскать остатки старых мельниц и плотин и зарисовать их. Так он воспроизвел в миниатюре мельницы двух типов — колотовку и мутовку. Многие ли теперь знают, как грохотали тяжелые песты, размалывая зерно, как крутились жернова. Мельницы Первушина — действующие...

Анатолий Александрович недавно срубил модель Лазаревской часовенки, которая простояла около шести веков в муромском лесу и стала экспонатом в Кижях. Первушин построил в своей домашней мастерской уменьшенные копии одного из первых бревенчатых домов Свердловска и крепостной башни. Ее подлинник был сооружен в уральском селе Торговище и сгорел сорок с лишним лет назад. Однако один добрый человек успел ее зарисовать, а другой вот срубил модель исчезнувшей башни...

Ю. АЛАН

Оперы, которые были потеряны

Известно, что еще до революции были написаны две оперы по мотивам рассказов А. П. Чехова — «Хирургия» и «Антрепренер под диваном». Первую оперу сочинил М. Остроглазов, вторую — И. Прибик.

Эти музыкальные произведения исчезли без следа, хотя их искали в крупнейших библиотеках Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Саратова... И только спустя не-

сколько десятков лет в Одессе в архивах консерватории и профессора ее Н. Покровского были найдены рукописные клавиры потерянных опер.

Оперы «Хирургия» и «Антрепренер под диваном» поставил в 1980 году народный оперный театр Дворца культуры Таганрогского комбайнового завода.

Б. ГАЛИН

Находка у острова Рюген

В Балтийском море близ острова Рюген найдены три судна IX—X веков. Вместимость каждого из них пять-шесть тонн. В трюмах обнаружены 2400 арабских серебряных монет, отлитых в 850 году нашей эры. Эта находка подтверждает, что жившие в то время в этом районе славяне вступали в широкие торговые отношения со странами других регионов.

Л. НАУМЕНКО

На снимках: Анатолий Александрович Первушин рассказывает, как он строил модель конной молотилки, которая стоит перед ним; ложка с вилкой — вырезаны с фантазией; телеги делали в разных краях России по-разному, и Анатолий Александрович мастерит модели телег, строго придерживаясь этих различий; водяная мельница с горизонтальным колесом, установленным внутри мельничного сруба; у модели крепостной башни сделан вырез, чтобы было видно, как с помощью ворота поднимали ведра с расплавленной смолой; очень выразительна голова козла, вырезанная Первушиным с большой жизненной достоверностью.

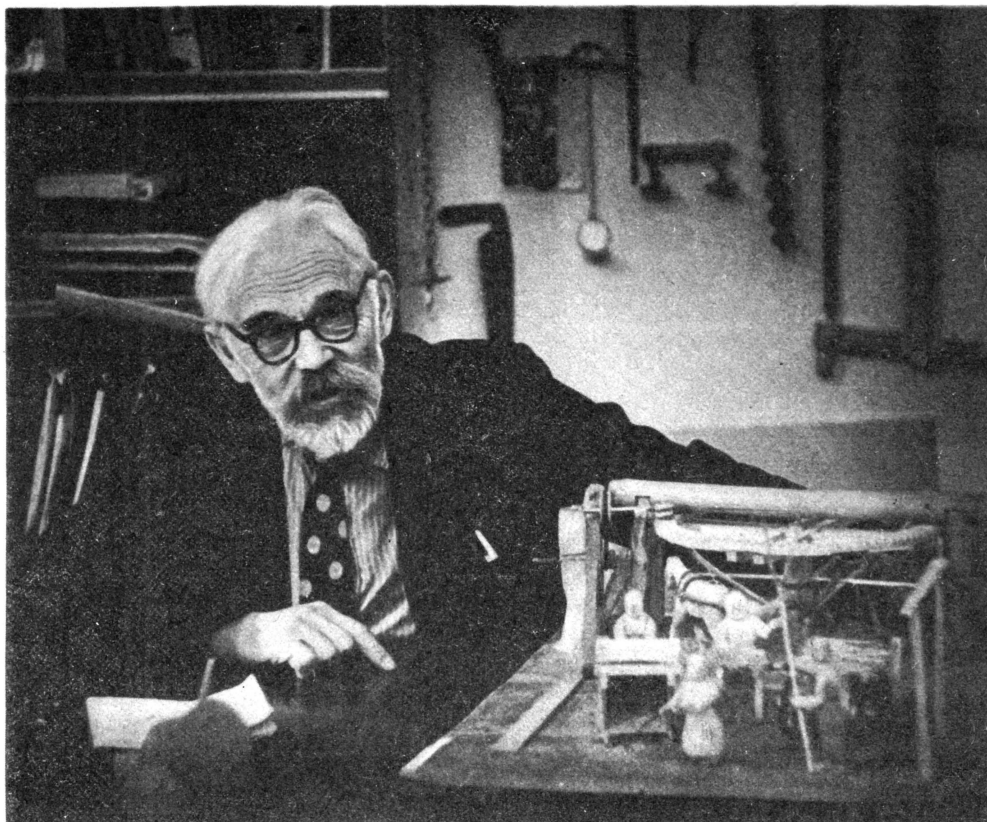
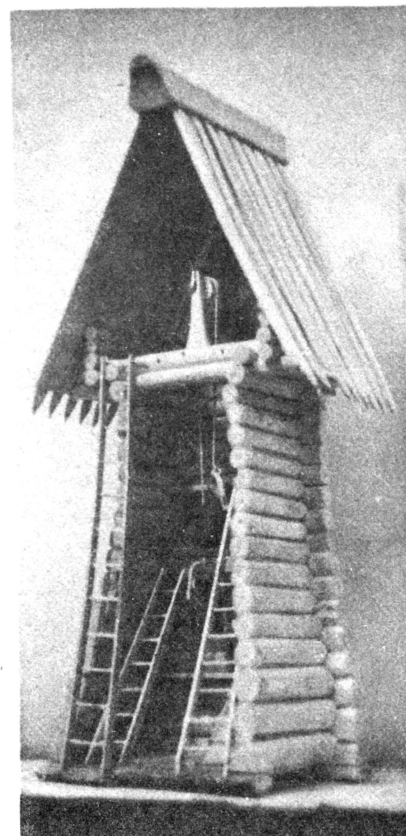

Фото А. Лыскова

Поправка. В № 3 журнала в подписи к фото на 3-й странице вкладки следует читать: «...Здесь, на промерзшем берегу Карского моря, соорудили...»

КРЫЛАТАЯ РУДА

Старые рудознатцы называли боксит «подрудком» — вроде руда, да неполноценная... Бокситы открыты сравнительно недавно: всего сто с каким-то лет назад обнаружил их в Провансе француз Бертье — от местечка Бо [Банх], где были открыты залежи, и получила новая горная порода свое название.

Основной компонент бокситов — глинозем. Интересно, что и у металла, который получают из боксита, — знаменитого алюминия — второе имя «глиний». В XVIII веке алюминий был в большой моде: преподнести алюминиевую кружку в качестве подарка считалось столь же уместным, как подарить золотую чашу...

«Мода» на алюминий не прошла и в нашем веке. Очень сильный толчок производству алюминиевых сплавов дало развитие авиационной промышленности.

В Великую Отечественную войну, когда Тихвинские бокситовые рудники оказались занятыми врагом, страну выручил Урал. Крылатую руду стало давать вновь открытое уникальное месторождение бокситов «Красная Шапочка». Рудники и заводы Урала в полную мощь работали для нужд самолетостроения; на месте открытых залежей вырос новый город — Североуральск.

Фото А. Нагибина